

В.К. Новик

**М.В. ЛОМОНОСОВ.
ЛИЧНОСТЬ
И ОБРАЗЫ (XVIII-XXI вв.)**

Новик В.К.

**М.В. ЛОМОНОСОВ.
ЛИЧНОСТЬ
И ОБРАЗЫ (XVIII–XXI вв.)**

Издание второе, исправленное и дополненное

Москва
Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
2012

УДК 929
ББК 72.3
Н73

Новик В. К. **М.В. Ломоносов. Личность и образы (XVIII–XXI вв.)**.
2-е изд., испр., доп. — М.: Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. — 124 с.

ISBN 978-5-8279-0100-6

В статье сделана попытка, отталкиваясь от мнений современников, высказанных о Ломоносове непосредственно до и после его кончины, проследить эволюцию отношения к этой личности вплоть до нынешнего времени. Изложение следует точно установленным фактам, преследуя цель представить реальное развитие событий, показать, почему же Ломоносов стал Великим в глазах русского народа и доказать, что это величие неистребимо, оно прошло через века, в века и уйдет.

Для широкого круга читателей.

НОВИК Виталий Константинович

**М.В. ЛОМОНОСОВ.
ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗЫ (XVIII–XXI ВВ.)**

Подписано в печать 14.03.2012 г.
Формат 60х90/16. Объем 7,75 п.л. Тираж 200 экз.
Заказ №

Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 2

Отпечатано в типографии МГУ им. М.В. Ломоносова
119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15

ISBN 978-5-8279-0100-6

© Новик В.К., 2012

Содержание

Часть I. Личность

Вступление.....	4
Кончина и три мнения.....	5
Мнение просвещенного слоя и духовенства.....	8
Мнение профессоров Академии Наук.....	14
Мнение Императрицы и Двора.....	34
Драма гения.....	43

Часть II. Образы Ломоносова, XVIII–XXI вв.

Образ национального героя, поэта-патриота.....	49
Образ создателя Московского университета.....	60
Образ юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным обозом в Москву.....	65
Образ ученого-энциклопедиста.....	69
200-летний юбилей. Образ националиста и проповедника. Закон Ломоносова.....	76
Образ Ломоносова и советская власть.....	86
Образ Ломоносова в условиях возрожденного капитализма.....	106
Лирический эпилог.....	110
Литература.....	111
Благодарности.....	124

Часть I

Личность

«Но как история должна быть зеркалом истины, то представляемая в ней слабости и заблуждения человеческия да обратятся в похвалу исправленным, и да будут во исправление не наказанным».

И.Ф. Богданович. Историческое изображение России. Ч. 1. Стр. 87, 88.

Сочинения Ипполита Федоровича Богдановича. Часть 5. Москва. 1810.

Вступление

Большая часть населения России сейчас имеет весьма неясные представления о деяниях, возвеличивших М.В. Ломоносова. Стремительно и неуклонно сокращается круг людей, интересующихся XVIII веком, и буквально по пальцам можно пересчитать ученых, которые более или менее детально знакомы с историей Академии Наук в XVIII веке.

Одновременно множится племя спекулянтов от истории, преуспевающих на привычном ныне стремлении оскорбления святынь России. И самое отвратительное во всем этом — это стяжательство, приумножение собственного благополучия такой грязной ценой.

О Ломоносове написаны тысячи книг. Но многочисленные авторы, с одной стороны, стремясь из лучших побуждений предать Ломоносову нетипичные, несвойственные, нехарактерные для него черты, сознательно лукавя, опуская сознательно те или иные стороны событий, создали его образ, оказавшийся исключительно уязвимым для критики.

С другой стороны, умолчание, казалось бы, умаляющих Ломоносова жизненных фактов в науке, деятельности, быту, семье, это умолчание — добровольное ли, по незнанию ли, так же послужило в последствии, так называемым открывателям истин только для одной цели — умелого, изощренного оболгания этого имени. Такого рода факты, хорошо известные исследователям, в допустимых этикой рамках, должны быть открыто обсуждены, дабы снять для недоброжелательного пера привлекательный покров чего-то поро-

чащего. История, в конце концов, приходит к объективным оценкам, и, дай бог, чтобы эти оценки были изложены приязненным словом, а не вылились в оскорбительный для России анекдот.

Автор не является профессиональным историком, но длительные занятия историей физики XVIII века и накопленная информация вынуждают его в таких условиях объективно высказаться об этой гигантской личности.

В статье сделана попытка, отталкиваясь от мнений современников, высказанных о Ломоносове непосредственно до и после его кончины, проследить эволюцию отношения к этой личности вплоть до нынешнего времени. Изложение следует точно установленным фактам, преследуя цель представить реальное развитие событий, показать, почему же Ломоносов стал Великим в глазах русского народа и доказать, что это величие неистребимо, оно прошло через века, в века и уйдет.

Легенды, сложившиеся о нем, достаточно близки к былой реальности. Легенды испытаны временем и не отторгнуты им. Они эффективны и полезны в просвещении, в воспитании нравственности и патриотизма русского народа.

Если в начале XX века уместно было призывать к классовому подходу применительно к национальной гордости великороссов, то разумно вспомнить, как и кем, это чувство ранее взращивалось и укреплялось. И на первое место мы должны поставить фигуру Ломоносова.

Наследие Ломоносова огромно и разносторонне. Отдельные грани наследия (наука, поэтика, стилистика, труды по истории) неоднократно были предметом резкого, порою с полярными оценками, критического анализа.

В чем же он БЕССПОРНО велик?

В том, что сумел переломить русское национальное самосознание с векового чувства собственной неполноценности к обоснованной гордости великого народа.

Значимость этого подвига непреходяща в веках, частности остаются не более чем штрихами биографии.

Кончина и три мнения

В понедельник, четвертого (старого стиля) апреля 1765 года, на третий день «святыя недели» Пасхи, в пять часов пополудни, в Санкт-Петербурге, в своем доме скончался статский советник, один

из первоприсутствующих Канцелярии Академии наук, профессор Академии по классу химии Михаил Васильевич Ломоносов. Причиной этого печального события было заболевание легких, «чахотка»¹ или «новый, обостренный простудой, приступ его прежней болезни»². За два дня до кончины он причащался, а при соборовании, когда он в полном здоровом рассудке прощался со своей супругой, дочерью и остальными домочадцами, священник Воскресенской церкви Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса Андрей Бордяковский принял его последний вздох. По его кончине, как писала дочь, в доме не оказалось средств для достойных похорон³. Тогда же граф Г.Г. Орлов по Высочайшему соизволению Государыни⁴ приказал наложить свои печати в его (Ломоносова) доме, поскольку там, безусловно, имелись документы, которым не дозволено быть в чужих руках. Обычно опечатывался кабинет и книжные шкафы. Позднее, сторговавшись в цене, граф купил библиотеку, рукописи и научные инструменты покойного^{5, 6}, а через несколько месяцев бумаги были разобраны Г.В. Козицким, и часть из них была помещена в доме Орлова «в особом покое».

Восьмого апреля, утром, тело Ломоносова было погребено «с богатою церемониею... Императорским иждивением»⁷ (Императрица выделила на похороны значительную сумму), на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре при великом скоплении людей. Во время пышных похорон отпевание вели Архиепископы Петербургский и Новгородский в присутствии другого знатного духовенства. С покойным сочли необходимым прийти проститься «господа сенат», множество знатных особ и, конечно, профессора и служащие Академии наук. Печаль и горесть невиданного стечения «всех любителей словесных наук» были искренни и неподдельны.

Газеты «Санкт-Петербургския ведомости» и «Московския ведомости» не сочли эту новость достойной извещения граждан, отмолчались издания Московского Университета, и весть получила распространение лишь благодаря частной переписке.

Профессора Академии отнеслись к событию сдержано, без скорби, а некоторые с облегчением. Они по должности и традиции проводили усопшего в последний путь и были удивлены таким выражением чувств людей, пришедших проститься с покойным на панихиду и погребальный обряд.

Академию более волновали грядущие события, в частности неясность в будущем в связи с отъездом за границу Президента Академии графа Разумовского. Лишь 11 апреля, другой первоприсут-

ствующий Канцелярии И.К. Тауберт запоздало, «репортом», официально известил Сенат о случившемся с главой академической науки:

«Бывшей в Канцелярии Академии Наук в присутствии Статской Советник и Профессор Михайло Васильев сын Ломоносов по продолжавшейся чрез некоторое время болезни сего Апреля 4го числа волею Б[о]жиею умре. О чем Правительствующему Сенату доносится сим за известие»⁸.

Эти строки подвели черту под целой эпохой бытия Академии.

Коллеги покойного в тот же день на Конференции занимались текучкой и послушно приняли в почетные члены Н.Г. Леклерка, врача, сопровождающего Президента в поездке. В последующем Собрании Н.Г. Леклерк выступил с благодарственным Словом, выразив скорбь по покойному и восхищение им, опрометчиво упомянув его имя рядом с Петром Великим и нынешней Самодержицей. Через неделю академикам пришлось исправлять оплошность⁹.

Только на собрании 18 апреля¹⁰ профессора вернулись к печальному событию, записав третьим пунктом в протокол: «По общему мнению академиков похвальное слово о Ломоносове, а также и других ранее скончавшихся академиков, должно написать и в Комментарий поместить», не высказав желания выделить его среди прочих, что полно отражало в должных словах мнение сослуживцев о покойном. Эта академическая элогия увидела свет только через 18 лет при совершенно изменившихся обстоятельствах.

Проявления этих двух отношений к памяти покойного мы должны дополнить и третьим – реакцией Императрицы и ее ближайшего окружения. Личность Ломоносова в ее узком кругу поминалась, главным образом, применительно к делам Академии наук, непрерывно докучавшей власть имущим своими неурядицами и склоками. Мнение Императрицы об Академии было откровенно отрицательным. Ко всем назревшим проблемам Империи это маленькое скандальное учреждение (см. далее) добавляло еще забот о его реорганизации.

Отголоски мнения ближнего круга Императрицы были высказаны устами 11-летнего подростка, наследника престола Великого князя Павла Петровича. Услышав о смерти Ломоносова в день его кончины, он отозвался: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал»¹¹. В памяти еще были свежи траты на мозаику «Полтавской баталии». Высказанное, конечно, не являлось его собственным мнением, оно лишь отражало общие суждения воспитателя цесаревича, главы Коллегии иностранных дел Н.И. Панина,

которые, будучи высказаны, никак не могли противоречить взглядам Самодержицы. Присутствуя за столом с особами, «которых и в мыслях тронуть боязно», наследник впитывал их отношения к конкретным лицам. Дневник Порошина полон колкостей, отпущенных этими особами в адрес Академии. За внешними реверансами в адрес усопшего никто не забыл покровительства ему первых при дворе Елизаветы лиц, и его тесной связи с кланом Шуваловых, давних и злейших врагов бывшей Великой княгини.

Рассмотрим детальнее, какие мысли и чувства стояли за этими мнениями, как они изменялись во времени и по каким причинам.

Мнение просвещенного слоя и духовенства

Сколько широко было известно поэтическое творчество Ломоносова при его жизни?

Оценим категории и численность *читающей* публики в середине XVIII века. К ней следует отнести сановное и знатное дворянство, служилое, чиновничье и помещичье дворянство, гражданское чиновничество, купечество и мещанство, духовных лиц, ничтожный слой преподавателей и ученых. Имеющиеся данные позволяют оценить относительную численность этой категории.

По статистическим данным, перед реформами Александра II в России было только 6% грамотных¹². Такой уровень был достигнут через 70 лет после создания Екатериной II государственной системы народного просвещения. Обратившись к временам Петра I, мы узнаем, что его «господа сенат» имели в своем составе двух неграмотных. Это – легендарный светлейший князь А.Д. Меншиков¹³ – первый из русских, принятый в Лондонское Королевское научное общество, и князь М.В. Долгоруков¹⁴. Применительно к крестьянству, напомним о сладостных мечтаниях И.Т. Посошкова иметь на целое село хотя бы одного грамотного¹⁵. Со временем ситуация «улучшилась», и Екатерина II в своих мемуарах так характеризует елизаветинский Двор: «Остерегались говорить об искусстве и науке, потому что все были невеждами: можно было побиться об заклад, что лишь половина общества еле умела читать, и я не очень уверена в том, чтобы треть умела писать»¹⁶. Такая «мажорная» нота и линейная интерполяция от Александра II к Петровским временам, позволяет оптимистично считать относительную численность элементарно грамотных как $\approx 2\%$ населения, т.е. ≈ 400 т. человек при общей численности ≈ 20 млн. человек. Не более чем каждый двадцатый из них интересовался поэзией (апогей в СССР), иными

словами, с учетом общего развития и собственных пристрастий, читателей стихов, од и псалмов Ломоносова насчитывалось около 10 тысяч человек. Они же включали немногочисленных знакомых с его естественнонаучными трудами. Данные о тиражах изданий его трудов уверенно коррелируют с этой цифрой¹⁷.

Вот эти-то 10 тысяч верноподданных короны, из сановного, знатного и служилого дворянства, сосредоточенные, в основном, в обеих столицах и были теми, о ком написано: «...Россиянин отдыхал за творениями Ломоносова, котораго лира гремела и пленяла тогда Россиян, еще не строгих судей в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее» (И.Ф. Богданович, 1743–1803). Таково свидетельство современника. А благодарный потомок через сто лет мог с полным правом утверждать: «Главная заслуга Ломоносова и писателей следовавших за ним... состояла в том, что они своими произведениями возбуждали охоту к чтению и мало-помалу увеличивали число людей, интересующихся литературою. ...Трудами этих людей образовалась в России «публика», то есть некоторая часть русского народа получила привычку находить в чтении наслаждение, без которого уже не могла обходиться»¹⁸.

Почему же творения и личность Ломоносова стали привлекательны для читающей публики? Он был СВОЙ. Он был СВОЙ и близкий во всем, в происхождении, в привычках, манерах, традициях и обычаях, понятный в языке, понятный в вере, понятный в буйстве с рукоприкладством, понятный в общей привычке «Веселие Руси есть питии». Страсть оказалась губительной. Не будем оправдывать эту слабость Ломоносова или объяснять ее чужим влиянием¹⁹, согласимся с мнением «каждому времени – свои нравы»²⁰. Можно лишь сожалеть, что именно эта его черта стала лейтмотивом многих ядовитых прижизненных сатир на русском и немецком языках, отнюдь не удлинивших его жизненный путь.

Он был образцом личных качеств русского мужика, даже физических, примером личного творческого успеха. Свободный помор недюжих талантов бросает родной дом и сам ломает предначертанный ему путь, отказываясь от привычной купеческой, духовной или военной стези и выбирая никому не понятную науку. Крестьянской среде была чужда сама мысль о познании окружающего мира: «Господь дал...». И редкостное, стихийное стремление мужицкого сына стало для России знаменем, знаменем независимого отклика низов на чаяния Великого Петра о возникновении собственной русской научной поросли.

Масштабом своей личности Ломоносов создает небывалый прецедент, доказав, что русским есть место в науке. И все знали, что именно он возглавляет науку в Академии. Чтобы представить непреходящую ценность такого события нужно уйти в XVIII век и понять, что достойных примеров пребывания русских в науке просто не было, и никто не мог утверждать, что они там вообще могут быть.

В деяниях его было нечто, что интуитивно, самостоятельно, по доброй воле востребовано просвещенным людом, и это нечто могло быть найдено только у него и ни у кого другого. Он дал старт непрерывному осовремениванию русского языка, чтобы «слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен»²¹. Талантом и устами Ломоносова наука, в ее разнообразных отраслях, впервые и свободно заговорила по-русски. Осовремененный им русский язык позволил молодому поколению войти в науку. Наука не может обойтись без языка, соответствующего времени и включающего должную иностранную терминологию. Это обновление позволило ввести в науку русские названия, термины, дефиниции, определения в непрерывно возникающих новых понятиях науки. Пример тому «Вольфианская физика», переведенная им²².

Через сто лет было образно сказано: «У кого достало <бы> творческой силы оббить и сделать восприимчивым такой грубый и неподатливый материал, какой представлял из себя Русский <книжный> язык во время Ломоносова..»²³. Ломоносов к радости своей открыл, что русский разговорный язык, которым общались, шутили и бранились его окружающие, обладает всем тем богатством, что необходимо для свободного выражения самых сложных мыслей. И он имел отвагу начать писать этой разговорной речью. И читатель был поражен красотами и гибкостью того самого языка, которым он повседневно пользовался в быту.

Невозможно переоценить важнейшую роль выразительной силы языка Ломоносова. Известно, что «Слова в России – больше, чем слова» (Н.В. Карлов), что «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести» (В. С. Шефнер).

И мощное оружие СЛОВА было использовало для возвеличивания России.

Призыв, обращенный к чувствам русского народа, должен был помочь освободиться от векового сознания собственной неполноценности, собственного бессилия, собственной ущербности перед этими «немцами». Это в Москве они жили на Кукуе, на Яузе, за

стенной. Здесь же в Питере вот они, перед глазами. Они и умнее, и развитие в быту, в костюмах, в обычаях, привычках, нравах и трудовых навыках, они прилежно несут в страну науку, несут в страну промышленность, несут военное искусство и вооружение. Но они – ПРИШЛЫЕ, ЧУЖИЕ, со своими опрятными домиками и «тощими немецкими душами». И Ломоносов непрерывно обращается (опустим цитаты!) к национальной гордости россиян: и язык наш лучше всех, и история богаче всех, и Сибирь, что мы насквозь прошли, в Америку уперлись, самая богатая, и вера самая правильная и чистая, и военные победы наши неисчислимы. Нам ли сомневаться, что и в науке, как завещано Великим Петром, россияне возобладают. Этим слов ждали, и они были восприняты названным тончайшим, но влиятельным слоем просвещенного населения.

Ломоносов стал долгожданным живым прообразом легенды, и прообраз был с готовностью принят и вознесен на пьедестал. Почитатели таланта Ломоносова не имели возможности ознакомиться с его биографией, она была опубликована позже. Лишь малая часть из них знала о его мозаичных картинах, еще меньшая – понимала суть его научных работ. Для большей части он был известен только как поэт-патриот, что и нашло отражение в посмертных откликах.

На кончину Ломоносова откликнулись эпитафиями весьма многие лица, далеко отстоящие на общественной лестнице. Среди них были и профессиональные поэты А.П. Сумароков и И.Ф. Богданович²⁴, и граф Андрей Шувалов²⁵, будущий соавтор «Антидота», и певчий придворной капеллы И.К. Голеневский, и скромный учитель английского языка Сухопутного Кадетского Корпуса Л.И. Сичкарев (1741–1809), оплативший издание²⁶ из своих скудных средств.

Даже в кратком отрывке из его «Надгробной песни»:

Российской Соломон отходит в смертной путь.
Внемлите Росские вы музы лире сей,
Се полагается во гроб ваш Орфей*
Не будет больше петь на Невских он берегах,
Прекрасны лавры вам оставил при водах.
Внушите Риторы, российские сей тон,

* Такое восприятие образа сохранил для потомков скульптор И.П. Мартос (1754-1835). Памятник в Архангельске (1832 г.) представляет Ломоносова в бронзе подобно певцу Эллады, в тоге, с лирой в руках.

Се покрывается землей ваш Цицерон.
Уж громогласная российская труба
В гроб заключается подземной на всегда.
Внушите веди вы естества закон,
Се в тьму скрывается великий ваш Невтон,

слова «российские, росские, Невские берега» используются через строчку. Очевидна неприязнительность стихов, но высказано главное — уже не только уважение, а скорее преклонение перед человеком, признаваемым кумиром России.

Не менее выразительна строфа, принадлежащая перу Н.Н. Поповского и написанная при жизни Ломоносова²⁷:

Московской здесь Парнас изобразил Витию,
Что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл природы храм богатым словом Россов;
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Авторы эпитафий и стихов не скупались и не стеснялись в сравнениях – их пером Ломоносов становился русским Орфеем, Пиндаром и Мальгербом*, Гомером, Вергилием и Цицероном, Невтоном (Ньютоном) и Архимедом.

Преклонение мыслящей России сопровождалось пониманием государственной важности таких личностей и, соответственно, значимости их примера. Несколько цитат из личных бесед Порошина²⁸: «Между тем разговорились мы о г. Ломоносове и о г. Сумарокове, и потом вообще о людях ученых. Говорил я Его Высочеству, как принимать их, и какое почтение отдавать им должно, для ободрения наук и покровительства; ...вить эдакие люди не растут как грибки из земли; надобно для того хорошия учреждения, ободрение и покровительство. А голов годных много в России, хотя такие головы, какова Ломоносова, и реденьки несколько...; ...Вы Великой Князь Российской. Надобно вам быть и покровителем Муз

* Пиндар (Pindaros, лат.Pindarus, 518-446 д.н.э) величайший лирический поэт древней Греции. Воплотил свое видение мира в величественных одах. Мальгерб, Франсуа де (Malherbe, François de, 1555-1628) французский поэт при дворе Генриха IV. Приобрел известность при королеве Марии Медичи. Превосходный мастер, стилист сочетания слогов.

российских. Какое для молодых учащихся Россиян будет ободрение, когда они приметят или услышат, что уже человек таких великих дарований, как Ломоносов пренебрегается? Чего им тогда ожидать останется, из которых природа, конечно, не многих Ломоносовыми сделала...». Павел запомнил слова своего наставника (см. далее), что делает ему честь. Но для Порошина не только убежденность в собственной правоте, но и определенная смелость требовалась для подобных высказываний о личности, малопривлекательной для Императрицы.

Выше было представлено трепетное мнение мирской части просвещенного общества. А что же высказывали о Ломоносове лица духовные, которые составляли преобладающую часть этого общества?

Церковь по праву могла считать его своим воспитанником и гордиться им, затмившим Феофана Прокоповича. Он вышел из ее недр, и, несмотря на некоторую фронтальную оппозицию и молодечество («Гимн бороде»), стоял на защите веры всем своим авторитетом. Напомним, что этот «Гимн», был заклеен аж высшим церковным органом — Священным Синодом в докладе на имя Государыни Елизаветы Петровны от 6-го марта 1757 г. с требованием, дабы «таковыя соблазнительныя и ругательныя пашквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить, запретить и означеннаго Ломоносова, для надлежащаго в том увещания и исправления, в Синод отослать, Всемилостивейши указъ соизволили»²⁹.

Но в том же году выходит «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе ... Михайла Ломоносова», открывающееся предисловием «О пользе книг церковных в российском языке» с беспрекословным утверждением³⁰: «..Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь Российская славословием Божиим на Славенском языке украшаться будет». Стоит ли обсуждать, на чьей стороне используется это имя в многовековом вопросе о переводе церковных служб на русский язык? Великолепным Ломоносовским слогом были написаны «преложения» семи псалмов, ода на темы ряда глав из Иова³¹, и все это размещено на первых страницах прижизненного издания. Сочинения весьма активно востребовались высокопоставленной читающей публикой, как духовной, так и светской³². Не сомневаясь в существовании Творца и будучи твердым в вере, Ломоносов, полагая наличие атмосферы на Венере, считал нужным

высказаться о веровании возможных на ней живых существ³³. Не будем комментировать, согласимся с неординарностью мысли.

Церковь достойно воздала памяти своего питомца не только частными речениями³⁴, но и небывалой для хуторного частного лица процедурой погребения. И неслучайно в дни 200-летнего юбилея Ломоносова в стенах Московского университета прозвучало:

«И сама Церковь присоединяется к общему торжеству своим молитвенным воспоминанием о приснопамятном юбиляре, как об одном из славных питомцев своей школы, двигателе духовного просвещения и незабвенном певце величия Божия. Да будет же благословенною память о нем из рода в род!»³⁵.

И духовенство и высокопоставленные вельможи считали необходимым связать свое имя с прославленным именем почившего. Поймем правильно человеческие слабости. Покровитель покойного, граф М.И. Воронцов позднее поставил на могиле обелиск из каррарского мрамора с надписью на латинском и русском языках:

«В память /славном мужу/ Михайлу Ломоносову,/ родившемуся в Колмогорах в 1711/ бывшему Статскому Советнику/ С: Петербургской Академии Наук,/ профессору/ Стокгольмской и Болонской /члену/ разумом и науками превосходному/ знатным украшением отечеству/ послужившему/ Красноречия Стихотворства/ и Гистории Российской/ учителю/ Муссии <мозаичного художества – В.Н.> первому в Рос.<сии> без руководства изобретателю/прежде временную смертью/ от муз и Отечества/на днях святыя Пасхи 1765 года/ похищенному/воздвиг сию гробницу/ граф М: Воронцов/ славя Отечество с таковым/ гражданином и горестно соболезнуя/ о его кончине»³⁶. Фамилия графа была выбита буквами чуть меньшей величины, чем фамилия Ломоносова.

Итак, Ломоносов по праву стал кумиром весьма тонкого слоя читающей публики. Время государственного внимания к образу придет позже. Когда и при каких обстоятельствах?

Мнение профессоров Академии Наук

Автор с нелегким сердцем приступает к изложению причин откровенно выраженной холодности профессоров Академии к кончине Ломоносова. Он был им известен в совершенно иной ипостаси.

Этот раздел может и должен служить иллюстрацией общего положения о том, может ли исключительная, одаренная, с задатками гения (*annonçait génie*)³⁷ личность внести заметный вклад в есте-

ственную науку, минуя тяжелейший, чреватый неприятнейшей самооценкой этап официального или самообразования. Вхождению человека в науку неминуемо должен предшествовать этот трудоемкий этап, т.е. стадия получения начальных знаний как ступень формирования профессионализма ученого. Не менее важен вопрос об атмосфере развития ученого, о необходимости и роли школы. Люди науки не могут добиться сколь-либо существенных достижений вне связи с кругом коллег, без приобщения к их знаниям и опыту. В дополнение к личным контактам и публикациям, функции нынешних семинаров и конференций в XVIII веке выполняла «Республика писем». В биографии Ломоносова мы не можем найти ни первого, ни второго, ни третьего. Автору очень хотелось бы продолжить: «А вот в данном случае, в случае гения...», но, увы, правило это всеобщее и исключений не имеет. Такие обстоятельства и привели к драматическим событиям в последние годы его жизни, когда ему пришлось столкнуться со вторым поколением русских ученых, возвращенных и его заботами, в лучших европейских научных школах. Поговорим об этом подробнее далее, но сначала несколько общих сведений об Академии.

Санкт-петербургская Императорская Академия наук в середине XVIII века была небольшим учреждением, общей численностью, включая Президента, академиков, писарей, типографию, мастеровых, сторожей, матросов и трубочистов, менее полутора сотен человек³⁸, со сторонними службами – свыше трехсот. Среди них собственно научный штат — «Академики и члены Собрания» — по регламенту 1747 г. предусматривал 9 должностей академиков, 9 адъюнктов, 10 почетных членов (российских и зарубежных), 5 профессоров университета и одного историографа. Этим же регламентом из состава Академии выделялись, но сохранялись при ней, гимназия (ректор – 1, конректор – 1, учителей – 6, учеников – 20) и университет (ректор – 1, профессора – 5, студентов – 30). Эти академические и учебные должности в рассматриваемый период ни разу не были полностью замещены³⁹.

Академия пребывала на периферии внимания власти и во главе ее, на должность Президента, ставили персон по принципу личной преданности Двору. Для большей части из них управление наукой было делом второстепенным и малозначимым. С 1746 по 1765 год Академией руководил граф Кирилл Григорьевич Разумовский, брат фаворита Императрицы, заступивший на этот пост 17-летним

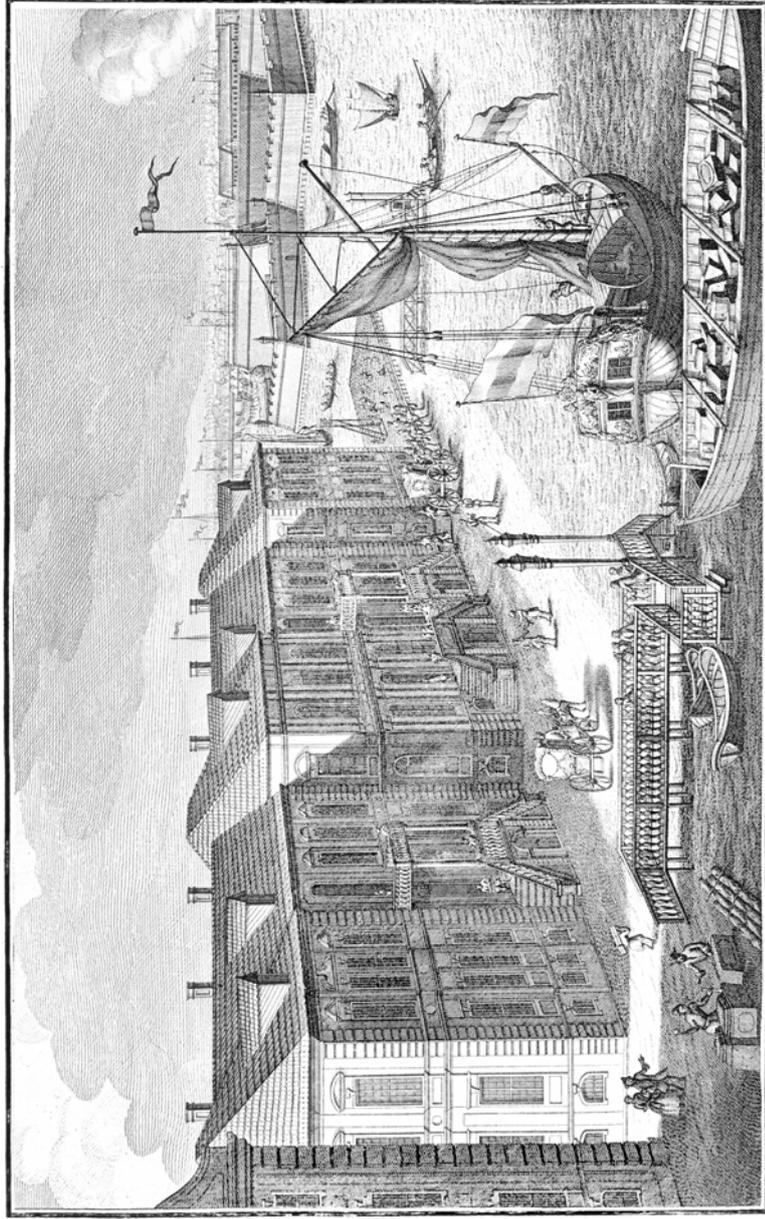
юношей. Через пять лет он уже был Гетманом Украины, Фельд-маршалом и Главой Запорожской Сечи. Естественно, что и большую часть времени он пребывал на Украине, в своей резиденции в г. Глухове.

Текущее управление Академией осуществляла Канцелярия, длительное время единовластно в лице И.Д. Шумахера (Schumacher Johann Daniel, 1690-1761), причастного к созданию Академии еще с Петровских времен. Шумахер и принял талантливого и жадного до знаний московского семинариста М. Ломоносова в первый набор академической гимназии, затем, подметив у него «отменную склонность к наукам», перевел в студенты, послал в Германию, и по скандальному возвращению, дал возможность занять должности адъюнкта и профессора.

Императорская Академия наук в ту пору переживала нелегкие времена. Науки были чужды стремительному калейдоскопу императриц. Ранее академию покинула блистательная плеяда профессоров первых наборов. В 1741 году оставил Петербург Леонард Эйлер (Euler Leonhard, 1707-1783), в Коллегию Иностранных Дел был отозван в 1742 году Христиан Гольдбах (Goldbach Christian, 1690-1764). Астроном Делиль (Delisle Joseph-Nicolas, 1688-1768), последняя персона из этой когорты, покинул Петербург несколько позже, в 1747 г.

Корыстолюбие и тщеславие Шумахера не было исключением среди разнородного чиновничества. Колоритно выделялась лишь сфера приложения этих качеств — наука. Он умело ориентировался в интригах Двора и, нужно отдать ему должное, уберег Академию от уничтожения, пережив пять самодержцев. Подобная опасность вспыхивала не раз, но искушенный чиновник каждый раз умело сохранял место своего «кормления».

Трудами Шумахера в Академии была создана прекрасная библиотека, не уступавшая лучшим европейским по наполнению фондов, типография, и великолепные производственные подразделения (мастерские). Последние выполняли и сторонние оплачиваемые заказы, в том числе и Кабинета императриц, и требования профессоров отнюдь не были для них приоритетны. Книги собственной печати продавались в своей лавке, пополняя скудные доходы Академии. Финансировалась Академия плохо и нерегулярно, профессорам сплошь и рядом задерживалась выдача жалования.

Здание Санкт-Петербургской Императорской Академии наук в середине XVIII в.
Гравюра Леслина по рис. М. Махаева

Тяжелым бременем на Академии лежала обязанность поддержания Университета и Гимназии. Прекрасная, по замыслу Петра I, триада «Гимназия – Университет – Академия» имела весьма слабые возможности для своей реализации. Принуждение же профессоров Академии к преподаванию в гимназии и университете вызывало у них откровенное недовольство и протест. Сам профессорский состав к середине 1740-х годов, когда Ломоносов стал профессором химии (1745 г.), как отмечалось, существенно потускнел. В Академии довлело уже поколение адъюнктов первого набора – Г.-Ф. Миллер и др.

Безалаберность в организации научной работы Академии, в общем и целом, устраивала этот тихий и сонный мир, который совсем не стремился к каким-либо научным дерзаниям и прорывам. Бойцовские качества академиков проявлялись только как защитная реакция.

Всесметающая энергия Ломоносова, целеустремленность в карьере, сознание собственной исключительности и поддержка покровителей обусловили как независимость его поведения в безвольной среде, так и стремительный должностной рост. В 1757 году он становится одним из руководителей Академии (членом Канцелярии, ответственным за научную деятельность), а в начале 1758 г. Президент поручает ему курировать гимназию и университет. И в общественном сознании он становится ПЕРВЫМ соотечественником, ставшим во главе российской науки.

В условиях елизаветинского времени 50-х годов привлечение Ломоносова к управлению Академией было наилучшим решением. Его неумное честолюбие было направлено в созидательное русло и принесло свои плоды. Плоды не столь большие, как хотелось бы, но максимальные по существовавшим условиям того времени. И, пожалуй, наиболее действенным было то, что эта гигантская фигура вообще привлекала внимание власть имущих к столь ничтожному, по их меркам, учреждению, как Академия наук.

Ломоносов оказался на своем месте в период начального формирования в массах, у молодых интереса к науке и в самый тяжелый период организационного становления учебных заведений.

Близко к этому времени, в августе 1756 года, в связи с началом семилетней войны из Берлина были отозваны адъюнкты С.Я. Румовский (1734-1812) и С.К. Котельников (1723-1806), в течение двух лет стажировавшиеся у Л. Эйлера в Берлинской Академии.

С.Я. Румовский был, по-видимому, единственным учеником Ломоносова, который пошел «по научной части»⁴⁰.

В мае 1757 г. оттуда же прибыл в Петербург и занял должность профессора физики Ф.У.Т. Эпинус (Aepinus Franz Ulrich Teodosius, 1724–1802)⁴¹. В академическую жизнь, которая до тех пор неспешно текла, с появлением этих двух молодых людей в Академию вернулись профессиональные и жесткие критерии оценки работ, принятые в европейской науке. С приездом же Ф.У.Т. Эпинуса эти критерии усугубились, приобрели наступательный характер и оказались распространенными на всех. И если в стихосложении Ломоносову публично противостояли, или, во всяком случае, были близкими по рангу значимости, Сумароков и Тредиаковский, то в Академии ранее высказывать какие-либо критические замечания в его адрес просто боялись, поскольку в памяти сохранялись его тяжбы с Шумахером, И.-К. Таубертом (Taubert Johann Kaspar, 1711–1771) и прочими. Осталось позади время взаимного всепрощенчества. Боязнь открытой критики Ломоносова была преодолена. Напомним, что и Котельников и Румовский были возвращены в гимназии и университете Академии, в том числе и на живом примере Ломоносова. В Академии вновь прибывшие опять столкнулись с несколько странными отношениями между Ломоносовым и профессорами. Позднее друг Ломоносова, старейший член Академии Я.Я. Штелин (Stählin Jacob von, 1709–1785) описал его умственный и нравственный характер в следующих словах⁴²:

Умственный. Исполнен страсти к науке; стремление к открытиям.

Нравственный. Мужиковат; с низшими и в семействе суров; желал возвыситься, *равных презирал* <курсив мой В.Н.>.

Подобное отношение руководителя к «равным», полностью противоречащее научной этике Европы, стало причиной многочисленных внутренних конфликтов и привело к отторжению Ломоносова активной академической средой.

Какие ожидания будили у профессоров приведенные ранее строки Поповского, обращенные к их коллеге, восседающему рядом, просто за одним столом, в очередном академическом Собрании:

Открыл природы храм богатым словом Россов;
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Оставим за скобками добродушную иронию, или, не приведи господь, изощренное злословие. В любом случае, от руководителя, которому пелись такие дифирамбы, «равные», безусловно, были вправе ожидать каких-то научных откровений. И чему же они оказались свидетелями, какие утверждения им пришлось обсуждать?

В XX веке оценки научных деяний Ломоносова постепенно претерпели переход от спонтанной или предписанной восторженности к трезвым суждениям. Эти суждения привели к согласию результаты творений с особенностями биографии, с возможностями эпохи, социальной обстановки в России и общим состоянием науки.

П.Л. Капица объективно, без унижающего снисхождения охарактеризовал научную деятельность Ломоносова, указав: «ничто так не поучительно, как заблуждения гения»⁴³ об отрицании Ломоносовым понятия массы по Ньютону. Так последуем же и далее призыву нобелевского лауреата.

Середина 50-х годов XVIII века была периодом, когда одаренные любители наук должны были уступить место уже появившимся подготовленным профессионалам.

Принципиальным отличием последних было стремление описать изучаемое явление в аналитической форме. Только такой подход позволяет учесть типы и характер взаимодействий, предсказать их развитие. Иными словами, различные области естественных наук подошли к созданию моделей и теории явлений. Восхождение на этот уровень требовало, конечно, основательной математической подготовки. Ломоносов, да и многие зарубежные ученые, очутившись на переломе в развитии науки, оказались не в состоянии перейти эту черту. Напомним, как пример, о судьбе ныне неизвестных английских электриков В. Ватсона (Watson William, 1715–1787), Дж. Кантона (Canton John, 1718–1772), Б. Вильсона (Wilson Benjameen, 1708-1788), получивших массу результатов качественных экспериментов, которые не смогли ни понять, ни оценить значения первой аналитической теории электричества Ф.У.Т. Эпинуса. Теория была воспринята лишь следующим поколением Г. Кавендиш — Cavendish Henry, 1731–1810; Дж. Робисон — Robison John, 1739-1805; Д. Брюстер — Brewster David, 1781-1868) и успешно применена.

В Императорской Академии новое поколение поначалу олицетворяла названная тройка.

Напомним вкратце отдельные эпизоды возникшего противостояния, затронув лишь предложения, вынесенные лично Ломоносовым на суждение Конференции. Только по ним складывалось мнение академиков о научном лице Ломоносова. Его прозорливые догадки, рассыпанные по черновикам, были Академии неведомы.

Перечисленные эпизоды многократно рассматривались в литературе.

Ломоносов предлагает конструкцию «ночезрительной трубы», эффективность которой тут же опровергается профессорами астрономии Н.И. Поповым (1720-1782) и А. Гришовым (Grischow Augustin Nathanael, 1726-1760). Он обращается к Ф.У.Т. Эпинусу с просьбой помочь доработать такую трубу, «которая увеличивала бы степень яркости <объекта> выше естественной». Тот терпеливо разъясняет: «...это лежит за пределами возможности оптики»⁴⁴. Автор цитируемой статьи С.И.Вавилов соглашается, естественно, с Эпинусом. Ему ли было не понять абсурдность идеи, но через год после победоносной войны требовалось и в науке подтвердить историческое преимущество русского перед немцем. И Сергей Иванович мастерски выходит из затруднения, привлекая неведомые в XVIII веке адаптационные свойства глаза. Надеюсь, читатель, Вы не осудите Президента АН СССР за этот маневр?

Летом 1764 г. в связи с подготовкой экспедиции Чичагова обострился интерес к способам определения долготы. И 20 августа Ломоносов предлагает вниманию ученого европейского сообщества задачу на премию Императорской Академии о нахождении долготы по наклонению магнитной стрелки⁴⁵. Для мореплавателей, использующих компас, было очевидно отсутствие какой-либо связи между наклонением стрелки и долготой. Не трудно представить издевки иностранных коллег, буде такая задача была бы провозглашена от лица Академии. Но уже через день предложение было дезавуировано Ф.У.Т. Эпинусом.

Личной трагедией Ломоносова, приблизившей кончину, стал крах его гравитационной модели Земли. Много лет он посвятил наблюдениям за колебаниями созданного им «центроскопического» маятника и, в итоге, предложил 24 августа 1764 г. изложить в Публичном собрании выношенную модель⁴⁶. Авторитетом и именем Академии должны были быть поддержаны и вынесены во внешний мир следующие утверждения:

«...центроскопические разные инструменты, коими доказываются:

1) что шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется, 2) что тягость тел не постоянна и всечасно переменяется, 3) от сих действий происходит движение земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров оттуду ж много зависит. Сие доказывается многими тысячами метеорологических и новых центрических наблюдений, кои советник Ломоносов начал 1759 года и поныне продолжает»⁴⁷.

Академия не могла допустить такого посягательства дилетанта на фундаментальнейшие представления. Публичное заявление подобного рода не только запятнало бы честь Академии, но и поставило бы под сомнение в научном мире компетентность всех ее членов, допустивших выступление. Смириться с этим было невозможно, поскольку сохранение собственного научного достоинства, самоуважения, ответственности и заботы об уважительном стороннем мнении воспитывались у западных ученых с начала их карьеры. Обсуждение причин этой коллизии дано П.Л. Капицей⁴⁸, куда мы и отсылаем читателя.

Так зарождалась и созревала драма Ломоносова, драма мучительной переоценки собственной исключительности. Мизансцены драмы развивались в серии корректных, но уничижительных по сути дискуссий, объективно доказывающих его неправоту. Ревность к чужим успехам, нетерпимость к чужому мнению, в том числе формально подчиненного бывшего ученика, выливалась в защитную жалящую риторику, которая никогда не заменяет профессионализма. Нельзя, впрочем, не отметить, что накал полемики оказался поучительным и для не участвовавших в ней.

Вспомним, однако, о начальных абзацах этого параграфа. Вспомним о годах обучения Ломоносова в семинарии (1729–1735 гг.), когда его молодой, ни на что не отвлекающийся ум, жадно впитывал латинский, греческий, «славенский» языки, латинскую и русскую поэзию, риторику и философию. Последняя же преобладала и в лекциях Вольфа в Марбурге, где Ломоносов провел три года. Именно в этот период он увлеченно занимался приемами и лексикой «немецкаго стихотворства»: «Многих знатнейших стихотворцев вытвердил наизусть. По тамошним ямбам, хорям и дактилям начал размерять стопы <слоги. В.Н.> и в русских стихах, со

всем новым образом, несравненно глаже и согласнее прежних в чтении»⁴⁹. Как видим, лучшие годы своей вольной (или предписанной) страсти к познанию Ломоносов отдал гуманитарным наукам. Это и стало истоком его успешных деяний именно в гуманитарной сфере — филологии, истории, социологии. Он безупречен и великолепен в своей «Риторике» и «Русской грамматике», претерпевшей 14 изданий. Первоначальное образование оставляет пожизненный отпечаток на способах мышления человека, и выход за его рамки требует неотступных целенаправленных усилий. Потому не случайно даже в письменной полемике и научных статьях Ломоносов оставался рабом стиля художественного произведения. Формулировкам закономерностей естества чужды красоты риторики, они сухи. Главное в этих формулировках — суть утверждения при весьма желательной немногословности.

Историки объяснили столкновение «завистников» и «недоброхотов» с Ломоносовым засильем немцев и их клеветов. Ситуация же сводилась к противостоянию вышколенных профессионалов, со своими понятиями о научной этике, и первого поколения русских в науке. Они еще не достигли нужного профессионализма, должного для европейского уровня. Но они были первыми: и В.Е. Ададу-ров (1709–1780), и С.П. Крашенинников (1711–1755), и Ломоносов, и Н.И. Попов. Для истории науки в России важен сам факт появления этих имен. Их научные заслуги для истории вторичны. Их тщания пробудили биение отечественной научной мысли, поначалу не всегда удачной, но уже неуязвимой. Именно они своим примером привлекли в науку и взрастили следующие поколения соотечественников, академиков по широкому спектру специальностей (С.К. Котельников, С.Я. Румовский, А.П. Протасов (1725–1796), И.И. Лепехин (1740–1802), П.Б. Иноходцев (1743–1806), Н.Я. Озерцовский (1750–1827), и др.). Последующие поколения, конечно, превосходили своих предшественников. Напомним известный случай такой преемственности: М.В. Ломоносов — С.Я. Румовский, ученый добротного европейского уровня, первый вице-президент АН, попечитель Казанского учебного округа — Н.И. Лобачевский (1792–1856), ученый мирового уровня, сначала студент, а потом и ректор Казанского Университета. Научные традиции сформировались в России всего лишь в трех поколениях!

Административная деятельность Ломоносова была объектом педантичных исследований историков. Образцово поставленное

Шумахером и Таубертом делопроизводство Канцелярии Академии наук сохранило для нас сотни и сотни документов Ломоносова⁵⁰. Знакомясь с ними, можно воочию убедиться, сколько сил оторвано им от творчества даже не на развитие, а на обеспечение текущей жизнедеятельности Академии, простого ее существования.

Деятельность любого государственного учреждения направлена на достижение целей, ради которых оно создано. Власть имущие должны, соответственно, определять эти цели и создавать условия для их реализации. В елизаветинские времена применительно к Академии наук ни о чем подобном и не помышляли. Академия рассматривалась как чисто декоративное учреждение, необходимое для реноме государства, и востребовалась сверху лишь для художественного выражения верноподданнических чувств в одах и панегириках, картинах, медалях, представлениях и фейерверках. Реже, к ней обращались коллегии по поводу разного рода экспертиз. В отличие от Лондонского Королевского Научного Общества, Парижской и Берлинской Академий она была весьма далека от запросов текущей практической жизни.

Обилие документов открывает возможность уточнить роль Ломоносова в руководстве Академией. По уставу 1747 г. предусматривались профессора астрономии, географии, анатомии, ботаники, химии, физики, механики, высшей математики, истории. Конкретная направленность их деятельности определялась ими самими, и никто не был вправе ее навязывать. Продуктивность этой деятельности была также их личным делом, и мерилom ее оставались их же собственные критерии. Периодически, профессора вместе со своими помощниками адъюнктами должны были присутствовать на общем Собрании, иначе Конференции, заслушивать представленные коллегами доклады (или сообщения) и выносить суждение об их публикации. Конференция же была обязана коллегиально обсуждать кандидатов на вакантные должности, высказывать мнение о вопросах, внесенных непременно секретарем (иностранный переписка, распоряжения Канцелярии), принимать или отклонять предлагаемые коллегами доклады. Сам неперемный секретарь (эту должность с 1754 по 1765 год занимал

Г.-Ф. Миллер) нес обязанность организации Конференций (извещение профессоров, рассылка для предварительного ознакомления копий докладов или распоряжений Канцелярии), ведения переписки с иностранными членами, академиями и университетами

(поиск кандидатов на вакантные должности, пересылка изданий Академии, общая информация о деятельности Академии и ее членов), переписки с Канцелярией (официальное извещение о коллегиальном мнении Конференции по конкретным вопросам). Для рассмотрения узконаправленных проблем в Академии формировались специализированные группы профессоров. В разное время имели место: математическое собрание, Российское собрание, историческое собрание, географический, исторический департамент.

В каком же направлении мог приложить свои усилия Ломоносов для повышения эффективности или хотя бы оживления деятельности Академии? К сожалению, хоть и горестно об этом упоминать, в реальной обстановке он был бессилем что-либо значимо изменить. Ни государством, ни властью имущими, ни военными ведомствами, ни созревающей промышленностью феодальной России науки востребованы не были. Всех устраивал статус-кво при существующей личности Президента. Изменения начались при его (Президента) удалении от дел.

Сфера возможной деятельности Ломоносова была предельно сужена. Он не мог посягать на область хозяйственной и финансовой деятельности академии. Ими относительно эффективно управлял сначала Шумахер, а затем Тауберт. Достаточно сказать, что если на содержание Академии вместе с гимназией выделялось по регламенту 1747 г. 53 298 руб.⁵¹, то денежные доходы от академической книжной лавки, типографии и мастерских составляли в среднем около 20000 руб. в год⁵². Его взаимоотношения с академическим Собранием могли проходить только через неперемного секретаря посредством Указов Канцелярии. Члены Собрания умело, разумеется «извиняясь» объективными причинами, реагировали отписками на эти Указы, никак не меняя привычного ритма и направленности своей деятельности. Непременный секретарь же совершенно обосновано не считал своей обязанностью активизацию академиков. Академия зримо деградировала: даже текущие Собрания, которые по регламенту должны были происходить 3 раза в неделю⁵³, имели место с перерывом в 7 и более дней, а являлись на них едва половина членов и редкие адъюнкты. И Ломоносов в беспомощности предлагает ввести вознаграждение профессорам за посещение академических Собраний⁵⁴.

Его помыслы о реальном управлении научным процессом обернулись систематическим личным участием в унылой организационной текучке.

Как человек, добившийся некоего административного поста, но лишенный возможности что-либо на нем сделать, он оказался вынужденным непрерывно доказывать надобность введенной под него должности и полезность собственного в ней пребывания. Ломоносов неустанно пишет, по большей части полезные, но нереализуемые, «доношения» об улучшении состояния Академии⁵⁵, о сборе минералов⁵⁶, о печатании при Академии новых периодических изданий⁵⁷ и т.д. Академикам очевидна бесплодность его усилий. Он же объясняет ее происками других, но, будучи не в состоянии назвать проявления этих происков, заваливает Президента сообщениями об их служебных проступках. Основные мишени – Тауберт и Миллер. От его коллекций с записями прегрешений Тауберта, Миллера, Эпинуса, Румовского веет каким-то отчаянием изолированного одиночки.

Равнодушие елизаветинской власти к Академии препятствовало исполнению главной задачи Академии того времени – изучения собственной страны, в том числе и составления ее карты. Но подготовка географических экспедиций оставалась только личной юдолью Ломоносова, без необходимой поддержки сверху и при полном безразличии академической среды. Г.-Ф. Миллер, с его богатым опытом исследования Сибири, имел все основания критически оценивать усилия и возможности Ломоносова. Совсем безжалостно эти усилия расценил Н.И. Попов: «Дух празднословия не даждь ми»⁵⁸.

Ломоносов не имел поддержки ни с чьей стороны. Талант гения оказался направлен в русло непрерывных аппаратных склок с «равными». И вызрела еще одна сторона драмы – сознание тщетности собственных усилий на этом академическом посту.

В описанной обстановке деятельность Ломоносова была чревата организационными промахами. Одним из них стало привлечение малоквалифицированных русских астрономов Красильникова и Курганова к ответственному наблюдению прохождения Венеры через диск Солнца в 1761 г. Результаты их ошибочных измерений Ломоносов поспешно опубликовал в своей известной статье «Явление Венеры на Солнце...»⁵⁹. Его даже не насторожило, что время внешнего соприкосновения при входе Венеры на диск, отмечено

двумя наблюдателями, располагающимися в одной комнате, с разницей в 19 секунд. Когда же выяснилась ошибочность их измерений для реперных моментов, встал весьма неприятный вопрос о признании недостоверности данных в публикации. Так что же, читатель, нужно было об этом стыдливо умолчать или «вынести сор из избы», дабы сохранить уважение к Академии? Для Эпинуса и Миллера было очевидно кричащее выпадение этих данных из корреляции с зарубежными наблюдениями, выполненными на долготе близкой к Петербургу (Упсала). И они в частном порядке известили Парижскую академию, куда стекались данные наблюдений со всего мира. Официальным же источником оставалась упомянутая статья, мнение о данных в которой «к поношению Академии во веки пребудет неизгладимо»⁶⁰. Ломоносов же увидел за всем этим «наущение от здешних Красильникову и Курганову соперников», обвинив самих Румовского и Эпинуса в подгонке результатов наблюдений под данные зарубежных обсерваторов⁶¹.

Повторим, что административная деятельность Ломоносова никак не могла повлиять на индивидуальную деятельность ученых, но удивительно, что яркие, практически важные результаты проходили мимо него и не находили ни внимания, ни необходимой поддержки (технологии изготовления стрелок компасов, развитые Эпинусом⁶² и И.Э. Цейгером (Johann Ernst Zeiher (1720–1784)⁶³, конструкция паровой машины Цейгера⁶⁴, описанной ранее машин И. Ползунова и Дж. Ватта, технологии того же Цейгера по изготовлению стекол для ахроматических труб⁶⁵).

В 1760 г. на Ломоносова возлагается уже единоличное руководство университетом и гимназией⁶⁶. Его согласие на это безнадежное занятие было, безусловно, жертвой с его стороны. Если в июне 1743 г. его жалоба в Следственную комиссию завершалась фразой «..при Академии Наук не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно»⁶⁷, то сейчас, принимая эту ношу, он фактически обязался заново воссоздать и гимназию и университет. Но выраженный выше пессимизм имел глубинные причины – 1) неопределенность назначения этих учреждений, 2) нравы и жизненные цели обучаемых в них молодых людей. Никто не был всевластен исключить эти причины, а потому и исправление деятельности гимназии и университета не могло выйти за рамки скромных полезных нововведений.

Несколько слов об истории этих учебных заведений. Гимназия и университет были созданы вскоре после образования Академии наук с общей целью подготовки для нее сотрудников. Гимназия рассматривалась как средняя школа, дающая необходимые знания для поступления в высшую – университет. При этом никто не конкретизировал ответы на очевидные вопросы: кого учить, кому учить, чему учить, как и с какой целью учить?

И если контингент студентов предполагалось формировать из окончивших гимназию и черпать пополнение из духовных семинарий, то источник учащихся в гимназии был совершенно не определен. В п. 38-м академического устава 1747 года сказано: в университете «перво иметь надлежит школы для языков латинского, греческого, французского и немецкого, чего обучать имеют учителя. Из сих школ производиться имеют ученики в студенты, и принимать лекции профессорские на латынском или русском языке, которые имеют быть трех классов, как то: математические, физические и гуманиора».

Гимназия (школа), как часть университета, подпадала под словесные ограничения принимаемых в университет (п. 41-ый устава): «Принимать в университет из всяких чинов людей, смотря по способности, кроме положенных в подушной оклад, а ежели такие найдутся принятые прежде <т.е. до 1747 г. В.Н.> и обучившиеся в Академии, таких удержать при Академии в службе». От приема в гимназию этим условием отсекалась масса детей из семей купцов, мещан, разночинцев и ремесленников. Гимназия оставалась достижимой лишь для детей дворян, чиновников и военнослужащих. Но дворянство, чиновничество и офицерство выбирали для своих сыновей надежный путь личной карьеры и отправляли их в Шляхетский кадетский корпус, расположенный тут же, на Васильевском острове. Академическая гимназия могла привлечь учащихся только из семей мелкого чиновничества, унтер-офицеров и солдат, т.е. низших слоев городского общества. Но даже такой источник оказывался крайне ограничен. В указанный период гимназия располагалась в бывшем Троицком подворье на 15-й линии. Ежедневное посещение гимназии было доступно учащимся, проживающим всего лишь вблизи Большого проспекта, а в темное осеннее и зимнее время затруднено и для них.

Ломоносов, получив в свое полное подчинение гимназию, сразу же перевел казеннокоштных учеников на пансион. По его на-

стоянию было практически удвоено денежное содержание учеников. На эти средства, ранее выдававшиеся гимназистам на руки и изымавшиеся родителями, он организовал проживание, питание, обеспечение одеждой и обувью первоначально сорока, а позднее и шестидесяти воспитанников. Заботливое создание такого полуказарменного режима не решало, тем не менее, главного – организации учебного процесса. Надо всем довлела необходимость пополнения численности учеников. В гимназию, при восьмилетнем сроке обучения⁶⁸, принимали учеников от 6 до 25 лет⁶⁹, принимали в любое время учебного года, с самым разным уровнем начального образования, чаще без онаго, при том, что в ней, как объявил канцелярии в 1763 году инспектор гимназии и академик С.К. Котельников, «таких классов, где бы обучали российской грамоте, не имеется»⁷⁰. Зачастую в старшие классы гимназии переводили студентов или для заполнения классов, или по необходимости приобрести знания по некоторым предметам. В условиях откровенной мешанины, никто и не пытался настаивать на единых программах по перечню изучаемых дисциплин. Под крышу гимназии были, естественно, перенесены все семейные пороки. Шальное, буйное гимназическое племя принесло в аудитории, общежитие и трапезную нравы и традиции собственных родителей, т.е. пьянство, драки, лень и беспутство. Публичная порка розгами и карцер являлись штатными мерами воспитания. К отчислению же дозволялось прибегать только в вопиющих случаях.

В столице, как и во всей России, еще не бытовало учителей как некоего профессионального клана. Их с трудом могли отыскать даже для Кадетского корпуса, находящегося под Высочайшим покровительством. Гимназии же оставалось принимать на эти должности недоучившихся студентов, осознавших непостижимость университетского образования и не нашедших лучшей доли. Мораль большей части из них, если и отличалась от нравов гимназистов, то только в худшую сторону. О результатах обучения можно только скорбеть. Так по результатам экзамена в августе 1764 г. казеннокоштных учеников из 13-ти учеников низшего класса переведено было в средний только трое, а из 10-ти учеников среднего — переведен в старший только один⁷¹. Большинство учеников, в силу своего общественного положения, вовсе не предназначали себя к среднему и уж подавно к высшему образованию. Однако Ломоносов имел все основания гордиться успехом, поскольку если за семь

лет до поручения ему гимназии «не было произведено из гимназии в университетские студенты ни единого человека»⁷², то за семь лет (1758–1765 гг.) его единоличного руководства учебной частью Академии в студенты было произведено 22 гимназиста⁷³. Что же их ждало в университете?

Академический университет вряд ли можно было бы назвать высшим учебным заведением в современном смысле. По сохранившимся сведениям в нем насчитывалось в 1752 году — 20, в 1753 — 18, в 1757 — 18 и в 1758 году — 16 студентов⁷⁴, т.е. их среднее число не превышало двадцати. Лекции студентам не читались годами. Когда в 1757 году Президент потребовал прекратить эту практику, Канцелярия предписала инспектору университета: «А чтоб студенты к оным профессорам на лекции хождение имели, в том их понуждать»⁷⁵. Причины откровенного равнодушия к своей судьбе просты. Лишь немногие из студентов представляли свое будущее. Еще меньшее число, единицы, связывали его с наукой. Государство не востребовало этих относительно образованных людей. Чинов по табели о рангах университет не давал, и студенты по окончании могли рассчитывать лишь на должности переводчиков и переписчиков в штате Академии или коллегий.

Студенты проживали в доме вместе с гимназистами, были одеты и обуты за казенный счет и получали денежный оклад 100 рублей в год. Сумма недостаточная для содержания семьи, но вполне сносная для разгульной жизни, в чем они и преуспевали. Канцелярия неоднократно пыталась навязать студентам казарменный режим. В общежитии был установлен солдатский пост, препятствующий выходу студентов. Инспектор обязан был по ночам проверять их присутствие в покоях, ибо «студенты по ночам гуляют и пьянствуют, и в подозрительные дома ходят, и оттого опасныя болезни получают, и учение свое тем оставляют.»⁷⁶. Взаимоотношение администрации и студентов полно характеризует кодекс наказаний за проступки, в котором рядовая воспитательная мера — неделя карцера на хлебе и воде. Предоставим читателю самому судить, был ли этот кодекс неоправданно жестоким⁷⁷.

Какой же преподавательский состав был обязан обучать столь неординарный контингент?

Устав 1747 г. возлагал эту обязанность на пять университетских профессоров с вполне достойным окладом — 660 руб. (оклад академика — 860 руб.). Найти желающих взойти на Голгофу, одна-

ко, не удавалось, и Ломоносов активно понуждал к подвигу адъюнктов и академиков. Последние всячески уклонялись, оправдываясь отсутствием в контракте этих обязанностей и неопределенностью предназначения студентов (факультетское деление не предполагалось, а специализация переносилась на обучение в зарубежных университетах), требуя, как писал академик Эпинус, «дать мне таких студентов, о которых доподлинно известно, что мой труд при наставлении их не тщетен будет»⁷⁸. Ответа не последовало, взаимная неприязнь усугубилась.

В 1758 г. Президент поручил Ломоносову подготовить уставы (регламенты) гимназии и университета, а в 1759 г. тот уже вручил проекты академической комиссии. В проекты он внес принципиальное положение о допусчении в университет и гимназию лиц, записанных в подушный оклад и, предвидя рост числа учащихся и студентов, увеличил численность их на казенном коште соответственно до 60 и 30 человек. В регламенте он также предусмотрел важнейшее нововведение для студентов, окончивших курс обучения – присвоение чинов по табели о рангах: магистрам – чина поручика, докторам – чина капитана⁷⁹. Эти первые шаги в правах по службе открывали бы выпускникам путь к должностной карьере. Регламент учитывал и привлечение преподавательского состава. В нем для профессоров предполагались «пристойныя ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы». К сожалению, сначала болезни, а затем и кончина Императрицы Елизаветы, похоронили как этот проект регламента, так и упования на реорганизацию учебных заведений при Академии. Тем не менее, данным ему административным правом он сумел настоять и выхлопотать полоторное увеличение суммы, отпускаемой на гимназию и университет, а в 1764 г. дом, купленный на доходы Академии, был его усилиями передан этим учебным заведениям.

В самую главную сферу, учебную деятельность университета, Ломоносов не внес, да и не мог внести, существенных улучшений. Разделение им университета на три факультета (юридический, медицинский и философский) при 18-ти, преимущественно из солдатских детей, студентах и пяти лекторах, из принужденных к тому академиков и адъюнктов, вызывало в Академии откровенную иронию⁸⁰. Университет был обречен на угасание, поскольку оставался доступен лишь узкому, в основном невежественному, слою населения, а образование еще не стало потребностью даже столичного

дворянства. Трудно было бы назвать университет существующим по кончине Ломоносова. В ноябре 1765 г. в нем насчитывалось всего 9 студентов⁸¹.

При всех печальных реалиях, академический университет все-таки исполнил свое предназначение. В течение нескольких десятилетий он оставался для России единственной школой научных кадров, и единицы целеустремленных студентов нашли свое место в науках. Именно в нем начал свой путь первый десяток русских академиков.

В марте 1764 г. Ломоносов вручает Президенту представление о недостатках⁸² в работе Академии, обвиняя других и не помышляя о собственной ответственности руководителя. Нападки голословны, но главного «виновника», одного из «собственных Платонов», Румовского, они доводят до готовности бросить Академию⁸³. И вдруг удар — в Собрании зачитывается письмо Л. Эйлера в защиту Румовского. Тому рекомендуется явиться непосредственно к канцлеру М.И. Воронцову, которого Эйлер опосредованно известил об его талантах⁸⁴. Исчезли надежды на покровителя, подведена черта во мнении академической среды.

Во множестве документов архива Ломоносова сохранились его резкие высказывания, позднее интерпретированные как противостояние в Академии «русского» «немцам». Наиболее яростно этот акцент на «недоброхотах — инородцах — немцах» выражен у В.И. Ламанского. Простим ему излишнюю запальчивость и постараемся уточнить, были ли эти высказывания направлены против «немцев» как таковых, т.е. несли национальную окраску, или против отдельных личностей. Первое следует сразу же отвергнуть, так как и супруга Ломоносова, и ближайшие друзья академики Рихман, Браун, Штелин имели отнюдь не славянские корни. Строгая избирательность личной направленности отличала высказывания Ломоносова. Они сосредоточены на малом числе видных лиц Академии, так или иначе высказавшихся против мнения Ломоносова — Тауберт, Миллер, Шлецер, Эпинус. Все эти фигуры оставили след в истории Академии и даже России. И.К. Тауберт развил типографские мощности и опытное производство Академии, насытив его русскими мастеровыми высочайшей квалификации. Г.-Ф. Миллер подарил потомкам в своих «портфелях» XVIII век. Его 300-летие со дня рождения широко и разносторонне отмечалось в 2005 году. А.Л. Шлецер составил и напечатал бесценный «Свод Нестора», за

что и был удостоен российского дворянства, с изображением Нестора на гербе. Ф.У.Т. Эпинус уже при жизни классик науки об электричестве. По его плану и при участии создана в России государственная система просвещения, до недавних пор лучшая в мире.

Автору неизвестны высказывания названных или других членов академии о Ломоносове после его кончины. Его имя исчезло из взаимной переписки, где оно часто фигурировало до этого события. Академики придерживались вечного: *De mortuis aut bene, aut nihil* – О мертвых или хорошо, или ничего. Многозначительное умолчание!

В маленькой, «островной» Академии в пределах клановых интересов все друг о друге знали всё. Академики судили по известным им делам, а не намерениям, даже изложенным ясным слогом. Они видели личность, отстранившуюся от других, душевно одинокую⁸⁵, неприятную в общении, непрерывно метущуюся, разрывающуюся между поэтическим и драматическим творчеством, научной, административной и предпринимательской⁸⁶ деятельностью, далеко не всегда успешной. Он ушел, и интерес к нему угас. Лишь через десятилетия сначала друг Ломоносова Я.Я. Штелин (см. часть II), а позднее (1800 г.) оппонент и соперник А.Л. Шлецер⁸⁷ независимо написали о Ломоносове в своих воспоминаниях. В оценке личностных свойств Ломоносова они едины. Но только Шлецер рискнул охарактеризовать его научную деятельность:

«Ломоносов был действительный гений... Он создал новое русское стихотворство, и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность. Благодарное отечество наградило его; его клиенты, которые пользовались его положением для своего преуспеяния, боготворили его и пели: «Вергилий и Цицерон соединились в холмогорце». Это испортило его. Его тщеславие превратилось в варварскую гордость, которая всем, особенно его подчиненным, сделалась невыносимой. Это высокое о себе мнение увлекло его к занятиям самыми разнородными предметами. Если бы он остановился на своих немногих предметах, он, вероятно, был бы в них велик; но он даже в них остался посредственностью, и все-таки почитал себя во всем величайшим...».

Высказанное Шлецером мнение (см. также часть II) вполне объективно можно считать мнением академиков. Оно, конечно, несет печать личных отношений и стеснено рамками учреждения.

Тема общественной значимости Ломоносова в нем отсутствует полностью. Чужда была эта тема академическому клану.

Описанные жизненные коллизии оставались известны лишь в узком кругу десятка академических персон, и неведомы обществу, в том числе почитателям Ломоносова. Да никого они и не интересовали. Для России Ломоносов был значим, прежде всего, в другой, более важной категории, чем наука.

Мнение Императрицы и двора

Отражение взаимоотношений Императрицы Екатерины II и Ломоносова имеет удивительно скудную документальную основу. Ранние⁸⁸ и современные работы⁸⁹ приводят буквально единицы засвидетельствованных фактов, как личных встреч, так и опосредованных, через документы, контактов.

Великой княгине, безусловно, было известно имя Ломоносова как автора и переводчика поздравительных од, участника постановок в задуманных ею увеселениях. Нелегко, однако, назвать проблемы, которые могли бы стать темой встреч этих персон, столь далеко отстоящих по общественному положению.

Такая тема возникла в мае 1761 г., когда Тауберт и Эпинус пригласили Великую княгиню с ее друзьями участвовать 26 мая в наблюдении на академической обсерватории прохождения Венеры через диск Солнца. Эпинусом для этой цели был поставлен отдельный телескоп.

Посещение будущей Императрицей казенного учреждения требовало от начальства учреждения проведения некоего минимума обязательных, верноподданнических, уважительных церемоний. И условия визита на обсерваторию (в данном случае, анонимность) должны были быть лично оговорены с научным руководителем Академии. «Ея Высочество соизволяет повелеть» Ломоносову прибыть 15 мая в Ораниенбаум. Для Ломоносова встреча с Великой княгиней была настолько важным событием, что известие об этом он приказал внести «за подписанием господ присутствующих» в журнал Канцелярии⁹⁰. Результаты беседы приводят его в бессильную ярость — он не может прекословить воле Ея Высочества и своим согласием вынужден закрепить успехи «завистников и недоброхотов». По возвращении его ждет еще один удар: Красильников, которого он 14 мая единоличным указом (Тауберт и Штелин подписать отказались) назначил наблюдателем на обсерватории в

одном помещении вместе с Эпинусом, позволил себя уговорить покинуть обсерваторию и согласился наблюдать Венеру «в среднем апартаменте восточного флигеля Академических палат»⁹¹. Квалификация его, как выяснил Эпинус⁹², оказалась ниже всякой критики. Самолюбие не позволяет Ломоносову ни вернуть свой указ, ни согласиться с критикой⁹³. В этом же документе Ломоносовым упоминается «компания, кою уже давно гг. Тауберт и Епинус пригласили». И над всем этим довлеет требование Эпинуса о «сличении обсерваций» его и Красильникова. Только непререкаемое решение вышестоящей инстанции могло разрубить этот узел, и 20 мая 1761 г. Красильников и привлеченный Ломоносовым Курганов «самостоятельно» обращаются прямо в Правительствующий Сенат. События развиваются многократно описанным путем⁹⁴. Тауберт и Эпинус взывают к покровителям, поскольку срывается не только визит, но и собственно наблюдения. Те бессильны изменить решение Сената. В скандал вовлечена и Великая княгиня, ибо позднее о событиях Ломоносов напишет, что «..проискивал оный Тауберт ...с реченым Епинусом, побуждая знатных особ на свою неправую сторону, в чем он дерзнул утруждать высочайшую фамилию и оклеветать неповинных...»⁹⁵ и «..Также и в доме ее величества то же ложное представление повторил и подтверждал словесно и письменно»⁹⁶. Эти строки уже передают внутреннюю тревогу и запоздалую попытку самооправдания перед уязвленной Великой княгиней.

Эпинус, удаленный из обсерватории, давал, по-видимому, 26 мая пояснения Великой княгине, которая "...по любопытству своему и любви к наукам явление Венеры в Солнце от начала и до конца сама наблюдать изволила..."⁹⁷.

Какое же впечатление о происшедшем должно было сложиться у Великой княгини, знающей подоплеку склоки? В лучшем случае, как о неуклюжем поведении чиновника средней руки, защищенного высокими покровителями, Шуваловыми. Но такие, казалось бы, мелкие, досадные уколы в памяти остаются надолго.

Через год Великая княгиня восходит на престол. Переворот 28 июня 1762 г. готовился с апреля месяца. Тауберт деятельно помогает заговорщикам: с 27 на 28 июня «в занимаемом им академическом доме ночью, с его ведома и приказа, печатался манифест, который был роздан уже на разсвете»⁹⁸. В тот же день, или на следующий, академические «немцы» присягают новой Императрице.

Для Ломоносова переворот стал полным потрясением. Он должен был читать 29 июня в Публичном собрании уже напечатанную академическую речь с восхвалением только что отрекшегося Императора: «...ныне же прошу вас быть довольными добрым началом и совершенно уверенными, что при покровительстве Августейшаго Самодержца нашего Петра третьяго, наследника родовых добродетелей, с сонмом всех прочих наук возрастет и Астрономия...»⁹⁹. Ему нужно время на приказ по уничтожению тиража, где опять-таки не обойтись без Тауберта. Современник свидетельствует о полной растерянности академиков в эти дни¹⁰⁰. Автору неизвестна дата и обстоятельства присяги Ломоносова новой Самодержице, но очевидно, что он не был в числе первых.

Академия обязана приветствовать Императрицу торжественной одой, и дать ее на русском языке может только Ломоносов. Он молчит и занимается далеко не первостепенными делами академического университета. Лишь 8 июля, через день после смерти Петра III, Канцелярии представляется «Ода торжественная ...Великой государыне Императрице Екатерине Алексеевне...на преславное Ея восшествие ...на престол»¹⁰¹. Академия явно запаздывала в гонке славословий.

19 июля 1762 г. Императрица вознаградила Тауберта чином статского советника (военный ранг бригадира) с назначением ему жалования в 1500 рублей в год. Едва оправившийся от недавней «тяжкой болезни», в сознании опалы бывшего покровителя И.И. Шувалова, Ломоносов воспринимает повышение соперника в чине, как личное унижение, и считает себя в праве обратиться непосредственно к Екатерине II с челобитной об отставке из Академии. 24 июля челобитная была передана Президенту. Она содержала просьбу о награде повышением в чине на два ранга с коллежского советника (военный ранг полковника) до действительного статского советника (военный ранг генерал-майора) и пожизненной пенсией 1800 рублей в год. Одновременно Ломоносов просит протекции на этот предмет у М.И. Воронцова, но тот сразу же благоразумно отвечает, что будет хлопотать не перед Императрицей, а только перед Президентом. И 26 июля Ломоносов посылает перечень своих успехов в науках всесильному ныне Г.Г. Орлову, испрашивая ходатайства перед Императрицей¹⁰².

Просьба об отставке была подана в крайне неудачный момент. Еще не устоялись отношения при Дворе, да и коронация Госуда-

рыни отодвигала любые частные проблемы на задний план. В сентябре Двор уехал в Москву. И только в конце апреля 1763 г. Императрица обратилась к залежавшейся челобитной. 28 апреля она запрашивает кабинет-секретаря А.Д. Олсуфьева: «Адам Васильевич! Я чаю — Ломоносов беден: зговоритесь с Гетманом, неможно ли ему пенсион дать и скажи мне ответ. В Москве. 28 апереля 1763»¹⁰³. Президент Академии, сам ранее передавший челобитную, естественно, выражает согласие, и через пять дней 2-го мая Екатерина II подписала чаемый указ об отставке, но с обычным повышением в чине на один ранг до титула статского советника и «вечною от службы отставкою с половинным по смерть его жалованьем», т.е. около 800 руб. в год. Лишь активное заступничество Г.Г. Орлова убеждает ее отменить гибельную для Ломоносова отставку. Через десять дней после подписания указа Екатерина II послала в Сенат собственноручную записку: «Есть-ли указ о Ломоносова отставке еще не послан из Сената в Петербург, то сейчас же его ко мне обратно прислать»¹⁰⁴. Удивительны прихоти судьбы — нерасторопность безвестного служителя Сената продлила жизнь великому помору.

Мнение Императрицы о Ломоносове явно отличалось от воззрения его прошлых и нынешних покровителей. Она продолжала с подозрением относиться и к ценности его научных изысканий и к его академической деятельности¹⁰⁵. Сохранив должность в Академии, Ломоносов тут же (18 июня), в обход Президента, обременяет М.И. Воронцова обращением выхлопотать для него у Императрицы право единолично распоряжаться делами всех «до наук надлежащих академических департаментов», приложив к нему проект должного указа¹⁰⁶. Реакции никакой. Почему Императрица должна вмешиваться во внутренние дела учреждения, не располагая мнением его Президента?

Государыня возвращается в столицу 28 июня 1763 г., а 2 июля в Академии имеет быть Публичное собрание, на котором, впервые в истории, присутствует коронованная особа. Протоколы Конференции перечисляют выступающих и темы их докладов, в беллетристике живописуют прием Императрицей академиков на следующий день во дворце с допущением к руке, но нигде не присутствует имя Ломоносова. Он возвращает внимание к себе лишь в конце сентября, когда передает 9-летнему генерал-адмиралу, великому князю Павлу Петровичу рукописный экземпляр своего «Краткого

описания разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»¹⁰⁷. Возможно, что в октябре того же года Ломоносов получил аудиенцию у Императрицы, которой представил «опробованный в Собрании <в 1760 году> план географических экспедиций»¹⁰⁸.

Екатерина II впервые подпадает под обаяние слога его инициатив. Мысли о благе отечества достойно оценены, и уже в середине декабря императрица подписывает указ о пожаловании Ломоносову чина статского советника с годовым жалованием 1875 руб.¹⁰⁹ Буквально через неделю Императрица знакомится со свежим оттиском «Известия о сочиняемой российской минералогии» Ломоносова¹¹⁰. Замысел грандиозен. Автор просит присылать лично к нему образцы минералов, руд и металлов, обязуется сам описать и систематизировать их, обещая начать печатать первые листы «Минералогии» в январе 1765 г.¹¹¹ Россия должна познавать свои богатства. Поддерживая цель добровольного, воистину титанического труда, Екатерина II повелевает Берг-коллегии издать указ о присылке Ломоносову образцов с казенных и частных горных заводов, что и исполнено на первой неделе нового 1764 г. Поток образцов более чем с сотни заводов¹¹² начал поступать в распоряжение Ломоносова с наступлением теплых дней. О результатах — позднее, а пока напомним, что уже в апреле–мае мысль Ломоносова подчинена другому — написанию «Системы всей физики»¹¹³. Все отношения Императрицы и Ломоносова в 1764 г. проистекают на фоне подготовки экспедиции для отыскания «северо-западного проходу» к восточным берегам Азии.

Итоги этой экспедиции, в совокупности с результатами других начинаний Ломоносова, к которым оказалась причастна Императрица, и обусловили ее отношение к его памяти. Организационные детали экспедиции и ее этапы исчерпывающе изложены в материалах и ссылках работ¹¹⁴.

Общая цель многообещающая и проста — отыскать путь из Белого моря в Берингов пролив. Прежние попытки показали невозможность прохода судов вдоль сибирского побережья. Однако же весной 1763 года, появившееся в печати описание прежних плаваний, составленное Миллером, возбудило спор двух ученых — Ломоносова и Эпинуса¹¹⁵.

Ломоносов находил продуктивной мысль Ж.Л.Л. Бюффона (Georges Louis Leclerc Buffon, 1707-1788 гг.), высказанную в 1749

г., о возможности прохода в Тихий океан прямо через Северный полюс¹¹⁶. Исходя из посылки, что соленая морская вода не может превратиться в лед при самых сильных морозах, а плавающие ледяные поля выносятся из русел мощных северных рек (Обь и Енисей) и существуют лишь вблизи берегов, Бюффон предрекал успех плаванию через полюс и обсуждал проблему поиска прохода сразу в двух встречных направлениях, как от Шпицбергена к Берингову проливу, так и из Тихого океана к Шпицбергену. Среди других доводов Бюффон не пренебрег байками капитанов, «побывавших» на полюсе и утверждавших, что там не холоднее, «чем в Амстердаме летом». Ломоносов в главном дословно следовал логике Бюффона, хотя и не ссылаясь на него. Он также считал, «что крепкий, прозрачный и пресный лед, из коего состоят ледяные поля, не может образовываться в самом море», а формируются эти поля в устьях больших рек и выносятся в океан¹¹⁷. Ему не был известен механизм выхода кристаллизованной воды из солевых растворов, и опирался он на собственное кратковременное наблюдение замораживания в колбе морской воды. Результаты опыта он расценил как весомое доказательство «свободного моря» вдали от берегов при любой стуже. Из такого вывода убедительно следуют маршруты судов. Корабли не должны прижиматься к сибирским берегам, а уходить, как можно севернее, на широты выше 80⁰, где морю надлежит в летнее время быть чистым ото льдов. Четыре странички рассуждений Бюффона Ломоносов весомо пополнил множеством косвенных свидетельств в пользу своего проекта: глобальные маршруты движения льдов, пути миграции птиц и животных, вынос деревьев с других материков. Кратчайший путь в Берингов пролив пролегает по земной сфере мимо Шпицбергена вблизи северного полюса. Ломоносов его и предлагает, адмиралтейство и Императрица — утверждают.

Эпинус предостерегал от новых усилий. Он изучил доводы Бюффона и ссылки из его текста¹¹⁸, счел их надуманными и легковесными, заключив об обреченности проекта на основании свидетельств капитанов китобойных и рыболовецких судов, промышленявших в высоких широтах. В заключительных таблицах книги¹¹⁹ одного из них, командора Корнелиуса Зоргдрагера сообщается о сотне судов, которые десятилетиями, ежегодно, в сезон, вели промысел в районе Гренландии и Шпицбергена. Столь массивный и длительный зондаж по своей или «божьей» воле должен был при-

вести к открытию прохода, когда бы он был, но все капитаны писали о непроходимых льдах. Не смея перечить Высочайшей воле, Эпинус отошел в тень.

К чести Государыни упомянем, что она просила легендарного сибирского губернатора Ф.И. Соймонова изложить свое мнение об экспедиции. Тот отвечал кратко и весомо: «достигнуть полюса совершенно невозможно за твердо стоящими льдами, ибо промышленники наши, плавая по Ледовитому океану, встречали оные во всех местах, а в широте 72° находили на льдины вышиною и толщиною более 40 сажен. Промышленники ... достигли до широты 80°, но и там находили льды еще крупнейшие»¹²⁰. Тем не менее, Императрица повелела секретным указом от 14 мая 1764 г. готовить экспедицию.

Вскоре, 7 июня, Государыня «в 4-м пополудни часу, изволила иметь выход и удостоить посещением Статскаго Советника и Профессора господина Ломоносова в его доме, где изволила смотреть производимыя им работы мозаического художества, для монумента вечно славныя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, а также и новоизобретенные им физические инструменты и некоторые физические и химические опыты. При окончании шестаго часа, оказав Всемилостивейшее Свое удовольствие, изволила во Дворец возвратиться»¹²¹. Эти несколько строк из Камер-фурьерского журнала, повторенные в «Санктпетербургских ведомостях» от 15 июня, являются единственным свидетельством личного знакомства Екатерины II с «Полтавской баталией». По-видимому, в этом и состояла главная цель визита Императрицы.

Для Императрицы и адмиралтейства оказалась весьма заманчивой возможность открытия новых земель¹²², ибо по Ломоносову «.. когда около полюса кругом море,... то весьма вероятно, что самая полярная часть света наполнена многими островами и занята архипелагом, за которым лежат полуночные берега Северной Америки»¹²³. В инструкции Чичагову он подробно излагает¹²⁴ церемонию наименования новых островов «по разсуждению и приличности». Заинтригованная Императрица внимательно следила за подготовкой и лично отдала несколько распоряжений на этот предмет¹²⁵. Появление имени Императрицы на карте в значительной степени способствовало бы обелению в глазах Европы образа «самозванки на троне». Убийства Петра III и Ивана VI были у всех на слуху. Риск убытков и даже гибели людей и судов не принимался

во внимание: “..здесь ли должно жалеть около ста человек, где приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государевой славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого рода. ...»¹²⁶.

Настал 1765 год. Печатью не начата «Российская минералогия». С кончиной Ломоносова стала воочию понятна нелепость ситуации с «Полтавской баталией». Картина создавалась в предположении кардинальной перестройки Петропавловского собора под монумент и цикл мозаичных картин, увековечивающих деяния Петра Великого. По архитектурному проекту Ломоносова в соборе должна была быть вдвое расширена его срединная часть, удалены внутренние центральные колонны, а на вынесенные стены поставлен стеклянный купол, под которым располагался главный монумент первого Императора¹²⁷. Купол же обеспечивал бы и освещение мозаичных картин на стенах. Однако, ни средств, ни желания переделывать кафедральный собор империи под мавзолей Великого Петра не было ни у прежней, ни у новой власти.

Любое изменение интерьера Петропавловского собора, царской усыпальницы, не могло быть оставлено Императрицей без внимания. За ней было последнее слово. Картина не вписывалась ни в один простенок. Да и будет ли военный сюжет мозаичной картины гармонировать с ликами святых, иконами, золоченым иконостасом, возрожденным в 1761 г. после пожара, или она останется чужеродным телом, противным православным канонам, которые столь бережно блюла Самодержица? Наконец, сохранится ли тонкая колористика картины в свете колеблющегося пламени свечей в полутемном соборе?

Императрица отвергает первоначальный замысел размещения в священных стенах ликов далеко не безгрешных земных героев. Президенту Академии художеств И.И. Бецкому поручается найти «Полтавской баталии» достойное место. Тут же выясняется отсутствие в Петербурге доступного для публики помещения (зала), перекрытия которого или несущая стена могли бы принять громоздкую (4,81×6,44 м²) конструкцию¹²⁸ общим весом свыше 3 тонн. Бецкой распоряжается «временно» поместить картину в сарай за Академией художеств.

Лишь при Советской власти, к 200-летию Академии наук, это творенье Ломоносова, сменив девять раз места хранения, претерпев неоднократные перевозки и неудачные попытки реставрации, было

размещено в здании Академии наук СССР после восстановления в первоначальном виде¹²⁹.

Вполне оправдано скорбеть об утерянных технологических находках мозаического искусства, о недоступности шедевра народу из-за происков «недоброхотов»¹³⁰. Но какое мнение должно было сложиться у Екатерины II об авторе, затратившем массу казенных денег, собственного труда и создавшем бесполезный, невостребованный шедевр? Ломоносов сам мог предвидеть печальную судьбу своего детища, поскольку собор и не собирались перестраивать. Ясна она была и Двору еще до его смерти. Двор рассматривал эту обреченную картину как прихоть и слабость Елизаветы и имел все основания для мнения, высказанного 11-летним мальчиком.

Экспедиции Чичагова 1765 и 1766 годов не принесли ни славы, ни открытий*. Обещания и чаяния триумфа завершились предсказанным конфузом в глазах Европы. Известно, что неудача экспедиций вывела из себя Императрицу, излившую свой гнев на моряков. Цель и организация экспедиций были секретны, что позволило надолго замолчать их результаты. Но образ Ломоносова приобрел недобрый оттенок в глазах уже не только академиков, но и моряков и рудознатцев.

Обманутая доверчивость должна была обернуться разочарованием и антипатией к памяти незадачливого виновника, возбудившего честолюбивые надежды. Но уже к 1768 г. эти чувства затухают, ибо Самодержица с готовностью откликается на прошение дочери Ломоносова и, как указано, «во уважение заслуг» отца именным указом от 9 декабря 1768 г. оставила¹³¹ за ней 211 душ крестьян, приписанных к бисерной фабрике, «в вечное и потомственное владение»*.

Годом позже она пишет, что любит «читать хороших стихотворцов: в пример на Руском, покойнаго Ломоносова и господина Сумарокова, как первых Российскаго Парнаса светильников»¹³². Фраза свидетельствует о Всевысочайшем признании Ломоносова

* «Краткое описание разных путешествий по северным морям» породило крылатую фразу «Могущество России прирастать будет Сибирью», являющуюся парафразом мысли, высказанной в заключении оригинала – «... Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке».

* Автор признателен Д.Н. Костышину за найденный документ.

как лучшего Русского поэта. Но именно поэта, не более того. Признание означало и согласие с главным в его творчестве — формированием русского самосознания.

Ангальт-Цербтская принцесса Софья-Фредерика-Августа с первых дней приезда в Россию стремилась слиться с русскими обычаями, верой, мыслями, взглядами. Как писала она сама в 1771 г.: «Вот разсуждение...которое я сделала, как только увидала, что твердо основалась в России, и которое я никогда не теряла из виду ни на минуту:

- 1) нравиться великому князю;
- 2) нравиться императрице;
- 3) нравиться народу.

... третий <пункт> удался мне во всем своем объеме, без всякаго ограничения ... временем и, следовательно, я думаю, что довольно хорошо исполнила свою задачу. ...я хотела быть русской, чтобы русские меня любили.»¹³³

В словах «я хотела быть русской» суть внутренней политики Императрицы, политики единственно правильной и единственно жизнеспособной в нашем Отечестве. Признание Личности Ломоносова с высот трона стало для нее, вкупе с нарочитой православной религиозностью, очередным шагом по завоеванию русской души. И в том слились мнения Императрицы, просвещенного слоя и духовенства, в которых она нашла активнейшую поддержку. Из этой поддержки государственный ум Императрицы самостоятельно вычленил готовность общества воспринять Кумира и, главное, насущность для страны Всевысочайше использовать его Имя. Осознанный замысел был исполнен в подготовленный момент. Тогда-то и начался триумф образов Ломоносова (см. часть II).

Драма гения

Вернемся к последнему году жизни Ломоносова. Документы говорят о тяжелом кризисе в его самооценке, кризисе, длительно развивавшемся и достигшем апогея приблизительно за месяц до его кончины. Трагическим был в жизни Ломоносова 1764 г. Ранее счел за лучшее покинуть Россию И.И. Шувалов. Теряет влияние К.Г. Разумовский, пытающийся отказаться от должности Президента Академии. Ломоносов всеми силами тщиться привлечь нового покровителя всесильного Г.Г. Орлова. Развеялись надежды на вице-президентство в Академии. Академическая среда прекрасно

обходится без него. Он одинок, у него нет друзей и союзников, в лучшем случае — это собеседники.

Кризису способствовал выход на первый план в Академии молодых лиц: в естественных науках — С.Я. Румовского (1734–1812 гг.) и в гуманитарных (филология, история) — А.Л. Шлецера (1735–1809 гг.). Они были друзьями, оба талантливы, оба с молодых лет посвятили себя науке, оба достигли научной известности. Вышколенные профессионалы неминуемо сменяют в науке талантливых и самоотверженных дилетантов. Но если стезя Румовского — это все-таки сторонняя для Ломоносова астрономия, то немец Шлецер посягает на изначально русские, выношенные и выпестованные Ломоносовым области знаний. И этот соперник не только получает поддержку на выборах в профессора Академии, но высоко оценен при Дворе¹³⁴, и одарен правом представлять свои сочинения непосредственно Императрице¹³⁵. История уже рассматривалась не только как набор фактов и анекдотов. Были сделаны первые шаги в методологии поиска объективных первопричин событий и анализа их развития.

Печальной оказалась судьба материалов, собранных Ломоносовым для российской истории. Он отказался передать их Шлецеру, просившему об этом, и вручил¹³⁶ документы Ф.А. Эмину, человеку случайному в исторической науке. Написанный и изданный Эмином труд стал мишенью многочисленных насмешек.

Представляется возможным проследить изменение приоритетов в самооценке Ломоносова на протяжении хотя бы последних трех лет.

В 1761 г. он подготовил 12 экземпляров конволюта собственных сочинений для ознакомления иностранных ученых с его трудами¹³⁷. В конволют он включил 9 произведений, среди них брошюру «Явление Венеры на Солнце» (1761 г.), два поэтических произведения, похвальные слова Петру Великому (1759 г.) и Елизавете Петровне (1749 г.) и некоторые естественнонаучные труды, выпущенные в 1753–1760 годах. Труды по истории и филологии Ломоносов включать в это собрание не счел необходимым.

Весной 1764 г. он составляет «Обзор важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайло Ломоносов»¹³⁸. Применительно к классу «гуманиорум» (истории, филологии и т.д.) или стихосложению, ничего, подобного «Обзору», в

его бумагах не найдено. В его глазах они малозначимы сравнительно с естественными науками.

«Обзором», привычно написанным в третьем лице, ему было необходимо поддержать себя верой в значимость собственных научных заключений. Не будем комментировать представленные 9 пунктов, укажем только, что наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца в эти пункты им не были включены. Слог «Обзора» чеканен и безжалостен к оппонентам, увы, давно минувших лет. Современные Ломоносову авторы опущены. И не случайно! Причину он раскрывает сам.

Как упоминалось, в эти же дни (весна 1764 г.), им сделаны наброски плана «Системы всей физики»¹³⁹. Перечисленные в ссылке номера пунктов плана отражают, и в разных словах многократно формулируют, общее научное кредо Ломоносова: «Пусть физик не подчинит свой ум какому-либо знаменитому и прославленному своими заслугами автору..»¹⁴⁰. Слова можно расценить не только как разумное критическое отношение к авторитетам, но и как обоснование работы вне связи с работой других, вне критики со стороны других. Какую же точку зрения он разделяет?

Ломоносов указывает на преемственность этого кредо: «Для меня же ничего нет превыше слов Цицерона: см. О природе <естестве> богов»¹⁴¹.

С Ломоносовым вполне можно согласиться. Его научная этика пунктуально точно совпадает с размышлениями Марка Тулия Цицерона, которые тот высказал во вступлении к своей книге. Извлечем из ее перевода в XVIII веке¹⁴² лишь одну, имеющую отношение к теме, цитату:

«..Когда выучить и одно учение почитается за велико: то сколь за большее счесть должно, если кто во всех успеет; а сие необходимо надобно делать тем, которые принялись **для изыскания истины рассуждать противу всех и обо всех Философах.** <выделено мной. В.Н.> Хотя я никак не могу похвастать, чтоб я достиг в сем так трудном деле до совершенства: однако скажу, что я по возможности моей о том старался...».

Здесь оправдание и претензии на энциклопедизм и на независимость суждений вне чужого опыта и мнений. Но именно такой путь ведет к изоляции и научному одиночеству, именно его выбрал Ломоносов и вполне закономерно пришел именно к такому состоя-

нию. Истоки такого выбора, возможно, следует искать в психологической доминанте характера Ломоносова¹⁴³.

Помочь восстановить свое реноме среди академического окружения может избрание членом иностранной Академии. Шлецер донес до нас чудодейственную силу такой формы признания научных заслуг¹⁴⁴. Ломоносов обращается к Шувалову с просьбой о протекции на выборах иностранным членом (8 человек) в Парижскую АН. Он искренне верит в возможности Шувалова повлиять на решение Парижской академии и с удивительной наивностью аргументирует: «Тамошня Академия о моих ученых делах довольно известна. Ей же весьма пристойно и надобно иметь в здешной Академии члена, особливо ж природного россиянина»¹⁴⁵. Результаты попытки встать рядом с К. Линнеем (Linnaeus, Linne Carolus, 1707–1778), Б. Франклиным и Л. Эйлером были предсказуемы. Не мог Ломоносов не знать состав иностранных членов Парижской АН, но в этой плеяде он воспринимал себя равным.

Красной нитью через череду документов 1764–1765 годов проходит стремление Ломоносова осмыслить свое место в науке, итоги многолетнего в ней пребывания, относительную скромность этих итогов и, как следствие, отсутствие признания отечественных и зарубежных коллег. И мы воочию наблюдаем драму личности, личности неудовлетворенной этими итогами, личности лишь раскрывшей, но не реализовавшей свои дарования. Можно строить догадки о причинах выбора Ломоносовым естественных наук как критерия личной оценки. Время и потомки выделили совсем другую сторону его деяний. Но Ломоносов воспринимал науку как главное призвание жизни, и сознание не свершенных Великих Дел, соразмерных трудам Гигантов означало для него не менее как жизненное поражение. Ранее пришлось отступить перед Эпинусом в физике, перед Румовским — в астрономии, теперь перед Шлецером — в РУССКОЙ истории. Оскорбительная риторика не заменяет профессионализма. Наука жестока. Она не прощает измен, уходов в пьяный угар, администрирование, художественное творчество, производство или коммерцию. Но он по-прежнему, перечисляя «дежурные» 4–5 фамилий, винит в своих неудачах «недоброхотов».

Февраль–март 1765-го года. Ломоносов все так же член Канцелярии, ему подчинены научная деятельность Академии, ее гимназия и университет, он имеет чин статского советника, владеет деревнями и крепостными, обладает правом на получение дворянства,

получает небывалое для Академии жалование. У него собственный дом на Мойке, в центре столицы, с садом и лабораторией. Определена судьба дочери — настойчивый жених добивается у отца её руки. Только что благожелательно разрешилась проблема его долгов, связанных с «Полтавской баталией». Как и ранее, он обласкан фаворитом Императрицы. Его проект поиска северного прохода поддержан властью и активно реализуется. «Заклятый враг всех честных людей»¹⁴⁶ Г.-Ф. Миллер удален в Москву. Казалось бы, во всем, чему Ломоносов посвящал свой талант и длительные усилия, он добился успехов и восхищения сонма поклонников. Но читаем в строки, выведенные его рукой за месяц до кончины¹⁴⁷, какое же смятение человеческой души, какой надлом скрывается за ними:

- «1. Видеть Государыню.
2. Показывать свои труды.
3. Может быть, понадобится.
4. Беречь нечего. Все открыто Шлецеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев.
5. Приносил его высочеству дедикации <посвящение>. Да все! И места нет.
6. Нет нигде места и в чужих краях.
7. Все любят, да шумахерщина.
8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi [многое принял молча, многое снес, во многом уступил].
9. За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство pro aris etc. [за алтари и т.д.].
10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.
11. Ежели не пресечете, великая буря настанет.

В чем же причина этого очевидного отчаяния, внутреннего надлома? Обстановка в Академии уже имеет мало общего с временами полузабытого за событиями последних лет И.Д. Шумахера (в 1759 году тот «отошел от дел», скончался 3 июля 1761 г.). Какие же грустные обстоятельства он пытается оправдать мнением о сохранившейся «шумахерщине»? И эти строки (3, 6) сами дают ответ — он вне интересов и внимания коллег, мнение которых для него важно. На фоне застарелых недугов он одинок, его проза и стихи

живут независимо от автора. Он невостробован текучкой академии, о чем говорит поредевший поток документов за его подписью, он даже жалуется на непослушание «его подчиненных, которые уже давно настращены Таубертом, боясь Ломоносову оказывать исполнение дел законных по команде»¹⁴⁸. Окружающий мир изменился, и Ломоносов не видит своего места в нем.

Последнее у него упование — на пробуждение к себе интереса у Государыни в роли спасителя Академии. И эту роль он готов исполнять, но не менее как в должности вице-президента, с повышением в чин действительного статского советника и передачей финансов Академии в его руки¹⁴⁹. Наброски упомянутых документов остались неведомы для Императрицы, что охранило Ломоносова от массы неприятных переживаний. Досуг ли для нее разбирать печали статского советника? У нее были другие взгляды и на реформирование Академии и на лиц, которым эту проблему можно было поручить. Таков итог. И остается лишь тешить себя эфемерной надеждой (пп. 9, 10), что «обо мне дети отечества пожалеют», поскольку «стараюсь ...чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство pro aris etc.». И здесь он смотрел через столетия!

Будем верить, что в последние дни отчаяние покинуло его, и светлый духом он отошел в лучший из миров.

Образы Ломоносова, XVIII–XXI вв.

Тень Ломоносова зовут из-за могилы, —
Хотят венчать ее, сказать «спасибо» ей,
За трудный подвиг начинанья,
За первый русский стих, ласкавший русский слух,
За честную борьбу, за веру в русский дух,
За первый луч народного сознанья....

Я. Полонский

Образ национального героя, поэта-патриота

Не сбылись искренние, высказанные в последние дни его жизни и донесенные до нас Штелиным, опасения Ломоносова о крахе Академии по его кончине: «Смерть встретил с духом истинного философа; сказал: жалею только, что покидаю недовершенным то, что задумал я для пользы отечества, для приращения наук и возстановления упавших дел академических: оно умрет со мною»¹⁵⁰.

Обстановка в Академии к этому времени претерпела существенные изменения. В Россию вернулся великий Л. Эйлер с сыном, управление Академией приобрело элементы коллективного руководства под началом нового, юного директора графа В.Г. Орлова (1743–1831 гг.), профессор Академии Г.-Ф. Миллер был избран в первый российский парламент. Академия активно подготавливала посылку нескольких экспедиций по наблюдению грядущего в 1769 г. прохождения Венеры по диску Солнца. Паллас, Гильденштедт, Лепехин, Фальк и другие начинают интенсивно исследовать неизмеримую Империю, как бы вновь открывая ее для человечества или, вернее, открывая ее для него впервые. Экспедиции, как известно, завершились весьма успешно, к вящей славе венценосной покровительницы наук.

Имя Ломоносова временно покинуло Академию, и упоминалось в ней лишь по случаю очередного издания его стихов. Уместно отметить весьма умеренные тиражи издания произведений. В интервале 1751-1784 гг. были установлены всего лишь 13 изданий его произведений, средним тиражом около тысячи экземпляров¹⁵¹.

Н.И. Новиковым в 1772 г. впервые публикуется биография Ломоносова на русском языке¹⁵². Основывался он, как можно судить по неточностям, на устных сообщениях и собственных воспоминаниях. С появлением этой книги образ Ломоносова, вышедший из-под пера вольного каменщика, начал собственное, независимое существование.

В последующее десятилетие имя Ломоносова оставалось известным весьма узкому кругу почитателей его поэтического дара. Власть предрешающие потеряли к нему всякий интерес. Его архив, купленный Г.Г. Орловым, мирно догнивал в заваленном строительным мусором подвале дома фаворита, библиотека была распилена в книжном собрании¹⁵³ графа. Со временем имя Ломоносова, по-видимому, было бы затенено другими не менее талантливыми авторами.

Но в 1782 г. произошло событие, которое вернуло внимание к его фигуре, внимание, продиктованное уже не личными пристрастиями, а интересами государства. Событие это — создание государственной системы народного просвещения — предопределило интеллектуальный потенциал страны на века вперед. В отличие от прежних, прекраснотных проектов, реализация системы была начата по конкретному плану, выработанному Ф.У.Т. Эпинусом при непосредственном и активном участии Императрицы. В стране вводились единые сроки обучения, единые программы, единые методики преподавания, единые требования к учащимся, единые учебники и централизованная (впервые в истории) подготовка учителей. Всем процессом призван был руководить вновь созданный государственный орган «Комиссия об учреждении народных училищ», облеченная правом прямого доклада Екатерине II. Деятельность системы образования предусматривала не только обучение, но и идеологическое воспитание школьников, в первую очередь — верноподданнических и патриотических чувств.

Напомним об уже забытых учебниках:

1. «О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторыя». Вариант для учителей. Издания: 1783 г. — первое, 500 экземпляров; 1786 — второе, 1000 экземпляров; 1787 — третье, 3000 экземпляров.

2. «О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья». Вариант для школьников. Издания: 1783 г. – первое, 2524 экземпляра, тогда же второе, ≈ 1500 экземпляров, 1786 – третье, 10000 экземпляров, 1788 – четвертое, 10000 экземпляров, 1791 – пятое, 10000 экземпляров, 1796 – шестое, 10000 экземпляров¹⁵⁴.

Редкостные по тем временам тиражи свидетельствуют о серьезнейшем внимании Государыни к проблемам воспитания. Обе книги были критически просмотрены самой Императрицей. И не случайно. По своей сути они являлись манифестом просвещенного Самодержавия, в котором любовь к Монарху провозглашается любовью к отечеству. Не останавливаясь на исторических причинах этого внимания, заглянем в книгу для учителей издания 1783 г., раздел «Член IV. 1) О любви к Отечеству». Раздел ставит в пример учителям воспитание в древнем Риме и Греции (стр. 159): «Греки почитали воспитание детей государственным предметом: верховные начальники имели о них попечение и устроивали воспитание... Те же, коим воспитание препоручено было от государства, тщилися возбудить в юношестве внимание к выгодам отечества: ...не забывали также повествовать им о славных делах сынов отечества, и оных примерами возжигать в них ревность к подражанию». За этими словами стояла жесткая ориентация складывающегося учительского корпуса на пропаганду героев отечественной истории. Были названы как цели, так и ответственные за их достижение. Иными словами — доктрина провозглашена. Масштабная ее реализация, однако, началась позднее, после создания Министерства Народного Просвещения (1803 г.).

Призывы эти должны были зиждиться на отечественных примерах известных личностей. На государственной и военной стезе их число безмерно. А на гражданской? XVII век выстрадал гражданина К. Минина и отдавшего «жизнь за царя» гражданина И. Сусанина. Чье же имя назовет XVIII век подрастающим поколениям, как образец гражданской позиции? М.В. Ломоносова.

С ним некого сравнить. Других русских эталонов такого масштаба, сопоставимых с ним, просто не было. Любая из известных граней его жизненного пути по праву, без фальши, может быть представлена молодым умам и сердцам. Образ Ломоносова – это не

только средоточие верноподданнических излияний, выраженных в одах и поэмах, но и символ стремления к знаниям по зову души с юных лет. Нынешний отклик Императрицы на такое стремление должен подчеркивать и ее благодеяние в заботах о просвещении народа. Те, кто должны были учить детей и наставлять молодежь, нуждались в примере, который был бы безупречен, во всяком случае, с их точек зрения, с тех позиций, с тех основных ценностей, которые они должны были внушать молодым.

Иначе говоря, на первый план выступило уже сложившееся мнение Императрицы, просвещенного слоя и духовенства (см. ч. I), которое и надлежало должным образом изложить и донести до юного поколения и общества. Пример такого изложения, пример формирования образа уже дал Н.И. Новиков.

Это время (1783 г.) обозначено сближением самой Екатерины II с поэтическим творчеством Ломоносова. Ступив на стезю литературной деятельности на русском языке, она уже не могла избежать реакции на его наследие. В своей критике недавно вышедшей «Оды к Фелице» с позиций правил «Российского краснословия» она ссылается на Ломоносова как на непререкаемый авторитет¹⁵⁵. Ее внимание к русскому языку отражается не только в создании «Российской академии», но и в собственной емкой статье «О Российских сочинениях и Российском языке»¹⁵⁶.

Изложенное позволяет понять причины решения Директора АН княгини Е.Р. Дашковой (1744–1810), принятого в конце 1782–начале 1783 г., издать полное академическое собрание сочинений М.В. Ломоносова, предваренное его биографией. Три ранних (до 1783 г.) кратких изложения жизненного пути Ломоносова (А.П. Шувалов, Н.И. Новиков, Д.Е. Семенов-Руднев (Дамаскин))¹⁵⁷ следует рассматривать скорее как панегирики с вкраплением биографических данных.

Первый том Академического собрания сочинений был собран стараниями советника Дашковой О.П. Козодавлева (1754–1819) в 1783 г. и вышел в свет в 1784 г. Он открывался развернутой, на 16 страницах, биографией Ломоносова. Биография, по распоряжению Директора АН, писалась весьма яркой личностью, членом-корреспондентом АН М.И. Вережкиным¹⁵⁸ с привлечением ряда документальных свидетельств. Череди фактов, использованных в изложении, была когда-то сообщена самим Ломоносовым Штелину¹⁵⁹, который, по приказу Дашковой, руководствуясь в 73 года

собственной памятью, описал их и передал текст-заготовку М.И. Веревкину. Биография писалась келейно, автору никто не докучал своими суждениями. Протоколы Конференции АН не отразили каких-либо сообщений на этот предмет. И.И. Шувалова, сколь известно автору, не сочли нужным привлечь к обсуждению изложения. И биография эта подана в жанре романтической повести, как жизнь героя, с приключениями, яркими событиями (мельком о некоторых излишествах в Марбурге), мистическим предвидением, разлукой и встречей влюбленных, упоминанием мудрых покровителей и Всевысочайшей милости «блаженной памяти Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ Петровны». Совершенно необычен, лишь в полуфразе, посыл к здравствующей Самодержице: ранее «взыскан чинами сперва коллежскаго, а по том ныне царствующею Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ II и статскаго советника». Мнение Императрицы о покойном безусловно было известно и Дашковой, и автору. Но Государыня явно не желала украшать своим именем житие Ломоносова.

Созданный образ максимально гармонировал с представлениями людей, знавших о Ломоносове по книгам, слухам или эпизодически с ним встречавшимися, но не вызывал также и острого протеста у ныне живущих соратников по Академии. К 1784 году ушли в мир иной Шумахер, Тауберт, Миллер, Браун, десятилетиями лично общавшиеся с Ломоносовым. Другие отошли от дел Академии и трудились в сфере далекой от науки (Эпинус). Из академиков времен Ломоносова в ней остались Румовский, Котельников и Штелин (скончался в 1785 г.).

В биографии образ Ломоносова был повернут к читателю гранями спонтанного неумного стремления к познанию, выдающегося поэтического и художественного мастерства, увенчанных жизненными успехами и признанием российского «сонма богов». И лишь незаметные, брошенные походя, девять строк отводились характеристике его многолетней научной деятельности.

Такой акцент был задан, востребован временем и, безусловно, оправдал себя. Познание было необходимо представлять юношеству как гарант житейских достижений. Биография оставалась единственным жизнеописанием Ломоносова на протяжении 50-и лет, и дала наш, отечественный пример для воспитания нескольких поколений.

Впоследствии изложение жизненного пути Ломоносова неоднократно менялось, подчиняясь нуждам и взглядам текущего времени, но броские факты каждый раз заимствовались именно из этой первой, официальной, академической биографии.

В том же 1783 г. Н.Г. Леклерк (см. ч. I) в своей «Современной истории России» посвятил Ломоносову пятистраничный панегирик¹⁶⁰ со вставкой кратких биографических данных, выделяя его из обширного ряда русских писателей и поэтов словами: «Плиний нашего века – возможно, единственный пример, который свидетельствует о счастливом сочетании ума с совокупностью ярких великих талантов». Этот француз помнил и Ломоносова, и мнение образованной публики о нем, и донес это мнение в таких словах.

Редактирование второго и последующих томов собрания сочинений было возложено на Румовского и других академиков¹⁶¹. Отметим как издевку (или иронию) судьбы, что именно Румовского Ломоносов в последние месяцы жизни преследовал своими доношениями, видя в нем «Таубертову комнатную собачку»¹⁶². Для подготовки этих томов Канцелярии было поручено «сообщить сим Господам записки и сочинения покойнаго г. Ломоносова, которых она имеет, для учинения ис оных выбора»¹⁶³, что и положило начало архивной разработке Ломоносовской темы.

Летом 1786 г. Императрица заканчивает свою историческую пьесу «Начальное управление Олега». В пятое действие пьесы, она, не умеющая, как известно, писать стихов, вводит строки из од Ломоносова¹⁶⁴. Над строками, в тексте пьесы указывалось – «Из Ломоносова».

Всевысочайшее провозглашение соавторства в исторической, патриотической пьесе означало прямое покровительство памяти поэта. Оно поддержало внимание к нему и не дало кануть в лету, Династия Романовых сохранила это покровительство вплоть до ухода с исторической сцены. В 1793 г. Императрица повелевает установить бронзовый бюст Ломоносова (автор Ф.И. Шубин) в Камероновой галерее Царскосельского дворца, где размещались бюсты античных героев. Приобщив к этой череде скульптурный портрет Ломоносова, Императрица придала его имени высокий общественный статус национального символа. В свете такого статуса меркнут любые оценки других его деяний. И 1793 год можно счи-

тать эпилогом формирования эталона просвещенного гражданина отечества с его характерной гранью — образом поэта-патриота.

Уместно напомнить, что в том же 1786 году осмелевшая Комиссия об учреждении народных училищ, аргументируя примером Ломоносова, опрометчиво напишет в плане создания новых университетов (представлен в феврале 1787 г.): «Несвободные люди <крепостные В.Н.> также должны иметь право быть в университете»¹⁶⁵. Крамола, естественно, была тут же пресечена.

О роли создаваемой системы народного просвещения в популяризации образа Ломоносова будет детально сказано ниже. Сейчас рассмотрим основные взгляды на значение Ломоносова в последние годы екатерининского времени.

Удивительно объективное и целостное суждение о деяниях Ломоносова высказал А.Н. Радищев (1749-1802 гг.) в «Слове о Ломоносове», завершающем известное «Путешествие...»¹⁶⁶. Цитаты передают мнение автора, и читатель сам может судить о беспристрастности этого мнения: «...Мы воспоем песнь заслуге к обществу... Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразны отверзал обществу уму стези на познание... Самому все-сильному нельзя отнять у тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя... Но если Ломоносов не достиг великости в испытаниях природы, он действия ее великолепныя описал нам слогом чистым и внятным. И хотя мы не находим в творениях его, до естественной науки касающихся, изящного учителя естественности, найдем, однакоже, учителя в слове и всегда достойный пример на последование...».

Несколько позже (февраль, апрель 1792 г.) П.А. Плавильщиков, редактор малоизвестного журнала «Зритель», вынес на суд читателей статью «Нечто о врожденном свойстве душ Российских». И здесь мы находим строки в защиту русского национального характера: «Напрасно <иной. В.Н.> мудрец проповедует, что он гражданин целого света...И так напрасно отрицают будто в Россиянах нет творческого духа...напрасно отрицают у нас свойство, котораго ни один народ не имеет: оно состоит в непостижимой удобности <способности. В.Н.> все понимать...Один только Россиянин доказал свету, что для него нет ничего невозможного, и это свойство существует в душе его: он объемлет мыслию все, до чего только понятие его коснуться может...». И, оговариваясь кратко, перечисляет яркие имена – Ломоносов, «Кулибин и Тверский

Механик Собакин суть два чуда в механике»¹⁶⁷. Впервые общественная мысль начала выстраивать череду русских самородков. В XIX веке она пополнилась множеством имен, но всегда ее по праву возглавлял Ломоносов – «и слава твоя есть слава вождя!» На статью Плавильщикова можно взглянуть и как на предтечу, на исторические корни кампании по «Борьбе с космополитизмом и преклонением перед иностранщиной» (см. далее).

И Радищев, и Плавильщиков увидели в образе Ломоносова главное — образец служения русскому национальному самосознанию, как поэтическим даром, так и собственным примером. Другие же видели только поэзию, красоты стиля и чеканный слог.

Среди многочисленных подобных, укажем на экзальтированного автора статьи «Нечто о Ломоносове», который в первой же строке бесхитростно вступает: «Великие мужи образуются Природою. При самом рождении сих полубогов. Вот образ бессмертного Ломоносова!..». На робкие замечания Рецензента в духе «И на Солнце есть пятна», автор отвечал: «Сердце мое было полно и не вмещало в себе чувствований, произведенных чтением творений сего бессмертного мужа»¹⁶⁸. Исступленный восторг такого накала должен был затухать по мере изменения языка и появления новых поэтических имен. Восход «Солнца русской поэзии» отодвинул подобное восприятие образа в историю.

Вступив на престол, Павел I обозначил рубеж в отношении императорской фамилии к имени Ломоносова. 22 августа 1798 г. он повелел:

«Гатчина. Указ НАШЕМУ Сенату. Во уважение памяти и полезных знаний знаменитаго санктпетербургской академии наук профессора, статскаго советника Ломоносова, всемилостивейшее повелеваем рожденнаго от сестры его Головиной сына, архангельской губернии, холмогорскаго уезда, матигорской волости крестьянина Петра, с детьми Васильем, Иваном и с потомством их исключая из подушнаго оклада, освободить от рекрутскаго набора. ПАВЕЛ»¹⁶⁹.

Император в кратчайший срок ответил на ходатайство по этому поводу архангельского губернатора (письмо от 7 августа 1798 г.)¹⁷⁰. В текучке дел, решенных в этот день, указ лежит особняком. И, опустив привилегии родственникам Ломоносова, вычленил главное – первое ОФИЦИАЛЬНОЕ подтверждение Высочайшего внимания к памяти Ломоносова. Образ Ломоносова был для

Павла I неотъемлемо от благодарственной памяти о Порошине, родственников которого он одарил с поистине царской щедростью¹⁷¹: им пожаловано 20 тысяч десятин земли в симбирской и саратовской губерниях.

В заботе о воспитании внуков, которыми Екатерина II занималась внимательнее, чем их родители, она обращает особенное внимание на познание России и ее истории, считая эту сферу важнее остальных познаний.

Сыновья Павла, Александр и Константин, уже с юности убеждены их наставником М.Н. Муравьевым (1757–1807), что «...Ломоносов... одним примером своим утверждает истину, что Россияне одарены великими способностями разума»¹⁷². Будущие государи на примерах должны быть заверены в лучших качествах верноподданных.

«Высочайшая милость родственникам Стихотворца Ломоносова» была тут же воспета пиитами И.И. Дмитриевым и Дм. Хвостовым¹⁷³. Но строки первого:

О ПАВЕЛ! Ты единым словом,
Не потрясая мира громом,
Безсмертие себе купил.

в отличие от их автора, следовало бы интерпретировать как восхищение не щедротами Государя, а востребованием имени высшей властью.

В первые годы XIX века под эгидой вновь созданного Министерства Просвещения в России было введено и установлено единство управления всеми учебно-воспитательными и научными учреждениями. Даже Императорская Академия наук была передана в его подчинение. Для разворачиваемой сети гимназий и уездных училищ были подготовлены группы учебников и книг для классного и домашнего чтения, в том числе и по российской словесности. Последние, естественно, включали лучшие образцы отечественной поэзии и прозы. Учебники и рассказы учителей и донесли образ Ломоносова до многих тысяч учащихся и членов их семей.

Итак, на переломе веков приобщение к трудам и имени Ломоносова стало ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ для заметной части подрастающих поколений. В типовой хрестоматии этого времени¹⁷⁴ приводится биография Ломоносова, его повествования, образцы писем, переводы, образец популярного научного изложения («О пользе физики»), отрывок из риторики, образец светской, приветственной речи.

Иными словами, слово Ломоносова представлено как эталон во всех разделах словесности.

Его образ в глазах многих начал восприниматься как неотъемлемая часть Российской истории. В это же время увидела свет книга, в которой Ломоносов поставлен в ряд национальных героев¹⁷⁵: сподвижника Петра I князя Я.Ф. Долгорукова, А.В. Суворова, П.А. Румянцева-Задунайского и Г.А. Потемкина.

Среди других поэтов его выделяло многое — не только стиль, слог и язык, но и, в первую очередь, происхождение, юношеские жизненные устремления, красочная биография, принадлежность к чтимому ученому миру и внимание Императорской фамилии. Каждая из этих граней могла быть поставлена как пример, убедительно и привлекательно описана для соответствующей (должной) части общества.

Сложившееся мнение подкреплял (1800 г.) и голос того самого «сумасбродного» А.-Л. Шлецера, одного из немногих еще живых участников давних событий, ныне российского дворянина, пожалованного в 1803 г. Александром I «за отличные заслуги и труды по части Истории Российской» орденом Св. Владимира. Он писал: «Ломоносов был действительный гений, который мог сделать честь всему северному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты. Он так поздно поднялся с своего двинского острова и, несмотря на то, в следующие десять лет приобрел так много и столь разнообразных познаний. Он создал новое русское стихотворство, и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность»¹⁷⁶. Оборвем цитату на этой мажорной ноте. Полностью она приведена в ч. I.

Волею судеб к тому же периоду примкнуло еще одно событие. Российская Академия в её годовом торжественном собрании 1805 года заслушала по случаю сороковой годовщины со дня кончины «Похвальное слово» Ломоносову, зачитанное известным минералогом В.М. Севергиным (1765–1826 гг.). Академия наук не заметила этой даты. Речь по такому поводу впервые держал академик АН, знавший о Ломоносове только по книгам, рассказам и слухам. В докладе излагалась уже упомянутая биография, отмечалось внимание Павла I к его памяти, но, как приличествовало статусу учреждения, основная часть была посвящена значению Ломоносова в «обогащении слова Российскаго». Автор также призывал обратить

«мысленный взор наш на прочие труды его, ибо дух деятельности сего мужа не останавливался на одном Витийстве и Поезии; но разпространялся почти на всю обширность знаний человеческих». Поэтому, безусловно: «Мы должны паче удивляться, как единый человек возмог столь многия и многообразныя познания»¹⁷⁷. Автору не удалось выяснить, присутствовал ли на заседании С.Я. Румовский, член этой Академии, вице-президент АН, действительный статский советник и кавалер. Если пребывал, то было бы уместно домыслить его чувства при столь безудержных славословиях.

Незамеченной прошла столетняя годовщина рождения Ломоносова (8.11.1811 г.): не до того было российскому обществу – покоритель Европы стоял на ее границах. Читатель в дальнейшем отметит какую-то фатальную череду бедствий, преследующих Россию в годы Ломоносовских юбилеев.

Слава Ломоносова–поэта в начале XIX века достигла апогея. Величавая помпезность языка и образов, неотъемлемая патриотическая направленность стихов востребованы растущей сферой народного просвещения с органически присущим ей патриотическим воспитанием. Но удивительно быстро, в течение пятнадцати-двадцати лет появившаяся плеяда крупных талантов выходит на первый план и старомодная поэзия, с отмершими славянизмами становится достоянием истории. Окончательный приговор образу Ломоносова–поэта выносит Пушкин. Посвятив ему изумительное по красоте четверостишие «Отрок»:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Пушкин, тем не менее, характеризует Ломоносова совершенно определенно: «Уважаю в нем великаго человека, но, конечно, не великаго поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты онаго: вот его главная услуга.»¹⁷⁸. Суждения Пушкина бесспорны по критериям иного века.

«Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и

элоквенции — не что иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий»¹⁷⁹.

Главное достоинство стихотворений Ломоносова – язык, и потому «лучшие его произведения переложения псалмов» и духовные оды, которые «останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему». «Поэзия бывает исключительною страстью немногих, родившихся поэтами она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни»; Ломоносов же был по духу ученый и стихотворство для него было «иногда забавой, но чаще должностным упражнением»¹⁸⁰. Поэтому в нем «нет ни чувства, ни воображения»; в прозе его «схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская», оды «утомительны и надуты». «Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым»¹⁸¹.

Слава Ломоносова–поэта отцвела, образ Ломоносова–поэта померк. Но остались строки-пророчества, крылатые фразы, что дороги нам и сейчас.

Образ создателя Московского университета

Период затухания известности Ломоносова-поэта совпал с рождением образа Ломоносова как основателя Московского Университета. В сентябрьском номере «Московского телеграфа» за 1825 г.¹⁸² было опубликовано найденное П.А. Мухановым письмо Ломоносова к Шувалову. В небольшом письме (два листочка, датированных историками до 19 июля 1754 г.) Ломоносов высказывает мнение о подготовленном Шуваловым доношении в Правительствующий Сенат об «Учреждении Московскаго Университета» и «при оном Гимназии». Журнал призвал «уметь понимать великих людей, ...приучиться судить о них как о необыкновенных явлениях нравственного мира – и тогда только можем оценить их дела, слова, предприятия. Как велик тогда покажется нам Ломоносов!». И читающая публика в последствии с готовностью восприняла это единственное документальное свидетельство, утвердив пером Пушкина (см. выше):

«..Он создал первый русский университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Против второй фразы

возразить ничего нельзя, но в памяти большинства осталась именно первая.

Университет был учрежден указом императрицы Елизаветы I 12 января 1755 г. и вскоре открыт. Немногочисленные, вскользь высказанные реплики самого Ломоносова о своей роли в этом событии относятся к более поздним датам. Перечислим их.

Добиваясь протекции Шувалова в получении чина вице-президента АН (14 февраля–17 апреля 1760 г.), среди других аргументов он указывает: «..5. и прежде сего советы давал о Московском университете..»¹⁸³. Через четыре года, в пространной рукописи об истории академической канцелярии, Ломоносов уже называет себя инициатором создания Московского Университета. Уличая в интригах Л.Л. Блюментроста*, он писал: «..и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского Университета, довольно приметил в нем нелюбвию к российским ученым, когда Блюментрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санкт-Петербург: ибо не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса..»¹⁸⁴. Последнее утверждение не нашло подтверждения в каких-либо сторонних документах. Часто цитируемый мемуарный источник¹⁸⁵ вряд ли может считаться надежным в деталях. Автор через 53 года публикует свои беседы 1797 года с престарелым Шуваловым, имевшие место за несколько месяцев до его кончины.

Исчерпывающее, буквально подневное собрание документов по истории Московского университета, опубликованное Д.Н. Костышиным, свидетельствует о весьма скромной формальной роли Ломоносова¹⁸⁶. Укажем также на отсутствие документов, указывающих на интерес Ломоносова к деятельности университета в промежутке 1755–1765 гг. Фактический же, но опосредованный, его вклад в становление университета был крайне важен. Первые русские профессора университетской гимназии (Н.Н. Поповский, А.А. Барсов, Ф.Я. Яремский) были возвращены в академическом университете или при его участии, или, имея его как живой пример.

* Blumentrost Laurentius, 29.10.1692–27.3.1755 гг. Первый Президент СПб-й Имп. АН. Один из официальных создателей Московского Университета.

Любопытна эволюция отношения к такому образу в самом университете. В пяти речах, торжественно прозвучавших на полувековом юбилее университета 30 июня 1805 г., имя Ломоносова упоминается лишь в одной, среди «величайших Ораторов и Стихотворцов XVIII века»¹⁸⁷. Благодарная историческая память не нашла отражения в этих речах, только раз был упомянут «незабвенный друг просвещения Шувалов», а основное похвальное словоизвержение было адресовано 29-летнему Монарху, при котором «Московский университет, чрез все пятьдесят лет совокупно, не получил толико благотворений, как в благословенное нынешнее царствование Геня на Престоле!». Александр I в новом уставе 1804 года существенно расширил полномочия университета.

Упомянутое письмо к Шувалову далеко не сразу получило отклик в речах ежегодных собраний. Упоминание какого-либо факта канонизировало его, а потому нуждалось в едином устоявшемся мнении. В речах 1826-1829 годов не высказывается мысль об основополагающей деятельности Ломоносова. Лишь в преддверии 75-летия университет повернулся к восстановлению своей истории.

Впервые она вынесена к аудитории в 1830 г. в речах профессора И.М. Снегирева (1793–1868) и молодого М.П. Погодина (1800–1875)¹⁸⁸. В оценке роли создателей университета, эти речи, произносимые в одном и том же зале, для одних и тех же слушателей звучали явной разногласием. Снегирев утверждал, что И.И. Шувалов при составлении плана прислушивался к мнению многих, среди которых наиболее авторитетными были Ломоносов и Г.-Ф. Миллер. Он же счел необходимым отметить незаметную, но весьма важную роль графа П.И. Шувалова. Граф, известный военный деятель и сенатор, проявил недюжинную придворную ловкость, убедив Императрицу начертать «Быть по сему» на докладе Сената об учреждении Московского университета. Императрица не терпела ответственности, связанной с подписанием докладов и указов, и всеми силами затягивала такие решения. Доклад был подписан в Троице-Сергиевской лавре — туда Двор прибывал на ежегодное молебствование по случаю победы над поляками — 12 января 1755 года, каковая дата и считается днем рождения Московского университета. В XIX веке вклад графа воспринимался более важным, чем труды И.И. Шувалова. И только по этой причине именно граф, а не И.И. Шувалов, изображен на медали векового юбилея университета.

Первое приветствие университету (точнее решению об его создании) провозгласил Г.-Ф. Миллер, заботливо следивший за судьбой указа. С января 1755 г. Академия наук начала выпускать журнал

«Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» и уже в февральском номере Г.-Ф. Миллер писал: «.. должно почитать за особое щастие наших времен, что мы историю нынешняго года можем начать от учреждения в Москве Университета...». Здесь же он дал текст указа Императрицы, подписанный Правительствующим Сенатом 24 января 1755 г.¹⁸⁹

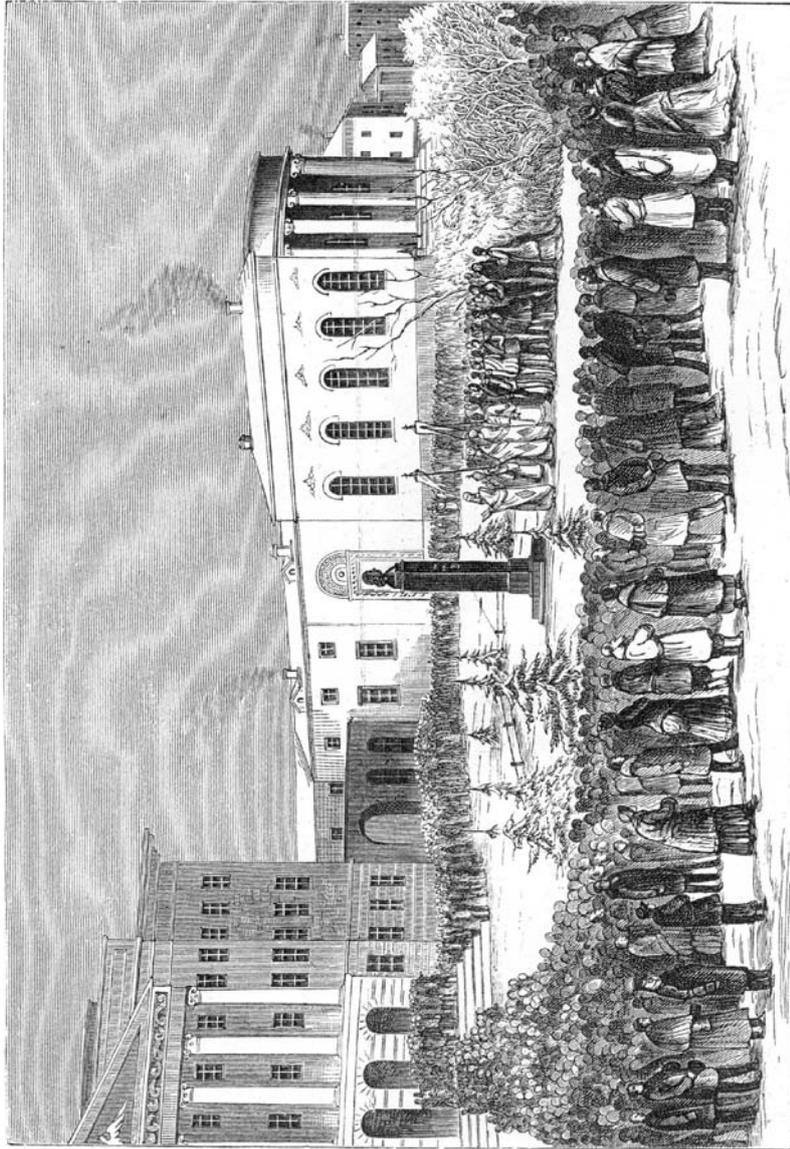
В отличие от Снегирева, исторические свидетельства не отягощали Погодина сомнениями, и, имея перед глазами указанное письмо, он прямолинейно утверждал: Елизавета I основала «в 1755 году Университет Московский на краеугольной мысли Ломоносова, по ходатайству Шувалова».

К тому времени Московский университет мог по праву гордиться множеством своих выпускников, способствовавших силе и славе Отечества на высоких государственных постах. И при всем при том в короткой биографии университета отсутствовала яркая Личность исторических масштабов, Личность известная стране, которую можно было бы вознести на свои знамена. Первый по значимости Императорский университет обязан нести свою хоругвь. Конечно, на ней должен был быть русский, ученый, из низов, образец жизненного преуспеяния благодаря науке.

Кто сомневается в его имени? Еле заметная черта между «советовал» и «создал» стерта рукой великого поэта.

Торжества столетнего юбилея увековечили образ. «Журнал министерства народного просвещения» донес до всех учебных заведений страны речи «Благодарное воспоминание об Иване Ивановиче Шувалове» С. Соловьева и «Воспоминание о Ломоносове» того же М.П. Погодина, произнесенные 12 января 1855 г.¹⁹⁰ И авторитетом Министерства в умах читателей в образе Ломоносова

Москва. — Открытие памятника Ломоносову, 12 января, 1877 года.
(Съ наброска нашего корреспондента М. П. Федорова, рис. Е. И. Тихомировъ, грав. К. Вейерманъ).

утверждается мнение Погодина — «тот, ... кому принадлежит начальный чертеж Московского Университета». Думается, что приведенный документ сыграл в случившемся вторичную роль. В главном стремлении, одну и ту же цель преследовали и многолетние усилия «самобытного сподвижника просвещения», и деятельность первого русского университета. И имя Ломоносова в той или иной форме было бы привлечено к истории университета. Найденное письмо лишь конкретизировало эту форму.

Первый памятник Ломоносову в Москве был открыт опять же в университете, у аудиторного корпуса, в знаменательный «Татианин» день 12 января 1877 г. (ст. стиль)¹⁹¹. Этот скромный бронзовый бюст, исполненный скульптором С.И. Ивановым и установленный на высоком постаменте, окончательно утвердил сложившийся образ во мнении студентов и общества. В речи ректора С.М. Соловьева «Воспоминание о Ломоносове» рефреном звучало: «русские люди... думать и чувствовать по-русски... русские интересы... русская история... русская наука».

В 1936 году, в дни празднования 225-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова, непреходящий секретарь АН СССР Н.П. Горбунов, ранее секретарь В.И. Ленина, предложил в своей речи «присвоить Московскому университету славное имя Ломоносова»¹⁹². В 1940 году, по случаю 185-летнего юбилея университета, Советское Правительство присвоило первому ВУЗу страны имя М.В. Ломоносова, после чего любые сомнения в сложившемся образе уже были просто не уместны. В наши дни, в преддверии 250-летнего юбилея университета, был создан и утвержден (2004 г.) Новый Гимн МГУ, неразрывно и навечно связавший Имя и Университет.

Образ юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным обозом в Москву

Академическая биография Ломоносова, как указывалось, несколько десятилетий оставалась единственным источником сведений о его жизни. Интерес к личности должен был побудить творческие круги использовать этот сюжет в художественном литературном произведении. Зимой 1836 года, в Москве увидела свет книга Ксенофонта Полевого «Михаил Васильевич Ломоносов»¹⁹³. Книга правдива, лишена чрезмерной восторженности и, следуя канве из-

ложения, взятой из упомянутой биографии, дополняет ее массой сведений, ставших известными автору из каких-то устных рассказов, преданий и анекдотов. На книгу тут же откликнулся В.Г. Белинский, отметив язык «изящный и благородный», назвав ее «поэтической биографией» «человека и гения»¹⁹⁴. Это первое, сколь известно автору, художественное произведение о Ломоносове обозначило тему многочисленных популярных, в том числе и детских, книжек.

Какая же грань Личности, какой образ оказался востребован новой, воистину общенародной аудиторией? Белинский прозорливо разглядел его в книге Полевого. Это образ мальчика, «который с чего-то забрал себе в голову, что ему надо, непременно надо учиться, что без ученья жизнь не в жизнь. Ему этого никто не толковал, как толкуют это нынче, его даже били за охоту к ученью, как нынче бьют за отвращение к науке». Образ в книге дан в развитии. Поначалу он привлекателен для родителей и назидателен для детей. Для юношей – образ дает итог увлечения наукой — всеобщее признание и жизненный успех, вполне достойный по меркам обывателя. Иными словам, он привлекателен для интеллектуального слоя обывателей. Не будем этот слой романтизировать – обывателю важна и материальная сторона его деятельности.

И вот уже 19-летний юноша из обедневших дворян, гувернер в частном пансионе пишет для постановки своими воспитанниками пьесу «Юность Ломоносова»¹⁹⁵, в коей устами своего героя высказывает собственные чаяния:

Трудов немало перенес я:
Нередко даже голодал,
С людьми боролся и с судьбою,
Дороги сам себе искал.

.....

И вот я шел да шел, трудился,
Свой долг усердно исполнял
И этим кой-чего добился:
Теперь я тот же дворянин!
Но это все еще ничтожно,
Горжусь я тем, что первый я
Певец Российского Парнаса,
Что для бессмертья я тружусь....

Горжуся тем, что сердце Россов
Умел я пеньем восхитить,
Что сын крестьянский Ломоносов
По смерти даже будет жить.

Это ли не жизненная цель разночинной молодежи? Мы, конечно, не назовем эти строки лучшими у классика, но без них не было бы замечательного, трепетного четверостишия, с которым выросли миллионы детей:

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик,
По своей, и Божьей воле
Стал разумен и велик.

.....
Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа:
Столько славных, то и знай.

В сороковые годы XIX века детские книги, популярно излагающие исторические и научные сюжеты, стали доступны относительно широкому слою общества. И книга К. Полевого, в своем сокращенном, мало узнаваемом переложении изрядным числом авторов, пришла в новую, широчайшую аудиторию. Авторы сдобривали текст сентиментальными деталями, упрощали язык, выделяли подробностями одни события и опускали другие, недоступные детскому восприятию. В угоду детской психологии там же появились первые художественные иллюстрации жизни Ломоносова. Со временем, в силу указанных причин и стремления сократить объем текста (цена!), фабула сжималась до сюжета о подростке, который вопреки родительской воле бежит в Москву учиться, обретает знания, и тем стяжает научную славу к величию России. Эти детские впечатления в народной среде и сохранились как образ Ломоносова. Упомянем лишь несколько примеров таких книг ранних изданий.

В относительно дорогом издании для детей из состоятельных семей (шесть частей в твердых обложках)¹⁹⁶, среди описания царствующих особ, в разрыв (неслыханное дело!) описания правления Елизаветы вставлено: «И при Ней явился гений, которому определено показывать путь ко всему изящному умам обыкновенным, при Ней — явился поэт. Это был первый, великий поэт России, Ломоносов». Далее — на двадцати пяти страницах развернута биогра-

фия *a la* Полевой. Детям из привилегированного слоя был показан пример благодетельного покровительства Императрицы талантливому самородку из низов, воспевшему ее время. Но основная часть этой врезки формировалась опять-таки вокруг пытливого юноши с его неукротимым желанием познать окружающий мир. Здесь же впервые введен неотъемлемый фрагмент всех будущих книжек – личная награда «ревнителю просвещения» — встреча с Императрицей.

Несколько позже появляется на свет небольшая дешевая книжечка, размером с ладошку, текст которой, возможно впервые, сопровождается литографическими иллюстрациями¹⁹⁷. Книжечка нашла отклик у публики, была еще дважды переиздана и доброжелательно встречена критикой: «Рассказ жив и интересен по своему предмету. Жизнь Ломоносова исполнена занимательности... и пусть дети знакомятся в подобных сочинениях с жизнью человека, вполне замечательного и исторического. Рекомендуем эту книгу родителям детей и воспитателям их».

Сюжеты литографий любопытны, в частности, коленопреклоненный Ломоносов, припавший к руке Екатерины II, но качество их, к сожалению, не оправдывает воспроизведения. Потому назо-

вем еще одну столь же малую детскую книжечку¹⁹⁸, из которой заимствуем рисунок, чей сюжет стал для всех подобных изданий хрестоматийным. Типичным для конца XIX века является издание¹⁹⁹, опять же в осьмушку листа, всего 22 страницы, ценой 10 коп. Вот такие книжечки пришли в массы и прививали им любовь к знаниям, словами и цветной картинкой показывая – «ученым стал и у себя царицу принимал». Позднее, олеографии с этим сюжетом неукоснительно вывешивались в гимназиях, училищах и школах. Образованный современник счел нужным заметить о книге: «.. заслуги Ломоносова научные, патриотические, и в смысле *забот его о народном благосостоянии (здравии, нравственности, образовании)* выставлены довольно ярко, большею частью, собственными словами писателя. Написана просто и доступна взрослым простолюдинам».

Поклонимся земным поклоном этим непритязательным книжечкам и безвестным коробейникам, офеням и книгоношам, что донесли имя, образ и стремления юного Ломоносова до самых глухих деревень. Дешевые детские книжечки сделали его родным и понятным примером для сотен тысяч юных и зрелых «простолюдинов», что и выразил с благодарностью академик Я.К. Грот²⁰⁰ в докладе на 100-летнем юбилее: «Внешние обстоятельства жизни Ломоносова так поразительны, что с ними всякий Русский знакомился уже с детства».

Образ ученого-энциклопедиста

Мнение о Ломоносове как ученом-энциклопедисте было сформировано в середине XIX века. В апреле 1865 г. в 25 городах по всей России²⁰¹, в торжественных собраниях и обедах с произнесением речей, отмечалась столетняя годовщина со дня его кончины. И, конечно, наиболее парадно в С-Петербургской Академии наук²⁰² и Московском университете²⁰³. Автор не располагает данными об организующих началах этого общегосударственного мероприятия, но очевидно, что оно не было спонтанным волеизлиянием. Местная инициатива, возможно, была централизованно побуждена учреждениями Министерства просвещения.

Состояние общественной мысли в России годом ранее А.И. Герцен характеризовал словами: «Рев, вой, шипенье казенного, свирепаго патриотизма заглушает всякое человеческое слово. Образованная Россия оказалась гораздо больше варварской, чем Рос-

сия народная. На этом варварстве ея стали возможными ужасныя дела и ужасныя слова — казни в Польше, каторги в России...Чернышевский, белым днем выставленный у позорнаго столба, и все прочия неистовства правительства и общества»²⁰⁴.

Что же стоит за столь тяжкими словами? Еще свежа горечь от вскрывшихся причин поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.), идут массовые возмущения крестьян, освобожденных от крепостной неволи без земли, любые высказывания в защиту крестьянства люто пресекаются (гражданская казнь и приговор к каторжным работам Н.Г. Чернышевского), жесточайше потоплено в крови польское восстание 1863–1864 гг. (400 казненных, 70000 выслано в глубь страны).

В обстановке тягостной подавленности, обращение к памяти «Холмогорскаго мужика, который первый внес светочь Русскаго народнаго гения в мир вселенской науки, который первый явился в нем самостоятельным Русским деятелем, ...»²⁰⁵ не могло не стать призывом к народному единению в чествовании «самого чистокровнаго представителя Русскаго народа по своему происхождению». Государство и церковь уже не могли отдать или оставить это имя таким институтам как наука, образование, культура, или «Русское образованное общество» (славянофилы и западники).

Последнее, в своем натужном «казенном патриотизме», с готовностью восприняло празднество, подготовленное бескорыстными почитателями великаго гражданина России. Хоругвь с образом плебея Ломоносова идеально гармонировала с благословенным актом освобождения рабов, скрытые, исконные силы которых должны были придать, подобно славному предку, новый толчок русской культуре. В образе безупречно воплощалась официальная идеологическая триада — «православие, самодержавие, народность».

Император Александр II выразил соизволение на проведение столь масштабных празднеств, распорядившись, в частности, об учреждении премии имени М.В. Ломоносова (1000 руб. в год из сумм Государственного казначейства) за достижения в области промышленных и технических наук и за лучшие сочинения²⁰⁶.

На торжестве в Академии присутствовали государственные сановники, лица из высшего духовенства, ученые и литераторы. Память о Ломоносове воочию стала объектом государственной политики, достойно увенчавшей тенденцию, провозглашенную Екатериной II.

К чести академической науки, впервые со столь почтенной трибуны в речи академика Я.К. Грота было вычленено главное:

1) «В настоящее время...на первый план в оценке Ломоносова выступает его общественная деятельность, его национальное значение; он является передовым борцом русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признание драгоценнейших духовных сокровищ нации»;

2) прозвучал призыв «установить верный взгляд на значение Ломоносова в той или другой сфере деятельности» с увещанием

3)«если тут или там его недостатки выступают теперь в более резких чертах, за то и достоинства его являются в более ярком свете. Но скрывать или искажать факты, когда речь идет о нем, было бы недостойно его величия»²⁰⁷.

В развернувшемся празднестве тезис (1) получил всеобщее понимание, поддержку, развитие и распространение, тезис (2) приобрел исключительно восторженный уклон, а тезис (3) в сознании большинства был опущен.

Масштабы и атмосферу празднества сохранила для нас газета славянофилов «День»²⁰⁸: «России в первый раз еще приходится справлять такого рода торжества. Прожив 1000 лет, в первый раз празднуем мы 100-летний юбилей лица отслужившаго свою службу обществу, стяжавшаго свою славу не военными подвигами, но словом... Петербург... больше всех других городов России почтил память Ломоносова. Не говоря о назначенном для этого дня, с особым выбором пьес, спектакле, об обеде, данном 7 апреля в зале дворянского собрания, ...где гг. Майков...Тютчев, Срезневский по перемененно читали речи и стихи, память Ломоносова почтена была и торжествами официальными. Митрополит Исидор с 8 архимандритами отслужил литургию в Александро-Невской лавре... Панихиду на могиле служили (!!!): митрополиты — С.-Петербургский и Киевский, три архиепископа..., два епископа, протопресвитер..., 8 архимандритов и 4 соборных иеромонаха»²⁰⁹. Среди описаний торжеств с участием губернаторов в десятках городов выделим Воронеж²¹⁰, где в антрактах заседаний «оркестр музыки играл.. увертюру из оперы «Ломоносов, или рекрут стихотворец»»*.

* Опера-водевиль в 3-х действиях, музыка Ф. Антолини, соч. кн. А.А. Шаховского, СПб, 1814 г., напечатана 1816 г. Имела успех при Дворе. Положила, по-видимому, начало сценическим образам Ломоносова.

В провинции празднества организовывались, как правило, учебными заведениями (университеты, кадетские корпуса, гимназии, разного рода училища). Директор Тульской гимназии И. Гаярин прозорливо выразил²¹¹ самое весомое в образе Ломоносова – «великое ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ <выделено мной. В.Н.> значение для Русского народа».

И с ним нельзя не согласиться даже сейчас, когда биография Ломоносова критически изучена со всей полнотой. Эта роль отодвигает на задний план все остальные свершения великой Личности. Сожалея, что «до сих пор не все Русские даже слышали о Ломоносове», Гаярин заключает: «Воспитательное влияние Ломоносова на народ должно быть тем сильнее, тем жизненнее, что сам Ломоносов вышел из простаго класса народа. Пусть пример Ломоносова ободрит тех бедных детей, которых судьба обрекла на лишения, во время их школьной жизни! Подкрепленные таким примером, они не впадут в уныние и выйдут победоносно из борьбы с нуждой, закалив свои силы на служение общему делу...». Цитата излишне длинна, но исчерпывающе отражает выношенную оценку Ломоносова.

Отметим активность церкви на празднествах. Святые отцы цепко держались за образ Ломоносова. Началу мероприятий в городах предшествовали литургии и крестные ходы, молебны и поминальные слова священников в храмах. Тема «Церковь и Ломоносов» представляет самостоятельный интерес. Выразим предположение, что в основе такой длительной гармонии лежит высказывание «Знание природы не противно закону христианскому», развитое славным мирянином в последних фразах его сочинения о прохождении Венеры через диск Солнца.

Еженедельная православная газета «Домашняя беседа» отражая, по-видимому, суть мнения пастырей, опубликовала стихи А.Н. Майкова и М.П. Розенгейма, статью Д. Перевощикова и анонимную публикацию «Ломоносов и немцы»²¹², название которой точно характеризует позицию авторов и редакции. Эта позиция — усугубленная точка зрения славянофилов — Ломоносов стойкий, непримиримый боец против немецкого засилья в науке и русских пособников такого засилья, умаляющих честь России.

Залп грянувших юбилейных публикаций впервые восславил заслуги Ломоносова одновременно в физике, химии, минералогии, геологии, истории, грамматике русского языка, журналистике, в

воспитании народа, в истории русского образования, и даже в «распространении здравых понятий о народной гигиене»²¹³. Спектр авторов был необъятно широк — от профессоров университетов до духовенства среднего звена.

Восторженность отзывов ученого люда резко контрастировала с мнением коллег Ломоносова по Академии (см. ч. I). Полярность мнений очевидна. Современники обсуждали УТВЕРЖДЕНИЯ, высказанные самим Ломоносовым. Нынешние авторы извлекали только ОПРАВДАВШИЕСЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ из множества таковых, рассыпанных по трудам и черновикам Ломоносова, и судили уже по ним, зачастую вольно трактуя смысл терминов. Мотивы авторов искренни, понятны, возвышенны и востребованы. Померкший образ поэта приобрел новую ипостась. Он возрожден в науке, в сфере непреходящей по ценности в общем понимании. Скучным историкам оставалось докапываться до истины в своем кружке.

Энциклопедизм Ломоносова провозглашен. Мнение опиралось на публично высказанное суждение авторитетнейших учреждений и сомнению не подлежало. В дальнейшем сложившееся представление об ученом-энциклопедисте-полигисторе (от греч. πολυίστωρ — многознающий) допускалось только расширять и преумножать. Скепсис был исключен, тем более, что Ломоносов относил себя именно к таковым²¹⁴. Лишь редкостные голоса, как ранее Радищев, с горечью отмечали: «Нельзя не признать, что с именем Ломоносова не связано никаких особенно замечательных открытий; мы даже не встретим этого имени в истории науки»²¹⁵, и акцентировали внимание на истинных достижениях этой Личности.

К юбилейной дате тщанием А.Ф. Вельмана²¹⁶, П.С. Билярского и П.П. Пекарского было опубликовано множество документов, вышедших из-под пера Ломоносова. Что же касается материалов текущей деятельности Академии, то они были разобраны и изучены значительно позже. И длительное время взгляд на отношения Ломоносова с Академией формировался односторонне, только по его собственным высказываниям, далеко не всегда адекватным. Высказывания эти стали основой для придания образу ученого-энциклопедиста характера борца с иноземным засильем в российской науке. Весомые исторические причины обусловили востребованность именно такого образа.

Обратимся к Пекарскому²¹⁷: «Все эти бумаги ... имеют особенное значение для большинства русских читателей, которые в этом

случае почти всегда становятся на сторону Ломоносова именно потому, что у Ломоносова иногда резко осуждаются льготы и преимущества иноземцам в России и их весьма понятное равнодушие к ее пользам... когда они стали пользоваться у нас разными льготами и преимуществами в ущерб природным русским и ... выказывали при всяком удобном случае высокомерное презрение к русским и давали везде и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на том, что они не туземного происхождения».

Раздражение в русском обществе копилось и зрело с Петровских реформ. А Ломоносов, как выяснилось, и век назад яростно выступал против такого гнета. И имя его было поднято славянофилами как знамя. Многие десятилетия олицетворением немецкого засилья в науке оставались не более чем три-четыре персоны, ославленные Ломоносовым в его бумагах. Напрасно взывал Пекарский не спешить с формированием такой позиции: «Повторяю – русским невозможно читать ломоносовских бумаг против его академических врагов без сочувствия к писавшему их, но при этом все-таки не следует выпускать из вида исторической правды, а ее не всегда найдешь в писаниях человека страстного, взволнованного, рассерженного, негодующего. Между тем долгое время никто не брался за сличение ломоносовских бумаг с другими современными известиями, которые необходимо должны были многое пополнять, иное представить совсем в другом свете, и кое-что отвергнуть вовсе, как плод личного увлечения»²¹⁸. Сам Пекарский не мог защитить эту здравую точку зрения, он скончался за год до публикации его труда, ставшего классическим.

Итак, столетний рубеж знаменовался:

1) официальным признанием государственной значимости (не только памяти) личности Ломоносова,

2) формированием образа ученого-энциклопедиста, поборника народного просвещения и борца за русское национальное самосознание. Образ был многократно использован государством, имел многих искренних защитников и стал для страны в высшей степени благотворен и плодотворен. Первоначальный облик образа просуществовал без изменений до 80-х годов XX века. Его современный рисунок отражает личность Ломоносова много ближе к реальности, но об этой эволюции несколько позже.

Шестидесятые годы XIX столетия известны ростом революционных настроений в среде разночинной молодежи. Лучшие пред-

ставители революционных разночинцев в литературе (Добролюбов, Писарев, Чернышевский) в оценке исторических личностей ставили во главу угла не их профессиональные достижения, а патриотизм социальной позиции. Чернышевский писал²¹⁹: «Русский, у кого есть здравый ум и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть ничем иным, как патриотом...Все остальные интересы его деятельности... подчиняются у русского ученого, художника, юриста великой идее служения на пользу своего отечества». Формы служения многообразны. Но его высшая ступень – общественная активность. Ни один из сложившихся образов Ломоносова не отмечен этой чертой. Герцен утверждал²²⁰, что выйдя из народа, Ломоносов «перестал принадлежать к народу». Все основания для упрека имел и Добролюбов²²¹: «Ломоносов сделался ученым, поэтом, профессором, чиновником, дворянином, чем вам угодно, но уж никак не человеком, сочувствующим тому классу народа, из которого вышел он... Действительной жизни он не хотел знать и даже полагал, кажется, что о ней можно говорить не иначе, как низким слогом, которого должен избегать порядочный писатель». То же позднее, в предреволюционной обстановке 1915 года, констатировал Г.В. Плеханов²²²: «..дух личной независимости очень хорошо уживался у Ломоносова с почти полным, — чтобы не сказать просто полным, — равнодушием к основным вопросам общественного устройства ... нужна была такая склонность к обдумыванию важнейших общественных явлений, какой никогда и ни в чем не обнаруживал Ломоносов...он стремился служить России не посредством исправления важных *общественных* «неисправ», а распространением в ней *просвещения* (курсив Г.В. Плеханова)». Революционным деятелям были не интересны личности демонстративно отстранившиеся от нужд народа и замкнувшиеся на собственных интересах. Именно этим, по-видимому, объясняется отсутствие в сочинениях В.И. Ленина хотя бы строчки с упоминанием имени Ломоносова.

Выше были представлены и обсуждены образы Ломоносова, прошедшие через XIX век. Они отражали мнения отдельных лиц, обществ или официальных учреждений. Какой же образ сочло должным представить обществу, завершая столетие, авторитетное и ответственное издание, прославленный «Энциклопедический словарь»²²³? Приведем первые несколько строк: «Ломоносов (Ми-

хаил Васильевич, 1711—1765)— знаменитый поэт и ученый. Он был первым русским, который с полным правом мог стоять наряду с современными ему европейскими учеными, по многочисленности, разнообразию и самобытности научных трудов по физике, химии, металлургии, механике и др... Но Л., по условиям времени, не мог вполне отдаться науке и был преимущественно *замечательным популяризатором естествознания* <курсив мой. В.Н.>. Главная заслуга Л. состоит в обработке русского литературного языка; в этом смысле он был «отцом новой русской литературы».

Две заключительные фразы цитаты отражают взвешенное, без сомнения, многократно обсужденное и выверенное мнение редакционного совета. Мнение, по сути, опять таки повторяло суждение Радищева. К этому времени исследователи установили многие, заимствованные Ломоносовым иностранные источники литературных и научных высказываний. Но нет греха в том, что его слогом, его словом Россия приобщалась к мировым культурным и научным достижениям.

Скажем сразу, что будучи широко известным, мнение редакции никак не отразилось на образе ученого-энциклопедиста. Образ оставался востребованным обществом и временем. Близился 200-летний юбилей со дня рождения Ломоносова (8 ноября 1911 г.).

После 1865 года чередование ломоносовских юбилеев было приурочено к дню его рождения с периодом в 25 лет. 175-летняя годовщина не стала объектом сколь-либо масштабного внимания, 200-летняя — отмечалась с активным участием государства.

В преддверии 300-летия полезно обратиться к расширенному обсуждению полузабытого события.

200-летний юбилей. Образ националиста и проповедника.

Закон Ломоносова

Организационная инициатива юбилея принадлежала Академии наук, Министерству народного просвещения и Церкви при Всевысочайшем внимании.

Ломоносовский юбилей был поднят до уровня национального празднества. В Академии наук были созданы две комиссии: в 1909 г. — по празднованию 200-летия со дня рождения М.В.Ломоносова и в 1910 — комиссия по созданию выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Последняя трудилась под непо-

средственным Высочайшим покровительством Императора, и среди ее участников выделим имена таких светил отечественной науки, как Н.Н. Бекетов, В.И. Вернадский, Б.Б. Голицын, В.И. Ламанский, С.Ф. Ольденбург, Л.И. Соболевский, А.А. Шахматов. Выставка открылась 18 апреля 1912 г. Она стала вершиной мастерства и умения ее организаторов. Богатейшая экспозиция выставки формировалась музеями и архивами обеих столиц и многих провинциальных городов. Посетители залов Академии художеств зримо, почти физически оказывались в России середины XVIII века.

Любопытно формальное признание Академией энциклопедичности юбиляра и вселия его инициатив. В своих объявлениях о готовящемся празднестве она призывает присылать на конкурс работы с оценкой «его трудов в области физики, химии, минералогии, металлургии, географии, статистики, политической экономии, русской истории, филологии и словесности». Лиц, обладающих документами или материальными свидетельствами о причастности Ломоносова к таким событиям, как «основание Московского Университета, Академии Художеств и гимназий в Москве и Казани, начало русской журналистики, русского драматического и оперного театра, основание Морского Корпуса, начало мозаичного дела, издание первой Библии, упорядочение домашнего воспитания и т.д.», просили присылать их в адрес Выставочного комитета²²⁴. О разумном чувстве меры умолчим.

Нельзя не упомянуть, что, дав согласие финансировать выставку, Правительство несколько сгладило недовольство Академии отказом в организации Ломоносовского института. В проекте Академии (1908 г.) намечалось создать в нем три отдела — химический, физический и минералогический²²⁵.

Грандиозные торжества, длительно подготавливаемые в стране, были омрачены убийством П.А. Столыпина (5 сентября 1911 г.) и очередным голодом, охватившим 20 губерний с общим населением 30 миллионов человек (Поволжье, Урал, Западная и Центральная Сибирь). Это был сильнейший голод с приснопамятного 1891 года. Внимание прессы было также отвлечено и на годовщину кончины великого старца Л.Н. Толстого (7 ноября 1910 г.).

Тем не менее, 4-7 ноября газеты извещают о планируемых мероприятиях чествования памяти Ломоносова (литургии и панихиды в учебных заведениях и ученых обществах, посылка депутаций на

торжественное заседание в Академии наук), а девятого ноября – об итогах этих мероприятий. Во всех учебных заведениях занятия были отменены, а обучаемые и обучающие выстаивали службы, выслушивали доклады о Ломоносове. В гимназиях, лицеях, училищах, в том числе духовных, проводились «Юбилейные утра и вечера», где «учащие объясняли детям историю и значение деятельности Ломоносова». К памятникам ученого (в России их было всего четыре²²⁶) в Архангельске и Москве городская власть возложила венки (торжества в университете были перенесены на январь, приурочены к очередной годовщине). В городах открывались музеи Ломоносова, его имя присваивалось училищам и гимназиям, вывешивались мемориальные доски, открывались читальни. Ученые общества, опять же после молебнов, представляли собравшимся лекции ведущих профессоров. Публиковались десятки книг, сотни статей и масса сборников.

Центр празднества, естественно, располагался в столице. Небывалое внимание к юбилею Императорской фамилии должно было утвердить единение Государя и народа в патриотизме и почитании отечественных святынь, в укреплении тех русских духовных сил, что породили гения.

Седьмого ноября в церкви Александро-Невской лавры на совершении заупокойной литургии и панихиды вместе с членами Академии наук присутствовал Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович, президент Академии. Затем многочисленные почитатели, академики и прибывшие депутации возложили венки на могилу Ломоносова.

Следующий день (день юбилея) привлек в залу Дворянского собрания на торжественное заседание Академии наук представителей самых разнородных социальных слоев в редкостном сочетании. Присутствовали минимум девять особ Императорской фамилии, министры, члены законодательных палат, высшие сановники, иерархи церкви, известные ученые, видные военные, делегации учебных заведений, губернских, городских и волостных управлений, научных обществ, различных гражданских союзов. Приглашения на заседание были доступны даже далеко не всем депутатам Государственной Думы, многие присутствующие терпеливо стояли в проходах. Учащаяся молодежь, переполнившая хоры, наблюдала редкую по пестроте картину шитых золотом

мундиров придворных чинов, черных фраков, блеска орденов, ярких орденских лент, сияющих дамских нарядов.

В два часа дня президент Академии наук открыл заседание и зачитал Высочайшую телеграмму: «Присоединяюсь мысленно к чествованию двухсотлетия со дня рождения Ломоносова сегодняшним торжественным собранием академии наук. НИКОЛАЙ». Собравшиеся стоя выслушали всемилостивейшее приветствие Государя. И *молча* сели. Вместо могучего верноподданного «Ура!» и бурных рукоплесканий царский привет был встречен гробовым молчанием. По прочтении телеграммы солистами, хором и оркестром была исполнена юбилейная кантата, написанная почетным членом (ныне Президентом) АН великим князем Константином Романовым²²⁷, положенная на музыку опять же почетным членом обер-гофмейстером Двора А.С. Танеевым.

Затем слово взял профессор Б.Н. Меншуткин, увлекательно изложивший удивительные перипетии биографии Ломоносова и давший подробную оценку его ученым трудам как естествоиспытателя. Заслуги Ломоносова в создании литературного русского языка изложил академик А.П. Соболевский. Академик П.И. Вальден назвал Ломоносова «великим химиком», указав на близкое сходство многих предположений Ломоносова с современным состоянием химии в том виде, как она изложена В.Ф. Оствальдом (Ostwald Wilhelm Friedrich, 1853-1932). После выступления академика В.В. Сиповского, охарактеризовавшего Ломоносова как поэта и провозвестника идей гуманизма, сановная публика, пресытившаяся трехчасовым ученым речитативом, покинула заседание. Ее места в зале тут же заняла молодежь, спустившаяся с хоров.

Началось дефилирование депутатий с вручением адресов. Их было 162 (!!!)²²⁸. При таком обилии депутатий не могло быть и речи о выслушивании их приветствий. Поочередно они подходили к столу, за которым заседала Конференция Академии наук, вручали свои адреса Президенту и удалялись.

В образе «холмогорского мужика» Россия воистину желала утвердить и восславить величие страны. Кавказ, Сибирь, Прибалтика, Польша, Украина, Поволжье, даже Финляндия прислали своих представителей на это торжество.

Ожидались иностранные депутатии, но их не было. Впервые в публичном чествовании памяти Ломоносова приняли участие депутатии женских учебных заведений. Приведем цитату из адреса одной из них: «На заре русского просвещения высится образ

истинного апостола науки... Он стал лучшим выразителем культурной энергии своего народа. ... Московские высшие женские курсы, ... благоговейно преклоняются перед его светлой памятью»²²⁹.

Ветры времени должны были проникнуть в этот зал. Они туда ворвались и привнесли жгущие противоречия текущего дня. Обратимся к отрывкам из высказываний газет «Новое время», «Земщина» (орган Союза «Христианское возрождение») и «Русское знамя» (орган «Союза русского народа»)²³⁰, слив цитаты в единый смысловой ряд и сохраняя лексику: «При прохождении ярко-красных депутатий от лиги образования, университета Шанявского, забастовщиц женского медицинского института, от Литературного фонда, от переполненного жидами психоневрологического института и т.п. раздавался гром аплодисментов. Зато депутатии от таких учреждений, как новороссийский университет, славянское благотворительное Общество, духовные академии и пр., встречены были весьма жидкими рукоплесканиями. Когда же со словом привета вышли представители всероссийского национального клуба, национального союза и Русского собрания, то академики и неакадемические жида встретили их свистом и шиканьем... Академия наук, где заседает еврейский раввин Ольденбург*, обретаеся в плену у инородчины, злобствующей на Русь, инородчины, воинствующей с Русью...».

Вот он, нерв эпохи! И ранее, казалось бы, целостный образ Ломоносова уже дробится, воспринимается с разных позиций, зачастую непримиримых. И вот уже в представлении Союза «Христианское возрождение» и Русского Народного Союза им. Михаила Архангела Ломоносов – это «исторический националист» или «первый русский националист». Союз Русского Народа (лозунг — «Царская воля может осуществляться только при господстве русской народности не только в центральных губерниях, но и на окраинах») видит в образе Ломоносова «ревнителя веры», «воплотившим в себе все лучшее, что вложено Богом в русскую натуру». Так что уже отдельной темой изложения могли бы стать образы,

* С.Ф. Ольденбург (1863-1934), непрременный секретарь АН (1904-1929), востоковед. Происходил из старинного мекленбургского дворянского рода, представители которого переселились в Россию при Петре I.

культивируемые различными политическими течениями, а также и церковью.

Последняя не выразила единого, обязательного для духовных лиц мнения на этот предмет. Из многочисленных личных высказываний упомянем два. Киевская духовная Академия устами одного из своих сочленов нарекла Ломоносова «Апостолом русского просвещения»²³¹. Протоиерей Петр Миртов, в миру П.А. Лавров, не ощущая иронии применительно к персонажу, издал в «Братстве трезвости» брошюру, где провозгласил юбилей национальным праздником русской идеи. И Ломоносов не только националист, но и «сделал идеалы веры идеалами жизни», «его заветы мы должны начертать на своем национальном знамени, - это: «Молись, трудись, учись»²³².

Образ схожего проповедника пронизывает все публикации духовных лиц. Знаменательная дата, великое имя, небывалые масштабы и великолепие празднества взывали к столь же значительному новому открытию в творчестве Ломоносова. И оно было провозглашено профессором Политехнического института Меншуткиным — Ломоносов открыл закон сохранения вещества и энергии.

К торжественному заседанию Академия наук выпустила сборник «Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук», в который профессор Б.Н. Меншуткин, академики Ю.М. Шокальский, В.И. Вернадский и известный профессор-металлург Н.А. Иосса отобрали и дали комментарии к ряду работ Ломоносова. Обсуждая доклад Ломоносова «Рассуждение о твердости и жидкости тел»²³³ Меншуткин заключает: «Первый из двух параграфов Рассуждения о твердости и жидкости тел приведен здесь потому, что он заключает **Ломоносовский закон сохранения вещества и энергии** <выделено мной. В.Н.>».

Ответственность такого заявления вынуждает обсудить его, хотя бы и пространно. Ниже дан текст, содержащий строки, ставшие впоследствии нарицательными. В тексте курсивом выделены фразы, выражающие, по Меншуткину, этот закон:

«§ 4. Еще уступим, что есть в телах подлинная притягательная сила; тогда тело А притягает к себе другое тело В, т.е. движет без всякаго ударения; и для того не надобно, чтобы А приразилось к В, а следовательно нет нужды, чтобы А к В двигалось, но как протчия движения тела А в другия стороны к движению тела В не нужны;

то следует, что А, будучи совершенно без всякого движения, двигает В. И так В получит себе нечто новое, сиречь движение к А, коего прежде в нем не было. Но как *все переменны, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому. Так нежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте; сколько часов положит кто на бдение, столько ж сну отнимет. Сей всеобщей естественной закон простирается и в самыя правила движения: ибо тело, движущее своею силою другое столько-же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает.* Следовательно по сему всеобщему закону движение тела В к телу А сообщается и отъемлется от тела А. Но как ничего отнять не можно, чего где нет: для того необходимо нужно, чтобы тело А было в движении, когда притягивает к себе другое тело В. И посему тело А может быть в движении и стоять совершенно тихо в одно и тоже самое время. Но как сие само между собою прекословно, и спорить против первоначальнаго философскаго основания, что одна и таже вещь в одно время быть и не быть не может; того ради подлинная и бесподозрительная притягательная сила в натуре места не имеет».

Вслед за цитированием выделенных строк и подобной же формулировки Лавуазье, Меншуткин, обороняясь, осторожно заключает: «Можно добавить, что намеки на закон сохранения вещества имеются и у химиков до Ломоносова, но далеко не в столь ясных и уверенных словах, как у него; у философов-же он был давно уже высказан в своей общей форме».

Можно ли в тексте найти притязания Ломоносова на приоритет в открытии закона сохранения? Ни в коем случае. Он был крайне ревнив к своему авторству в науке. Однако, в его «Обзоре важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайла Ломоносов»²³⁴ мы не найдем никакого, ни прямого, ни косвенного упоминания этого закона.

Допустимо согласиться, что Ломоносов удачно высказал на русском языке закон сохранения масс. Напомним слова философа (Анаксагор, V век д.н.э.): «Ничто не рождается и не исчезает, но уже сущее сливается и затем вновь разделяется»²³⁵, и один из «намеков» химиков (1630 г.): «Тяжесть столь неразрывно связана с сущностью частиц материи, что, превращаясь из одной в другую, они всегда сохраняют тот же вес»²³⁶.

Сам текст является фрагментом обсуждения принципа дальнего действия. И среди аргументов Ломоносов использует знакомый ему закон сохранения импульса Декарта (к Декарту Ломоносов обращался неоднократно). Оговорки же о материи и о том «как ничего отнять не можно, чего где нет» лишь свидетельства известности Ломоносову ранних, в том числе философских, высказываний.

Выход сборника и приоритетный доклад в торжественном академическом собрании обогатили образ ученого-энциклопедиста открытием фундаментального физического закона. Каждый русский с удовлетворением воспринял бы приоритет отечества в формулировке закона сохранения. Так что вполне понятно желание Меншуткина поднять к новым научным высотам имя Ломоносова в дни празднеств. Слово было публично произнесено, закон наречен «Ломоносовским», выражение подхвачено и начало жить долгой самостоятельной жизнью до естественной кончины.

В упомянутом выше частном московском университете А.Л. Шанявского с 1911 трудился известный русский физик, восхитивший самого В. Кельвина, легенда при жизни, П.Н. Лебедев. В знак протеста против реакционных действий министра народного просвещения Л.А. Кассо, выразившихся, в частности, в жестоком преследовании студенчества, он, как и ряд других прогрессивных преподавателей, лишь недавно оставил кафедру в Императорском Московском университете. В день юбилея Россия услышала мнение выдающегося ученого о Ломоносове²³⁷. Эта статья – исповедь, открывающая параллели в судьбе Ломоносова и Лебедева. В ней нет помпезности, в ней горькие слова о судьбе русской науки в условиях вечного российского произвола. Именно в этом произволе Лебедев видит «тот ужас положения, в котором находился первый русский ученый-великомученик». Далее безотрадная констатация научной деятельности Ломоносова:

«Всякий, кому приходится знакомится с учеными трудами Ломоносова, не может не подумать с горьким, шемющим чувством, какой огромный талант безследно и бесполезно погиб для науки! Везде: в химии и в минералогии, в физике и в наутике у Ломоносова масса проблесков подчас гениальных мыслей, везде виден тонкий, чуткий наблюдатель, смело и широко ставящий задачи исследования, во многих случаях задачи первостепенной важности... и невольно перед глазами встает во весь огромный рост трагическая фигура ученого, который не мог не чувствовать,

что со всеми своими талантами он не может дать науке и того немногого, что дает ей рядовой ученый на Западе, работающий в нормальных условиях».

Как видим, разнясь во взглядах на причины, мнения Шлецера и Лебедева на итоги научной деятельности Ломоносова удивительно совпадают. Цитируемое, впрочем, никак не отразилось на сложившемся образе.

Ореол ученого-энциклопедиста неукоснительно требовал вразумительного ответа на колкий вопрос, брошенный Пекарским²³⁸: «Предоставляю специалистам, посвятившим себя изучению естествознания, объяснить, почему те же самые диссертации Ломоносова, будучи напечатаны в «Комментариях Петербургской Академии», прошли незамеченными в истории наук, к которым принадлежат по своему содержанию, тогда как попавшие в те же «Комментарии» труды других членов нашего ученого общества, доставили некоторым из них почетную известность в ученом мире, которой они бесспорно пользуются и донныне». Иными словами, Пекарский смиренно настаивал на обоснованном изложении причин малой известности трудов Ломоносова. Под другими членами он подразумевал как русских (Крашенинников, Румовский), так и иностранцев (Браун, Эпинус).

Двадцатью годами позднее тот же очевидный вопрос волновал²³⁹ Н.Н. Булича (1824-1895): «Почему современная европейская наука не воспользовалась его гениальными открытиями? Почему русские ученые, шедшие по одной дороге с Ломоносовым, не обратили внимания на труды его, изучение которых разом дало бы им здравые понятия в науке и избавило бы от тяжелой и ненужной необходимости изучать плохие зады Европы?».

Злободневен вопрос и сейчас, а затронутая тема не позволяет от него уклониться. Немногие решались затронуть этот вопрос. Перечислим ответы. Часть из них апеллирует к внешним обстоятельствам, но не к научной сути трудов.

Г.В. Плеханов пессимистично отвечает²⁴⁰: «Пока выдающиеся люди *отсталой страны* не получают признания *в передовых странах*, они не добьются полного признания и у себя дома. Я ...говорю: так было, так будет. ...Выдающиеся умы, подобно книгам, имеют свою судьбу. И нельзя сказать, что судьба их «куется» ими самими. Она *определяется той ролью, которую играет их родина* в ходе культурного развития человечества (курсив Г.В. Плеханова)».

Мнение не выдерживает критики, ибо тут же требует разьяснения: по каким же причинам коллеги Ломоносова вдруг получили известность за рубежом? Браун, вслед за которым Ломоносов наблюдал замораживание ртути²⁴¹, приобрел в Европе, при жизни, славу первооткрывателя этого явления и многократно цитировался.

В диагнозе причин предельно точен П.Н. Лебедев (см. выше): у Ломоносова «разработка <научных тем> в большинстве случаев только начинается и обрывается на интересном месте исследования». Иными словами – незавершенность работ исключала их представление ученому сообществу, тем более зарубежному. В практике научного общения внимание современников могут привлечь публикации с четко выраженными аргументированными выводами или столь же ясно высказанными обоснованными гипотезами. И только жесткое утверждение становится предметом обсуждения, критики или поддержки. Автору известен у Ломоносова единственный такой случай — модель теплоты. Расплывчатые предположения, утопленные в тексте, тем более написанные не лапидарным научным, а художественным языком, затрудняют восприятие и обречены на забвение. «Масса проблесков подчас гениальных мыслей», по выражению Лебедева, была найдена в архивах Ломоносова, и остается лишь сожалеть об их тщетности. Повторим сказанное ранее: наука безжалостна к покидающим ее даже на время.

Беды первой мировой войны отодвинули на задний план внимание к памятным историческим датам, в том числе и к 150-летию со дня кончины Ломоносова. В Москве ограничились публичной заупокойной литургией и панихидой в Заиконоспасском монастыре и в университете. Здесь же, в газете «Русския ведомости», откликнулся статьей на событие известный историк А.А. Кизеветтер²⁴², а в Петрограде (Санкт-Петербург был переименован 18 августа 1914 г.) — не менее известный публицист В.В. Розанов в газете «Новое время»²⁴³. Образ Ломоносова в духе времени отразил «бездонную даровитость великорусскаго племени», его ярко выраженное «чувство гражданского долга» (Кизеветтер) и образ «крестьянина, разворачивающего могучим плечом и зычным голосом наносную на Русь нечисть». И в этом «суть Ломоносова, в котором мы видим чисто великорусскую породу без всяких общечеловеческих (космополитических) примесей» (Розанов).

В патриотическом возбуждении в том же году товарищество «Леновы» выпустило леденцы «М. В. Ломоносов — первый борец с немцами». Конфеты, вне сомнений, способствовали известности «Холмогорского мужика» не менее детских книжек. Автор сожалеет о невозможности прокомментировать милитаризованный образ Ломоносова — фантики этих конфет найти не удалось. К памятной дате были перепечатаны многие панегирики юбилея 1911 г., но, вместе с тем, появились жесткие, критические публикации с классовых позиций. Напомним о работе Плеханова (см. ранее).

Тогда же, в небольшой книжке²⁴⁴ выразил нелестный взгляд на личность Ломоносова учитель 4-й женской гимназии г. Москвы М.Н. Коваленский (1874-1923). Отдавая должное достижениям Ломоносова в науке, автор отмечает, что энциклопедическая многогранность интересов была одинаково свойственна его знаменитым современникам в Академии наук, и задает вопрос: О каком просветительском патриотизме Ломоносова может идти речь, если он не распространяет его на большую часть населения — крепостных рабов? В том числе и собственных, которых он без стеснения порол, впрочем, как и соседскую прислугу, показавшуюся невежливой. Вопрос, как видим, перекликается с высказываниями революционных демократов Чернышевского и Добролюбова (см. ранее). Сложившийся образ Ломоносова был обогащен чертами крепостника, ранее деликатно не обсуждавшимися.

Наступали новые времена, времена советской власти и социалистической России. Какой же образ был ею востребован?

Образ Ломоносова и советская власть

Волею судеб, первая книга о Ломоносове при советской власти печаталась уже в декабре 1917 года²⁴⁵. Советское правительство, понятно, не имело никакого отношения к этому изданию. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук, утвержденная в переименовании «Российской Академией наук» постановлением Сената, опубликованным в исторический день 25 октября 1917 г.²⁴⁶, просто продолжала свою запланированную деятельность.

Но далее, малочисленная научная и техническая интеллигенция могла наблюдать совершенно неожиданные для текущей обстановки действия этого правительства. Секретарь Совнаркома (привычнее бы Кабинета Министров) и личный секретарь Ленина

Н.П. Горбунов посещает 10 апреля 1918 г. Академию наук и передает от имени Ленина сообщение, что "Советское правительство готово оказывать всемерную помощь работам Академии наук и считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий Академии". Советская власть в ближайшие 2-3 года создаст свыше 50 научно-исследовательских учреждений, среди них Академия сельскохозяйственных наук, ЦАГИ, Нижегородская радиолaborатория, Институт радиологии и рентгенологии, Всесоюзный институт минерального сырья, Институт удобрений, Пищевой институт и многие другие. Большевики не только провозглашают цель "сближать науку и технику с практикой производства", но и их Вождь лично обращается в октябре 1920 г. к шальной от побед в Гражданской войне молодежи с призывом «учиться, учиться и учиться». В стране две трети населения неграмотны.

В страшных условиях Гражданской войны новая власть прикладывает все силы для ликвидации этой беды. Первый «Военный букварь» для взрослых выпущен в 1919 году. Расширенный выпуск букварей для взрослых рабочих и крестьян начат в следующем 1920 году. В это же время выходит из печати первая, сколь известно автору, книжка о Ломоносове²⁴⁷. М.Н. Коваленский переиздал сочинение 1915 года в государственной типографии сразу по приезде в Москву из Екатеринодара, куда был вынужден уехать из-за преследований царской полиции. Там он сотрудничал с большевиками, скрывался от белых, и по освобождении города, был вызван Наркомпросом в столицу²⁴⁸. Школьный учебник истории, написанный им здесь²⁴⁹, выдержал 15 изданий массовыми тиражами.

Годом позднее в Берлине, в издательстве, курируемом М. Горьким, была издана книга о Ломоносове академика В.А. Стеклова²⁵⁰. Неожиданное обращение известного математика, вице-президента Академии наук к теме исторической биографии было, по-видимому, инициировано М. Горьким, который в письме к Ленину от 16 сентября 1920 г. писал: «мною... привлечено к делу популяризации научных знаний около 300 человек лучших ученых России, заказаны, написаны и сданы в печать за границей десятки книг...»²⁵¹.

В вопросе о законе Ломоносова академик солидарен с Меншуткиным, подкрепляет его доводы и расширяет заключение, подчеркнув, что в указанной выше фразе Ломоносов пишет «не о количестве, а о силе движения, т.е. об его энергии; поэтому нельзя

отрицать предположения, что своим всеобщим законом Ломоносов устанавливал... именно то, что разумеют теперь под законом сохранения энергии». Обратим внимание на ключевое словосочетание: «...о силе движения, т.е. об его энергии...». Для истории науки оно знаменательно и часто остается камнем преткновения, ибо за этим «т.е.» должны стоять неоспоримые доводы в пользу идентичности понятий, вложенных в старинные термины, современным понятиям. Примеры своеволия в подобных ситуациях бесконечны.

Во многих мемуарах отмечался небывалый интерес молодежи в эти годы к участию в театрализованных постановках и самодеятельных спектаклях. Естественно, что Русское Театральное Общество не могло остаться в стороне. Но, несомненно, не случайно появление в калейдоскопе тем и сюжетов пьесы Э.Э. Матерна «Сын рыбака (М.В. Ломоносов)»²⁵². Пьеса была рекомендована Школьной Секцией Театрального Отдела Наркомпроса для постановки на сценах самодеятельных и профессиональных театров, но, кроме того, Мастерская Коммунистической драматургии признала желательной постановку этой пьесы в школьных спектаклях. Автор стремился «дать в драматической форме по возможности правдиво картину жизни М.В. Ломоносова в Денисовке и ухода его из родного дома в Москву».

Приведенные примеры – труды историка, ученого и драматурга – свидетельствуют о молчаливом согласии авторов и официального учреждения (Наркомпроса) с образом Ломоносова в его ипостаси 200-летнего юбилея.

Однако частного мнения конкретных лиц или даже отдельных учреждений далеко недостаточно в условиях новой власти для признания Личности исторически значимой и приемлемой фигурой. «Певец царей и их любимец» нес с собой массу черт, чуждых победившему пролетариату. Необходимо было политическое решение или хотя бы невысказанное (безмолвное) одобрение на высшем уровне. И такое решение должно было принять при подготовке празднеств 200-летней годовщины Академии наук в сентябре 1925 г.

Вице-президент Академии наук В.А.Стеклов "воспользовался мыслью о предстоящем 200-летнем юбилее РАН» и обратился по инстанции в Комитет по науке Наркомпроса РСФСР (ему подчинялась Академия) с предложением широкой программы празднования юбилея в международном масштабе с приглашением иностранных ученых, доказывая как научное, так и политическое зна-

чение такого празднества²⁵³. Идея воспринята, и юбилею²⁵⁴ придано государственное значение как мероприятию всесоюзного масштаба.

Накануне юбилея, 27 июля 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР". Отныне Академия наук из республиканского стала высшим всесоюзным научным учреждением, состоящим при Совнаркоме СССР, и получила наименование: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

С 5 по 10 сентября торжества проводились в Ленинграде, с 11 по 14 – в Москве. Юбилей отмечался как грандиозный праздник общенациональной значимости, небывалый во всей истории Академии по своим масштабам и торжественности. В нем участвовали высшие руководители страны, в том числе и председатель ВЦИК М. И. Калинин. На заводах и фабриках происходили торжественные митинги и собрания. Было получено 1500 приветственных адресов, писем и телеграмм. В юбилейных торжествах участвовали 1000 советских и 98 иностранных гостей, из них 23 немца, в том числе Макс Планк.

Исторический юбилей — это обращение и к истокам, и к потомкам. Кинофабрики «Севзапкино» и «Межрабпом» снимают картину всех торжеств. В картину входят и исторические эпизоды из жизни Академии. Поэтому на фон исторического доклада академика С.Ф. Ольденбурга накладываются различные моменты двухвечерной жизни Академии:

- 1) Петр I подписывает указ;
- 2) Блюментрост (первый президент) отправляется на шестерке лошадей за границу приглашать иностранных ученых;
- 3) Ломоносов за работой в своем кабинете... и т.д.

Исторический юбилей — это еще и живая связь времен. На торжества приглашена и присутствует вместе с отцом 13-летняя пионерка Нина Михайловна Быкова, — праправнучка Ломоносова по женской линии²⁵⁵. Газеты «Правда», «Известия», «Рабочая Москва», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда» и другие ведут репортажи о подготовке и проведении мероприятий с 1 по 15 сентября.

Официоз страны, печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» в день открытия торжеств 5-го сентября посвятила событию передовицу и целую полосу²⁵⁶. В центре полосы размещались портреты

Блюментроста, Ломоносова, руководителей АН — президента Карпинского, вице-президента Стеклова, неперменного секретаря Ольденбурга — и академика Павлова. Сопутствующие статьи академиков подтверждали преемственность наследия и готовность сотрудничать в новых условиях. Здесь же (стр. 4) поэт И. Молчанов взывал к памяти Ломоносова:

.....
Пропали цари, короли и бояре,
Ушли, как уходят весною снега,
С наукою в ногу идет пролетарий,
С наукою в ногу ведет мужика.

Ты видишь, Михайло, как шаг их уверен,
Ты слышишь, как мчатся лихие года,
В науку для нас не закроются двери,
Наука от нас не уйдет никогда.

Мы любим сгорать на работе упорной,
Мешая по горну и плавень и шлак,
**Но знаем, для нас не бывает зазорным,
Под тридцать и сорок шагать на рабфак.**

В четверостишиях (сравни с некрасовскими строками) совсем иные ценности – не личная карьера, а личное совершенство. Только это качество извлекается из Ломоносовского жития. В строфах провозглашается близость образа к лозунгу «Наука и труд», к насущным проблемам времени – просвещению народных трудящихся масс.

В следующем номере²⁵⁷ с ёмкой статьей «Академик Михайло Ломоносов» (огромный «подвал») выступил Л. Сосновский, старый большевик, один из основателей газеты. Итогом исторического экскурса в статье стала четко сформулированная программа использования образа для воспитания и просвещения рабочей молодежи (выразительность цитаты оправдывает её объем):

«Третий век академии будет ... первым веком ... сближения науки с народными массами. Массы поймут значение науки и её твердыни — Академии, массы не только поймут, но и полюбят науку как лучшего своего друга и помощника. Надо им помочь понять, и, пожалуй, восчувствовать творческую мощь и красоту науки. И я не знаю для этой цели лучшего способа как познакомить

массы с обликом академика Михайлы Ломоносова и сказать им: «... изучайте жизнь и труды великого революционера науки Ломоносова». Легко сказать «изучайте». Где у нас популярные книжки о Ломоносове? Кто их написал, кто их издал для народа? В этом непростительный грех как самой Академии, так и Госиздата и Ленгиза и многих других. На нынешнем празднестве Ломоносов должен был стать знаменем. ...Миллионы юношей из рабочей и крестьянской среды должны зажечься тем самым пламенем, каким горел Ломоносов. Пусть каждый желторотый юнец в городе и деревне растет с ощущением, что, может быть, и он станет в какой-то мере Ломоносовым. Ломоносов в XVIII веке был чудом. Ломоносовы в нашу эпоху станут явлением массовым.... он показал нам образ настоящего ученого и академика.... Ломоносов нам дорог как образец ученого, который был проникнут желанием немедленно применить каждое завоевание науки для удовлетворения потребности народа.... начинается совсем новая эра для Академии наук. Ломоносовская эра. Не чудесным исключением, а всеобщим правилом явится теперь ученый крестьянин и рабочий. Надо поднять в народе знакомство с обликом великого ученого Михаила Ломоносова....

Пусть станет всему миру ясно, что Ломоносов ошибался, когда полагал, что вместе с ним погибнут все его полезные намерения. Наоборот, восставший победоносный народ только теперь и может осуществить его намерения. В каждой школьной книжке должен быть рассказ о жизни и трудах Ломоносова. Ежегодно должен быть в какой-то подходящий день учрежден праздник науки, где самое увлекательное зажигающее слово было бы о Ломоносове. Следовало бы учредить особый Ломоносовский фонд для поощрения выдающихся по способностям крестьянских и рабочих юношей, ежегодные премии за научные и литературные труды для начинающих ученых и литераторов из народных низов. И многое в том же роде. Имя Ломоносова должно стать, и станет глубоким символом народного возрождения, победы народа над мраком прошлого.... еще дружнее и увереннее прозвучат за стенами Академии голоса несметных тысяч завтрашних Ломоносовых, для которых подготовляли почву прошлые и нынешние поколения ученых и борцов. Вечная слава бессмертному академику Михайле Ломоносову!»

Эти общие замыслы подтверждает и А.В. Луначарский: в Академию вольются «новые силы новых Ломоносовых, которых поро-

дят нам фабрики и деревня»²⁵⁸. И как слияние нового и прошлого звучит призыв:

«Наука и пролетариат – сим победиши!»

Обратим, однако, внимание на акценты — «культ Ломоносова» и «немедленно применить каждое завоевание науки для удовлетворения потребности народа», т.е. на требование прикладной ценности науки и внедрение результатов исследований. И то и другое вскоре будет выдвинуто на передний план.

К торжествам вышли в свет две юбилейные почтовые марки (худ. Н. Алексеев по картине Л.С. Миропольского «Портрет Ломоносова». Холст, масло 1787 г.) ценой 3 (тираж 1 млн. экземпляров) и 15 коп. (тираж 750 т. экземпляров).

Миллионы людей узнали о существовании Академии наук и впервые увидели этот портрет. Вполне закономерно изображение на марках портрета первого русского ученого. Вопрос вызывает размещение этого портрета — он вознесен над зданием Академии наук и подавляет его. Следует ли здесь увидеть некий символ официального воззрения на историю АН XVIII века, или мы имеем дело с чистой случайностью? Призыв к «культу Ломоносова» в его графическом воплощении? Удивительные совпадения преподносит история!

В период торжеств многие ученые, в том числе и академики, выступили в прессе с оценками роли Ломоносова близкими к данным в статье Сосновского. К примеру, любопытное заключение (не будем считать его конъюнктурным) сделал академик П.П. Лазарев: «Поучительность судьбы Ломоносова заключается в необходимости создания научных школ для преемственного развития науки... В настоящее время такая коллективная работа выражается в трудах

институтов, на развитие которых и должно быть направлено внимание...правительства»²⁵⁹.

Одновременно, в академическом журнале «Природа»²⁶⁰ два десятка авторов развернули целостное историческое полотно деятельности Академии за 200 лет применительно к различным областям науки. Единая картина показала, естественно, частную и достойную, но скромную, роль Ломоносова в развитии этого учреждения. Авторы опирались на документальный массив, руководствовались научной этикой и совершенно объективно изложили значение «пришлых немцев» для истории отечественной науки, не стесняясь благожелательных эпитетов.

Различие подходов к образу Ломоносова стало явным, и с этого момента началось усугубляющееся расхождение во взглядах на историю академии.

Нельзя не охарактеризовать фон, на котором звучали высказанные оптимистичные призывы. За день до начала торжеств было опубликовано постановление Президиума ВЦИК о введении в РСФСР всеобщего **начального** обучения, с планированием ввести его как **обязательное** не позже 1933-34 года²⁶¹. В столице же Наркомпрос считал возможным ввести обязательное начальное обучение с 1927 года, требуя «расширить работу по ликвидации неграмотности и увеличению сети ликпунктов, которые обеспечили бы ликвидацию неграмотности к десятилетию Октябрьской революции на 100 проц.» и одновременно запрашивая в правительстве средства на борьбу с беспризорностью²⁶². Нищая страна еще не могла напечатать хотя бы один букварь на двоих и найти тысячи изб для школ.

Такова была щемящая сердце реальность. И, тем не менее, читатель сам может свидетельствовать исполнение в дальнейшем всех призывов статьи Л. Сосновского.

Образ сохранил преемственность и при кардинальной смене партийного руководства. В 1926 г. были сняты со своих постов председатели Моссовета Л.Б. Каменев (1883–1936) и Ленсовета Г.Е. Зиновьев (1883–1936), курировавшие организацию и проведение юбилея Академии и неоднократно выступавшие перед гостями с речами (см. упомянутые газеты) о перспективах развития страны и науки в ней. С.М. Киров (1886–1934), возглавивший Ленинградский горком, в январе 1932 г. цитировал²⁶³ Ломоносова в офици-

альном выступлении при обсуждении планируемой деятельности научных учреждений.

В эти же годы образ Ломоносова вошел в советскую художественную и научно-художественную литературу с книгами Г. Шторма²⁶⁴.

Третьего мая 1931 г. французская газета «Dernières Nouvelles» опубликовала сообщение из Москвы: «Академия Наук высказала пожелание потребовать изменения названия Земли Франца-Иосифа с тем, чтобы отныне ее именовали Землей Михаила Ломоносова. Льды полюса, сберегающего свою часть всемирных тайнств, привлекают внимание мира, а он родился неподалеку от этих островов». В Кремле инициатива поддержки не нашла, но сообщение заинтриговало маркиза де Люр-Салюса (marquis Pierre de Lur-Saluces), представителя старинной семьи производителей дорогих вин. Маркиз написал весьма доброжелательную книгу²⁶⁵, в которой изложил биографию Ломоносова, донеся до французов образ, сформированный юбилеями 1865 и 1911 годов. В книге приведена масса переводов стихов Ломоносова на французский язык, а также даны ссылки на немногие его упоминания в европейской печати.

Итак, Советская власть приняла образ ученого-энциклопедиста. Ценность отдельных черт образа была уже несколько смещена. Исторически объективно XVIII век характеризовался уже совершенно по иному — как эпоха «растущей буржуазии»²⁶⁶, эпоха «зарождения промышленного капитализма»²⁶⁷. В духе времени, но излишне категорично, Ломоносов провозглашался «трибуном молодой русской буржуазии, деятельнейшим участником буржуазного развития и выразителем его задач»²⁶⁸.

В крестьянской стране, в свете провозглашенной программы, крайне выигрышным было происхождение Ломоносова. Эта грань образа — «крестьянин-академик»²⁶⁹, «крестьянин-ученый, ученый мужик»²⁷⁰ стала сильнейшим и действенным аргументом для призыва в науку сельской молодежи.

Академический юбилей бросил призыв к мобилизации образа Ломоносова и положил начало государственной деятельности по укоренению образа в сознании людей. Образ рассматривался властью не как субъект удивления современников и восхищения потомков, а как рабочий инструмент пропаганды для подъема интеллектуального потенциала страны, т.е. для взращивания тех самых Ломоносовых, о которых он сам и писал.

Две трети неграмотного населения могли воспринять лишь черно-белый, контрастный образ, без всяких полутонов (к 1927 году число грамотных увеличилось лишь на 10 миллионов). Доступность в восприятии и, соответственно, полезность массового воздействия образа оправдывали его некое обеднение, некую схематичность и изменение акцентов. Уже в начале тридцатых годов был опущен классовый критерий. Образ был вычищен от религиозности, крепостничества, верноподданнических чувств, в нем оставлены патриотизм, гуманизм, стремление к просвещению народа и, естественно, бойцовские качества. Каноническими стали борения образа с иностранным засильем и косностью царской бюрократии, каноническими стали и причины малой эффективности образа в науке, обусловленные этой малоуспешной борьбой. Сказанное на многие десятилетия определило колорит образа в советской научной и художественной литературе, в советских исследованиях биографии Ломоносова.

Академическая историческая наука оказалась поставленной в условия, когда известный миллионам образ, да и история науки в XVIII веке, не мог быть существенно изменен по вновь найденным фактам. Любые факты были обязаны украшать канонический образ. То же самое было с другими избранными фигурами.

Страна жила в условиях осажденной крепости, нужны были понятные, яркие герои, государственники и, самое главное, победители. Государство было ориентировано на победу, ему были нужны такие примеры, и оно искало их в истории. На авансцену была выведена столь же опрошенная череда победоносных политиков и полководцев — Александр Невский, Минин и Пожарский, Петр I, Суворов, Кутузов. Ломоносов олицетворял русские победы в науке.

Оправдались ли эти, очередные в истории, манипуляции с образом? Безусловно!

В стране изменилось главное — общественный взгляд на Труд. Стремление к знаниям уже не было отвлеченным. Оно подавалось как органически необходимая компонента квалифицированного труда, высшей ступенью которого является наука. И для всех трех ступеней образ Ломоносова был оптимален. Имя Ломоносова буквально тащило детей из семей рабочих и крестьян к знаниям и в доселе неведомую их родителям сферу деятельности — науку. Н.К. Крупская неоднократно обращалась в своих выступлениях к этому имени, требуя помочь юношам, которые при

Советской власти, следуя известному историческому примеру, наугад заявлялись из деревень учиться в города²⁷¹.

В русле общего развития культуры Советской страны имя Ломоносова занимает особое место. Это имя и образ изначально были донесены до КАЖДОГО ребенка, до КАЖДОГО школьника и жителя. Фантастические тиражи школьных хрестоматий, портреты на тетрадях, дневниках и открытках, художественная и научно-популярная литература, театральные постановки, и, наконец, черная тарелка проводной радиотрансляции (см. например, сценарий²⁷²) несли детям его пример. С образом Ломоносова были выращены поколения. И почему-то большинству людей из этих поколений пришелся по сердцу закрепившийся в памяти именно образ подростка, убегающего из дома учиться в Москву. Одними из первых шагов социалистического государства были меры по развитию национальных культур. По примеру России в республиках подняли имена своих Ломоносовых, своих подвижников, деятелей просвещения, науки и культуры.

Призыв крылатой фразы «о сбережении народа» впервые в истории страны нашел отклик при советской власти: ликвидация беспризорности, бесплатное медицинское обслуживание, профилактическая медицина, медицинское просвещение, психологическое обезболивание родов, восхитившее папу Пия XII, — все это освящалось именем Ломоносова, также как и Севморпуть и освоение Сибири.

Перед войной тысячи возведенных за годы пятилеток заводов и фабрик, сотни научно-исследовательских институтов и КБ были обеспечены отечественными высококвалифицированными кадрами — рабочими, инженерами, учеными. И мы не можем отрицать, что в том имела место опосредованная заслуга образа Ломоносова.

Юбилейные торжества по случаю 225-летия со дня рождения Ломоносова (1936 г.) носили весьма умеренный характер сравнительно с ранее описанными. Газета «Правда»²⁷³ на фоне репортажей о боях в Испании дала передовицу «Гениальный сын великого РУССКОГО народа» *<выделено мной. В.Н.>* и предоставила третью полосу подобающим статьям писателя, академика и профессоров. Газета «Известия»²⁷⁴ также на фоне репортажей о боях в Испании дала передовицу «Сын великого РУССКОГО народа» *<выделено мною. В.Н.>* и также предоставила третью полосу подобающим статьям писателя, академика и профессоров. Президиум АН СССР и МГУ, тогда еще имени М.Н. Покровского, провели торжествен-

ное заседание в Доме ученых. Именно на этом заседании было предложено присвоить МГУ имя Ломоносова. Доклады заседания были опубликованы, и на авансцене Ломоносовской темы появилось²⁷⁵ имя академика С.И. Вавилова (1891-1951), будущего Президента АН СССР (1945–1951).

Заголовки передовиц знаменовали поворот государственной идеологии в сторону возрождения русского национального самосознания. На горизонте была война. Передовица «Правды» в соседних абзацах упоминала Ленина, Сталина и Ломоносова. На следующий год, год Пушкинского юбилея, передовица «Правды» назвала поэта «великим РУССКИМ поэтом» *<выделено мной. В.Н.>*. Поворот свершился!

Вспомните, читатель, мнения, высказанные за 170 лет до того, мнения поддержанные немкой на русском троне!

Первый эпитет в заголовке передовицы «Правды» стал приказом как для ломоносоведов, так и всех затрагивающих эту тему, и в дальнейшем неукоснительно исполнялся.

Тема образов Ломоносова не будет полна без упоминания отношения к нему русской ученой эмиграции. Развеванные по миру, теряя в ассимиляции детей, они верили: *«Почитание народных героев является одним из лучших способов поддержания национального достоинства»*²⁷⁶ и бережно отмечали исторические события ныне чужой страны.

Великая Отечественная Война. Победа. Разоренная страна. Всем забывшим следует напомнить, каким трагизмом дышало время. Американский империализм люто ненавидел Страну Советов, победившую фашизм. Советскому руководству было известно о разработке в течение 1945-1949 годов десятка планов атомной бомбардировки страны от «Totality» (1945 г., 20 бомб по 20 городам) до «Drop Shot» (1949 г., 300 бомб по 200 городам). Общая разруха усугубилась засухами 1946 и 1947 годов, павшими на поля, обильно усеянные минами, бомбами и снарядами. Все усилия советской власти наладить экономические отношения с капиталистическим миром были им отвергнуты. Победившей стране изощренно предлагали капитуляцию в красивой обертке «Плана Маршала».

Восстановление страны должно было происходить в условиях мировой экономической изоляции при беспрецедентном отвлечении сил на атомный проект. Страна могла опираться только на собственные силы. Главной задачей пропаганды стала мобилизация

общества на новые трудовые, а может быть и новые военные, подвиги. Подвиги — это не дань патетике, это объективная характеристика свершений народа. Любые сомнения в трудовой победе, поиски любых оправданий, в том числе и сравнением с состоянием дел за рубежом, должны были быть исключены. Отсюда обращение к историческим примерам приоритета отечественных талантов, которые даже при царском гнете смогли дать миру великие изобретения, заимствованные неблагодарным Западом. Советский человек уверенно приумножит достижения славных предшественников.

Логика убедительна и проста — Советская Россия (СССР) не только самостоятельно справится с военной разрухой, но и на равных будет говорить с новым, заокеанским врагом. А сейчас, дабы отвлечь колебания и растерянность, никакого преклонения перед иностранщиной. Именно в этом состояли глубинные причины кампании по борьбе с космополитизмом. И опять (напомним о П.А. Плавильщикове, 1792 г.) была поднята, как знамя, вера в русский гений.

Отдельно вопрос о детях. Дети войны познали все ее ужасы в зоне боевых действий, и все беды в тылу. В их кратких биографиях стал привычным мир страха и лишений. Страна должна была дать им возможность увидеть еще неизвестный им мир увлекательного творческого труда, открыть подросткам незнакомые области человеческой деятельности. Имя Ломоносова дети впервые встречали на страницах хрестоматии для младших классов. Но и в тяжелые военные годы печатались большими тиражами книги о нем²⁷⁷.

За несколько месяцев до Победы была понята необходимость новой формы приобщения подростков к проблемам науки и техники, через их отечественную историю.

Своей лекцией «Ломоносов и русская наука» академик С.И. Вавилов открыл 29 марта 1945 г. в Москве провозглашенную серию «Ломоносовские чтения». Открытие «Чтений» было проведено по совместному решению ЦК ВЛКСМ и президиума АН СССР. Кругозору и профессиональной подготовке будущих создателей сверхдержавы уделялось самое серьезное внимание. К руководству «Чтениями» были привлечены также нарком просвещения РСФСР, председатель Союза Советских писателей и начальник Главного управления трудовых резервов.

«Ломоносовские чтения» имели своей целью увековечение памяти М.В. Ломоносова, широкое ознакомление учащейся советской

молодежи с его научной и общественной деятельностью, с текущим состоянием и важнейшими проблемами естественных, технических и общественных наук. «Чтения» включали два цикла лекций, ориентированных, во-первых, на учащихся старших классов средней школы и, во-вторых, на учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО (фабрично-заводское обучение). Первым предлагались следующие темы:

1. Ломоносов и русская наука;
2. Ломоносов и русская геология, горное дело и металлургия;
3. Ломоносов и русская химия;
4. Ломоносов и русская литература;
5. Ломоносов и Северный морской путь;
6. Ломоносов в истории русской культуры;
7. Великий русский математик Лобачевский;
8. Периодическая система Менделеева;
9. Выдающиеся русские биологи Тимирязев и Мичурин;
10. Великие русские физиологи Сеченов и Павлов.

Второй категории учащихся предлагались темы:

1. Ломоносов – великий русский ученый;
2. Ломоносов и развитие русской металлургии;
3. Ломоносов и русская культура;
4. Ломоносов и его учение о физике и химии;
5. Ломоносов и Северный морской путь;
6. Ползунов – первый изобретатель паровой машины;
7. Черепанов – русский изобретатель паровоза;
8. Петров и Яблочков – первые русские электротехники;
9. Русский изобретатель и конструктор Кулибин;
10. А.С. Попов – изобретатель радио.

Лекции читались академиками и членкорами АН СССР, печатались и распространялись многотысячными тиражами. Приведем две из первых фраз лекции Вавилова²⁷⁸:

«...Еще при жизни Ломоносова образ его засиял для русских современников особым светом осуществившейся надежды на силу национального гения. Дела его впервые решительным образом опровергли мнение заезжих иностранцев и отечественных скептиков о неохоте, и даже неспособности русских к науке».

Обратим внимание на доминирование слова «русский» в названиях лекций, на уверенность в «национальном гении» и напомним о переключке этих выражений с цитированными мнениями

XVIII века. Образ Ломоносова опять призван в тяжелые для страны годы. Но здесь он совсем другой, здесь он «вождь», как о том писал Радищев. И за вождем, на поддержку «русского национального гения» следуют уже не только «Кулибин и Тверский Механик Собакин суть два чуда в механике», а сплоченная когорта заслуженных русских имен.

В 1946 году АН СССР возобновляет выпуск книги «Ломоносов. Сборник статей и материалов», которая становится продолжающимся изданием. Весной 1947 г. в школы поступает хрестоматия для старших школьников «Рассказы о науке и ее творцах»²⁷⁹, написанная в годы войны. Ее открывает портрет Ломоносова с вечно живым призывом:

Дерзайте ныне ободрены,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Издатели книги выражали надежду на пробуждение у молодого читателя интереса к углубленному изучению той или иной области знаний, к выбору им жизненного пути в науке. Автор свидетельствует, что эта цель в значительной мере была достигнута. Применительно к русским, советским ученым в книге рядом с Ломоносовым поставлены имена XX века – Менделеев, Лебедев, Жуковский, Чаплыгин, Циолковский, Тимирязев, Мичурин и т.д. В тексте впервые появляется знаковое впоследствии словосочетание «физик-теоретик» (Л.Д. Ландау). Оба издания книги знакомили школьников и учащихся ремесленных училищ с новыми сферами деятельности, с новыми требованиями к новому, неизвестному еще труду.

Тогда же, по инициативе Президента АН СССР С.И. Вавилова создается «Общество по распространению политических и научных знаний» (с 1963 г. общество «Знание»). Пропаганда отечественных научно-технических достижений получает новый импульс. Лекторы общества приходят в школьные классы, аудитории Вузов и техникумов, на стройки, в цеха заводов и фабрик (лекции читались во время обеденных перерывов). Направленность циклов однозначна – «Россия – родина величайших изобретений», «Приоритет русских и советских ученых в науке и технике». Лекции издавались тиражами в десятки тысяч экземпляров. Тем же целям был подчинен кинематограф, выпустивший художественные фильмы

«Мичурин» (1948 г.), «Академик Иван Павлов» (1949 г.), «Александр Попов» (1949 г.), «Жуковский» (1950 г.), «Михайло Ломоносов» (1955 г.).

В эти же годы разворачивается широчайшее, охватившее миллионы людей, движение изобретателей и рационализаторов. Лучшие из них награждались Сталинскими премиями. Власть пробуждала творческую инициативу народа самыми различными способами, что, вне сомнений, способствовало ускоренному восстановлению страны и подготовке технологического прорыва в ближайшем будущем. Период 1945-1957 годов следует отнести к эффективнейшему использованию образа Ломоносова в истории страны.

Массированная пропаганда указанной направленности, в общем и целом, следовала в русле категорий и приемов, использованных в Ломоносовских юбилеях 1865 и 1911 годов. Отличие состояло только в том, что эти приемы были распространены на многих русских ученых XIX и XX веков. Несдержанная старательность из лучших побуждений при столь масштабном охвате личностей должна была привести и привела к гротеску: единственно Россия одарила прогрессом человечество. Дошлые остроумцы едко высказывались, что Россия, безусловно, и родина слонов. Однако перелест угас в считанные годы, и можно еще поспорить, следует ли его отнести к издержкам пропаганды.

С первых послевоенных лет АН СССР начала подготовку академического полного собрания сочинений Ломоносова. Последнее, девятое (и второе научное) восьмитомное (1891–1948 гг.) издание не удовлетворяло минимальным требованиям к публикации столь значимых трудов. Советское правительство поддержало дорогостоящую инициативу.

Непреходящая честь и хвала коллективу составителей и редакторов (гл. редактор С.И. Вавилов), проделавшему воистину гигантскую работу по комплектации этого издания. Читателю впервые стали доступны более 240 рукописей научных трудов и писем Ломоносова. Все работы, написанные на латинском языке, были даны и в русском переводе. Несмотря на высказываемые пожелания, переводчики остались верны научной этике и достаточно точно передали смысл текстов Ломоносова. Составители ввели в комментарии к текстам целый пласт малоизвестных событий, массу источников, ожививших большую группу имен. Мнения составителей о событиях и личностях отражены в емких комментариях. Последние изобилуют ссылками на документы оппонентов Ломоносова. Сужде-

ния, высказываемые в комментариях, безусловно, несут отпечаток времени. В то же время достоверное представление трудов Ломоносова в совокупности с арсеналом ссылок позволяет исследователям обосновать собственный взгляд на давнюю историю отечественной науки.

Десять томов собрания сочинений объемом 25–30 п.л. были подготовлены и напечатаны в кратчайшие сроки (1950–1957 гг.). Справочный, 11-й том увидел свет в 1983 г.

Повторим, интервал 1945–1957 гг. стал венцом востребованности образа Ломоносова Советской властью. В силу вызовов времени образ ученого-энциклопедиста претерпел некоторую коррекцию. Как и ранее «Ломоносов выступает одним из гениальных основоположников научного атомизма и кинетической теории материи, автором единого всеобщего закона природы – закона сохранения материи и энергии»²⁸⁰, но с любопытным дополнением: он – «основоположник русского естествознания» (наука приобретает национальную окраску) с проникновением Ломоносовской мысли в труды А.М. Бутлерова (1828–1885), Е.С. Федорова (1853–1919) и Д.И. Менделеева (1834–1907)²⁸¹. Обстоятельства, тяжелейшие для страны, объясняют не только такие чрезмерные оценки, но и позволяют понять причины, определяющие любые сомнения как «антинациональные взгляды врагов русской науки, замалчивающих и умаляющих труды русских ученых». Президент АН СССР С.И. Вавилов названные крайности стремился пресекать²⁸². Как и век назад, воспитательное значение образа Ломоносова оправдывало и оправдало подобное освещение его Личности, его веры в таланты русского народа, его страсти к науке, к преобразованию своей Родины. Образ исчерпывающе убедительно исполнил свою роль по внесению науки в жизненные ценности послевоенной молодежи, по привлечению ее внимания к новым прорывам науки и новым кумирам.

Рубеж 50-х годов отмечен первыми шагами научно-технической революции. И имена великих ученых XX века постепенно и закономерно заслонили фигуру Ломоносова. Ниши, ранее занятые его образом (воспитание, образование, патриотизм и т.д.) заполнились личностями советской эпохи, личностями близкими и понятными в своем поведении. Новые кумиры по праву сменили его во всех ипостасях. Обращение к его образу перешло в катего-

рию церемониального уважения истории, в область неизбежного официального ритуала. Да и не могло быть иначе.

Сопоставим некоторые даты. В 1957 выходит в свет X том ПСС Ломоносова. Тогда же на орбиту выводится первый искусственный спутник Земли. Достижение эпохально, образ таинственного Генерального конструктора занимает умы планеты.

Год 1961-й, 250-летие со дня рождения Ломоносова. Юбилейная дата, единственная в списке подобных торжеств, не омраченная какими-либо общенародными несчастьями. За полгода до события в стране Ломоносова русский человек, коммунист Ю.А. Гагарин впервые в истории человечества облетел планету на космическом корабле. Через четыре месяца другой русский человек Г.С. Титов пребывает сутки в ближнем космосе. Это ли не исполнение чаяний великого помора? В юбилейных торжествах три имени сводятся в выступлениях²⁸³, но в триумфе живых героев блекнет и исчезает историческая связующая нить. Торжества с должной помпой проводятся в АН СССР и вузах страны. Поток статей об ученом — энциклопедисте выливается на страницы газет, журналов и брошюр. Среди новых «бесценных находок» вклад Ломоносова в метеорологию²⁸⁴, в область печной теплотехники²⁸⁵, вопросы государства и права²⁸⁶ и астрофизики²⁸⁷. Ничего кроме иронии, добродушной и снисходительной, эти потуги вызвать уже не могли. Огромный слой гуманитарной и технической интеллигенции, возвращенный, в том числе и на примере Ломоносова, уже имел все основания не воспринимать столь прямолинейную пропаганду. В каждый дом вошли властители дум уже другого времени — космонавты и молодые физики из фильма «Девять дней одного года». Фильм появился на экранах кино и телевидения в том же 1961 году, став воистину культовым, определившим судьбы едва ли не миллионов молодых людей.

Автор далек от мистики, но не может не задаться вопросом: почему рука провидения именно на год юбилея отнесла и космические полеты, и появление фильма-знамени?

В последующие два десятилетия научно-техническая революция достигла апогея в нашей стране. Возникали десятки отраслей промышленности, открывались Наукограды, по новым производственным направлениям создавались сотни НИИ, КБ и вузов

На этой волне открывались и музейные комнаты Ломоносова, возводились многочисленные памятники, его имя присваивалось

вузам, школам, библиотекам. С 1967 года АН СССР присуждает Большую золотую медаль имени М. В. Ломоносова ежегодно (а не раз в три года) советскому и зарубежному ученому за выдающиеся работы в области естественных и гуманитарных наук. Имя увековечивается на земном глобусе: экваториальное «Ломоносово течение» и подводный вулкан у Азорских островов в Атлантике, подводный «Хребет Ломоносова» в Ледовитом океане, возвышенность Ломоносова на острове Западный Шпицберген. Напомним о предложении АН СССР еще в 1930 г. переименовать Землю Франца-Иосифа в Землю Ломоносова.

В эти же годы существенно расширились возможности историков науки. Многие архивы стали не только доступны, но и были существенно упорядочены в части их описания. В научный оборот начали вводиться материалы, полученные в зарубежных архивах и библиотеках. Новая документированная информация о Ломоносове и его коллегах в очередной раз скорректировала образ Ломоносова применительно к сферам представления образа.

В популярной, в том числе детской, и художественной литературе, в теле- и кинопостановках, в юбилейных статьях и выступлениях все так же сохранялись черты перечисленных выше образов с дежурной демонизацией врагов. Во взглядах же историков науки начал складываться образ реальной Личности, о которой ранее писали Билярский и Пекарский. Партийная точка зрения, оправданная прежде, теряла актуальность в свете новых героев, и уже не действовала гипнотически. Плоский, схематичный, контрастный образ, порожденный обстоятельствами 20-х–30-х годов и навязанный историкам, неспешно уходил из профессиональной литературы. Вместе с ним уходили образы врагов, исчезали мотивы злокозненных происков и выявлялись объективные мотивы, высокие ли, земные ли, поступков Ломоносова. Становилась понятной логика этих поступков, и уже живая, из плоти и крови фигура человека органически, непротиворечиво вписывалась в мир России XVIII века. И суждения о Личности следовали по внутренней логике документированных фактов, без пietetа перед собственными заявлениями великого помора. Расхождения во взглядах со временем усиливались. Но образы существовали в совершенно разных пространствах, ориентировались на различные аудитории и не мешали друг другу. Каждая из категорий авторов была удовлетворена, взаимных пре-

тензий не существовало из-за разнесения сфер, а общая польза была очевидна.

Поначалу подобные мнения высказывались в статьях, посвященных персоналиям современников Ломоносова. Постепенно взаимоотношения с ним становились главным стержнем работ. Так складывался образ Ломоносова в представлении последних лет. Двойственность представлений о Личности стала свершившимся фактом. Как реакцию на сложившуюся ситуацию можно рассматривать книгу известного ломоносоведа В.П. Лыцова²⁸⁸. Мотивы его аргументов можно понять, но согласно с доводами препятствует огромный массив объективных фактов, установленных в XX веке. Новый взгляд во всю силу заявил о себе при появлении Интернета, исключая редакторскую правку или давление, и отражающего точки зрения образованной публики. Впервые в истории современные технические средства позволили выявить спонтанно сложившееся общественное мнение о Ломоносове. Анализ мнения требует, конечно, специального исследования, но приятно отметить отсутствие покушений на сакральность этого имени.

В год следующего, 275-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова (1986 г.) страна вступила в судорогах «гласности и перестройки». Год вошел в историю планеты чудовищной катастрофой — взрывом реактора Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. Строительство саркофага над реактором было в основном завершено только через полгода. Ранг торжеств был заведомо снижен. Информационный официоз, газеты «Правда»²⁸⁹, «Известия»²⁹⁰, «Комсомольская правда» не дали соответствующих передовиц. Торжественное заседание проводилось не в Кремлевском Дворце Съездов, а в Большом театре СССР. На заседании присутствовал М.С. Горбачев и другие руководители страны. После традиционного выступления Президента АН СССР Г.И. Марчука и вице-президента академика К.В. Фролова, слово было дано далеко не первому в партийной иерархии секретарю Архангельского обкома П.М. Теплепневу, а затем секретарю правления Союза писателей СССР А.А. Михайлову. Информация о заседании печаталась только в виде сообщения ТАСС «Энциклопедист, патриот, новатор». Само сообщение (более половины полосы) цитировало слово «русский» только 15 раз, исключительно как эпитет. Суть и стиль выступления следовали вековой традиции. В докладе Фролова, однако, странно и неестественно прозвучала связка имени Ломоносова,

встречи Р. Рейгана и М. Горбачева в Рейкьявике с подчеркнутым выводом «о приоритете общечеловеческих ценностей над всеми другими ценностями». Случайная оговорка здесь исключена, а принуждение докладчика очевидно. Образ Ломоносова был кощунственно привлечен к готовящемуся предательству великой страны. И если отказ Горбачева во время визита в Лондон посетить могилу К. Маркса знаменовал отречение от коммунистической идеологии, то здесь публично провозглашалось поправление вековых русских святынь и интересов в пользу «общечеловеческих ценностей». Идея «приоритета» — это провокационный абсурд, ибо каждая цивилизация воспринимает свои ценности как общечеловеческие. Вековые ценности России таковы: духовное выше материального, общее выше личного, справедливость выше закона, будущее важнее настоящего и прошлого. Но провозглашенное, как известно, свершилось.

В остальном, этот последний при Советской власти юбилей, внешне проводился, как и прежние: конференции, выставки, должные книги и брошюры. Тиражи изданий были необычайно велики²⁹¹. Новые поколения, вступающие в жизнь, знакомились с Личностью, на примере которой воспитывались их отцы и деды.

Образ Ломоносова в условиях возрожденного капитализма

За прошедшие со дня смены общественного строя 20 лет новая власть не высказала своего представления о приемлемом образе национального героя. По-видимому, непосредственно перед 300-летним юбилеем она должна будет определиться на этот предмет, чтобы обусловить смысловой стержень общепланетарного события.

Далеко не все черты ранее сложившегося образа Ломоносова гармонируют с ныне заявленными лозунгами. Идеи культурной глобализации противоречат национальным чувствам, главным в наследии Ломоносова. Заявленный принцип подготовки в школах «образованного Потребителя» уничтожает призыв «собственных Платонов». Суждению о «просвещении и сбережении русского народа» противостоит ЕГЭ (единый государственный экзамен) и провальная демографическая статистика. Русское национальное самосознание, выпестованное Ломоносовым, перечеркнуто отменой записи о национальности в паспортах. Умолчим о судьбе языка, российской науки, приращении могущества страны Сибирью и Ледо-

витым океаном и о прочем. Нет, не просто будет определить смысловой стержень юбилейных торжеств.

В изменившихся общественных воззрениях образ Личности не складывается в одночасье. Тем не менее, возможно указать направления изменения таких воззрений под пером известных авторов.

За истекшие два десятилетия о Ломоносове вышли в свет около сотни книг и брошюр²⁹². Большая часть изданий посвящена отдельным направлениям научной, административной и творческой деятельности Ломоносова. Их авторы остаются верны ранее сложившемуся схематичному образу, оперируя, как и ранее, цитатами, по большей части произвольно вырванными из контекста документов. Новому прочтению целостной биографии Ломоносова посвящены лишь две малотиражные книги, увидевшие свет в 2006²⁹³ и 2008²⁹⁴ годах. И книги эти следует рассматривать как первые шаги в осмыслении личности Ломоносова в новых условиях трансформации общественного строя и менталитета населения.

Книга В. Шубинского, первая, написанная в постсоветское время, относится к разряду художественных биографий.

Вторая принадлежит перу ведущего ломоносоведа Э.П. Карпеева, много лет руководившего академическим музеем М.В. Ломоносова. В ней биография и деяния ученого освещены применительно к представлению его Личности на телевизионный общегосударственный конкурс «Имя России».

Язык книг различен, яркий и бойкий в первой, лапидарный и сухой — во второй. Отличны и суждения авторов, поверхностные, в силу жанра, у Шубинского, ответственные — у Карпеева. Обе книги безупречно следуют фактам и реалистично, без идеализации, умолчаний или драматизации излагают жизненный путь Ломоносова, описывают его непростой характер, отношения с окружением, итоги научной и творческой деятельности.

Достоверность рассказа, в свою очередь, представила целый ряд современников равными Ломоносову или даже превосходящими его в некоторых обсуждаемых сферах деятельности. Образ оказался лишен исключительности в науке, в просветительских и административных трудах, за ним сохранены лишь преходящие достижения в реформе языка и поэтическом слоге, известный вклад в общую культуру.

Осознано или не желая того, авторы подвели читателя к теме: в чем же, собственно, велик Ломоносов, по праву ли стоят памятни-

ки ему? Столь же безрезультатно читатель мог бы искать в этих книгах ответы на другие очевидные вопросы: почему имя Ломоносова было столь притягательно для «власть имущих», церкви, политических течений? Почему Имя, будучи проведено властью через века, в то же время не было отвергнуто народом? Вопросы прямолинейны и неприятны. Попытаемся на них ответить.

Феномен Ломоносова удивителен. За ним нет военных подвигов, он не спасал Отечество в годину битв, не жертвовал собой. К нему не применимы критерии подобных подвигов, вечных в народной памяти. Но имя его издавна поставлено рядом с полководцами (см. П.Ю. Львова¹⁷⁵), хотя непредвзятый взгляд на творческую, научную и другие привычные сферы деятельности Ломоносова, казалось бы, определит его как известного, знаменитого, прославленного, но отнюдь не Великого человека в истории России. Двухсотлетняя пропаганда имени, безусловно, сыграла свою роль по внедрению образа в сознание народа. Однако, что же оставалось единой нитью, единым мотивом, проходящими через этот самый, непрерывно изменяющийся, народ. В условиях научных и общественных трансформаций народ преобразился по интеллектуальному и образовательному уровню, национальному составу, языку, кругозору, системе ценностей. Какая же нить в восприятии Ломоносова может связывать придворного льстеца XVIII века, справного, грамотного крепостного мужика XIX века и нынешнего расхристанного студента с ноутбуком? Только одна – ОНИ РУССКИЕ, русские – по духу ли, по крови ли. Они принадлежат славному делам и отзывчивому душой великому племени, народу, нации. Это вечное чувство достоинства рода изначально и выразил СЛОВОМ Ломоносов. Здесь он в сознании русских людей не имеет равных, а потому Велик.

В середине XIX века затухающий образ поэта-патриота был искусственно замещен образом ученого-энциклопедиста. Сейчас время все расставляет по своим местам, возвращая на авансцену образ поэта-патриота. Напомним, что именно этот образ в XVIII веке породил кумира. Ныне представления о Личности возвращаются к их истокам.

Вернемся к окончательно сформировавшейся двойственности представления образа Ломоносова в настоящее время. Двойственность, как упоминалось, зародилась в середине XIX века, возродилась и получила развитие с 60-х годов XX столетия, и была утвер-

ждена во мнении некоей части читательской аудитории книгами Шубинского и Карпеева.

Нет сомнения в том, что 300-летний юбилей будет проведен применительно к сложившемуся образу ученого-энциклопедиста с традиционными мероприятиями и выступлениями у памятников. Среди них, сколь известно автору, только два памятника являют образ поэта-патриота — личный в Архангельске и в группе писателей в Новгороде (памятник 1000-летия России). Остальные несут зрителю образ ученого.

Ожидать изменения массовых представлений о Ломоносове следует лишь со временем, при условии принятия властью соответствующего решения и включения государственного пропагандистского аппарата, в том числе с коррекцией школьных программ. Никаких разумных доводов в пользу подобного развития событий (т.е. обращения к реальной Личности) сейчас не имеется. Скорее наоборот. Искусственный, насильственный слом устоявшихся представлений об очередной российской святыне вызовет еще один раскол в обществе. Пусть образы мирно сосуществуют параллельно в своих сферах, имеют своих сторонников и не проявляют взаимной агрессивности. Пусть книги Шубинского, Карпеева и эта статья остаются одинокими островками «чужемыслия» в море устоявшегося восприятия образа.

В настоящее же время более опасна тенденция полного забвения Личности в сознании людей, т.е. ее уход не только из их поля зрения, но и из народной памяти. Сохранит ли нынешняя власть эту фигуру на пьедестале, как то культивировали самодержавная и советская власть? Или, в условиях информационного произвола, отдаст Имя пачкунам, которые втопчут его в грязь?

В нынешнем состоянии без пробуждения русского национального самосознания невозможно восстановление страны. И опять во главе когорты славных сынов России должен стать Ломоносов. Во многих, очень многих сходных обстоятельствах Отечество призывало их образы. Придут они на помощь и ныне. Внимание к образу поэта-патриота может существенно усилиться развитием текущих тенденций в состоянии страны. Обращение к авторитету исторических личностей вызывается обычно протестными настроениями. Заветы Ломоносова о «просвещении» и «сбережении» народа, о русском судьбоносном величии будут непрерывно обретать приверженцев и постепенно становиться политическими лозунгами в

растущем противостоянии России и Запада, в сопротивлении подавлению национальной культуры страны.

В заключение пожелаем 300-летнему юбилею войти в историю Ломоносовской темы выпуском долгожданной академической биографии Ломоносова.

Лирический эпилог

Давайте же, читатель, поставим рядом образы Ломоносова. Будучи оживлены, они бы с удивлением взгляделись друг в друга, не узнавая ни себя, ни своих коллег.

Образ поэта, который писал на малопонятном ныне языке, но оставил несколько чеканных фраз, врезавшихся в память. Поклонимся этому образу. Образ ученого, что «все науки превзошел», и удивил мировые умы своими достижениями. Ну что же, склонимся и перед ним. Образ создателя Московского Университета достоин благодарной памяти, всяческой признательности и монументов. Образ радетеля земли русской, известный ныне лишь небольшой группе ученых-патриотов. Выразим признательность и ему. Но все образы этих валяжных особ в париках и придворных мундирах с некоторым недоумением и высокомерием смотрят на образ юноши, который в погоне за знаниями преодолел снежные просторы и который, собственно, явил миру и превзошел известностью их всех. И если десятки мудрых, высокоученых мужей живописали образы этих напыщенных персон, а сами персоны были известны лишь тысячам, то образ угловатого юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным обозом в Москву, созданный скромными авторами детских книжек, стал родным и понятным миллионам и миллионам во многих поколениях. Именно этот неутомимый русский отрок пробуждал в юной поросли городов и сёл великие мечты, и именно таким остается Ломоносов в памяти большинства нашей страны.

Счастлива страна, которая может предложить детским взорам и умам безупречный, идеальный образ, зовущий к совершенству человеческой личности!

Май 2009 – май 2011 г.

Литература

АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи Историко-документального департамента МИД РФ;
ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук;
РГАДА — Российский Государственный Архив древних актов.

¹ *Солоухина М.И.* Творческое общение Великой Княгини и Императрицы Екатерины Алексеевны с М. В. Ломоносовым. Сб.: Международная конференция/Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729-1796)/ к 275-летию Академии наук Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. URL: http://ekaterina2.bnd.ru/konf/konf_117 (дата обращения: 20.05.2009).

² Переписка И.К. Тауберта с Г.Ф. Миллером // ПФА РАН. Ф. 21, оп. 3, Д. 284 Л. 16, 16 об.

³ Материалы о фабрике Ломоносова в Усть-Рудицах. Редакция текстов и предисловие М.Ф. Злотникова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1940. Т. I. С.125.

⁴ *Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Материалы к столетней памяти его 1765 – 1865 года, апреля 4-го дня. Москва. В университетской типографии. 1865. С.138.

⁵ *Тихонравов Н.С.* Материалы для истории русской словесности. Для биографии Ломоносова // Москвитянин. 1853. № 3. Отдел IV. С. 25.

⁶ *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и Рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков. В Санктпетербурге 1772 года. С.130.

⁷ Там же. Стр. 123.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Кн. 5500. Л.11.

⁹ *Сомов В.А.* Н.-Г. Леклерк о М.В. Ломоносове // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.-Л.: Наука. 1983. Т. VIII. С. 100.

¹⁰ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук с 1725 до 1803 года. 1744–1770. СПб.1899. Том II. С. 536.

¹¹ *Порошин С.А.* Семени Порошина записки, служащая к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича. СПб. 1881. С. 301.

¹² *Ларионова Т.С.* Немецкие издатели в России (XVIII – начало XX вв.). Сб.: Немцы в России. Три века научного сотрудничества. СПб.: Дмитрий Буланин. 2003. С. 370.

¹³ *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М.: Наука. 1989. С. 16-18.

¹⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб. Изд-во А.С. Суворина. 1907. С. 279.

¹⁵ Цит. по: Плеханов Г.В. Сочинения. В 24 т. М.-Л.: ГИЗ. 1925. Т. 21. С.140.

¹⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб.: Суворин. 1907. С. 91.

- ¹⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. М.: Изд-во ГБЛ СССР. Т. II. «К – П». 1964. С. 162-177.
- ¹⁸ Чернышевский Н.Г. ПСС. В 15 т. М.: ОГИЗ. 1947. Т. 3. С. 314.
- ¹⁹ Полевой К.А. Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. М. 1836. Ч. 1. С. 287-29; Ч. 2. С. 330.
- ²⁰ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.-Л.: АCADEMIA. 1930. С. 176, 184.
- ²¹ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря С.127.
- ²² Вольф Христиан. Вольфианская Экспериментальная физика с немецкаго подлинника на латинском языке сокращенная. С котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов Имп. Академии наук член и химии профессор. СПб., при Имп. Акад. наук. 1746. 8°; Вольф Христиан. Вольфианская Экспериментальная физика с немецкаго подлинника на латинском языке сокращенная, с котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов 2-м тиснением с прибавлениями. СПб., при Имп. Акад. наук. 1760. 8°.
- ²³ Аксаков И.С. // Газета «День». 1865, № 21. С.491- 494.
- ²⁴ Порошин С.А. Семена Порошина записки С. 310.
- ²⁵ Тихоцаров Н.С. Материалы для истории русской словесности... С. 8.
- ²⁶ Сичкарев Л.И. Надгробная песнь в бозе почившему ученому российскому мужу Михайле Васильевичу Ломоносову / От усерднейшаго имени его почитателя Луки Сичкарева. 1765 году апреля 15 дня. СПб. Тип. Сухопут. кадет. корпуса. 1765. С. 5.
- ²⁷ Ломоносов М.В. Собрание разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежскаго советника и профессора Михайла Ломоносова. Книга первая второе издание с прибавлениями. Печатано при Императорском Московском Университете 1757 года. 398 с. Подпись под портретом.
- ²⁸ Порошин С.А. Семена Порошина записки С. 180, 189, 190, 192.
- ²⁹ Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. ... С. 25.
- ³⁰ Ломоносов М.В. Собрание разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежскаго советника и профессора Михайла Ломоносова. С. 8.
- ³¹ Там же. С. 5-36.
- ³² Порошин С.А. Семена Порошина записки С. 91, 222.
- ³³ Ломоносов М.В. Полное Собрание/СОЧИНЕНИЙ/Михайла Васильевича/ЛОМОНОСОВА, /СЪ приобщениемъ жизни сочинителя и съ прибавлениемъ/многихъ его нигде еще не напечатанныхъ творений./Часть третья./ВЪ Санкт-петербурге, / иждивениемъ Императорской Академии Наукъ/1784 года./ Явление Венеры на Солнце, наблюденное ВЪ Санкт-Петербургской Императорской Академии Наукъ Мая 26 дня 1761 года. С. 243.
- ³⁴ Порошин С.А. Семена Порошина записки С. 301.
- ³⁵ Боголюбский Н. Речь в храме Имп. Моск. Университета. Сб: Празднование двухсотлетней годовщины рождения М.В. Ломоносова Императорским Мос-м Университетом. М. 1912. С. 3.
- ³⁶ Ломоносов М.В. Полное Собрание/СОЧИНЕНИЙ/Михайла Васильевича/ЛОМОНОСОВА,/ СЪ приобщениемъ жизни сочинителя С. XVIII.
- ³⁷ *Chappe d'Auteroche*. Voyage en Sibirie fait par ordre du Roi en 1761. Paris.1768. V.1. Part 1. P.210.
- ³⁸ Уставы Академии наук СССР. М.: Наука. 1975. С. 57-61.

- ³⁹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. С. 735.
- ⁴⁰ Капица П.Л. Ломоносов и мировая наука // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Л.: Наука. 1965. Т. VI. С. 14, 21.
- ⁴¹ Новик В.К. Франц Эпинус (краткая биографическая хроника, 1724-1802гг) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С. 4-35.
- ⁴² Тихомиров Н.С. Материалы для истории русской словесности С. 25.
- ⁴³ Капица П.Л. Ломоносов и мировая наука С. 21.
- ⁴⁴ Вавилов С.И. Ночезрительная труба М.В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1946. С. 92.
- ⁴⁵ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук С. 523.
- ⁴⁶ Там же. С. 525.
- ⁴⁷ Карпеев Э.П. Центроскопический маятник М.В. Ломоносова. Сб.: Памятники науки и техники. М.: Наука. 1985 (вып. 1986 г.). С. 9.
- ⁴⁸ Капица П.Л. Ломоносов и мировая наука ... С. 21, 22.
- ⁴⁹ Ломоносов М.В. Полное Собрание С О Ч И Н Е Н И Й Михайла Васильевича ЛОМОНОСОВА. Съ приобщениемъ жизни сочинителя. С. VIII.
- ⁵⁰ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10.
- ⁵¹ Уставы Академии наук СССР С. 61.
- ⁵² Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. Примечания. С. 689.
- ⁵³ Уставы Академии наук СССР С. 45, п.15.
- ⁵⁴ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10. С. 82
- ⁵⁵ Там же. С. 80.
- ⁵⁶ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1954. Т. 5. С. 353; Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1863. С. 536.
- ⁵⁷ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. С. 924, №№ 399, 403, 404.
- ⁵⁸ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1863. С. 462.
- ⁵⁹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 4. С. 361-376.
- ⁶⁰ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1863. С. 683.
- ⁶¹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. С. 306, 307.
- ⁶² Эпинус Ф.У.Т. Разсуждение о некоторых новых способах принадлежащих к поправлению магнитных стрелок и морского компаса. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, в Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, декабрь 1758 года. Том VIII. С. 483 – 506.
- ⁶³ Zeihero I.E. Acus nauticae novae descripto // Novi Commentarii, Tom. VIII pro annis 1760 et 1761 (1763), pp. 284, 285.
- ⁶⁴ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук. С. 497, п. 2.
- ⁶⁵ Санктпетербургские ведомости № 53, в пятницу июля 4 дня 1763 года. С. 2.
- ⁶⁶ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 10. Примечания. С. 855.
- ⁶⁷ Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. ... С. 20-23.
- ⁶⁸ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб. 1885. С. 53.
- ⁶⁹ Толстой Д.А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб. 1885. С. 39, 47.

- ⁷⁰ Там же. С. 63.
- ⁷¹ Там же. С. 40.
- ⁷² Там же. С. 47.
- ⁷³ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10. С. 695.
- ⁷⁴ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии С. 47.
- ⁷⁵ Там же. С. 46.
- ⁷⁶ Там же. С. 24.
- ⁷⁷ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии...С. 23-25, 47; Толстой Д.А. Академическая гимназия в XVIII столетии ...С. 30, 36, 37,38; Веселовский К.С. Несколько материалов для истории Академии Наук в биографических очерках ее деятелей былаго времени. III. Никита Попов, профессор астрономии, и Мартин Плацман, адъюнкт по математике. Приложение к LXXIII тому записок Импер. Академии Наук (отдельное издание). СПб. 1893. С. 65, 66; Барков И.С. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академ. Проект. 2004. С.16-20.
- ⁷⁸ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1863. С. 388.
- ⁷⁹ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии ... С. 48-50, 54; Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1863. С. 410, 411.
- ⁸⁰ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии С. 55, 57.
- ⁸¹ Там же. С. 61.
- ⁸² Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10. С. 264. № 519.
- ⁸³ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1863. С. 681-685.
- ⁸⁴ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10. С. 885. № 519.
- ⁸⁵ Карпеев Э.П. Ессе Номо (опыт создания психологического портрета М.В. Ломоносова). Сб.: Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. Под ред. Карпеева Э.П. СПб.: Наука. 1999. С. 248-258.
- ⁸⁶ Материалы о фабрике Ломоносова в Усть-Рудицах. Редакция текстов и предисловие М.Ф. Злотникова. //Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1940. Т. I. С. 117-170. С. 125 – о тяжелейшем финансовом положении фабрики.
- ⁸⁷ Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пер. с нем. В. Кеневича // Сб. отд. рус. яз. и слов. Императорской Академии наук. СПб. 1875. Т. 13. С. 199, 200.
- ⁸⁸ Тихонравов Н.С. Материалы для истории русской словесностиС. 24; Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. Под ред. Топчиева А.В., Фигуровского Н.А. и Ченакала В.Л. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1961. 436с.
- ⁸⁹ Карпеев Э.П. Екатерина II и М. В. Ломоносов. URL: http://www.ekaterina2.com/konf/konf_112.shtml (дата обращения: 20.05.2009); Солоухина М.И. Творческое общение Великой Княгини и Императрицы Екатерины Алексеевны с М.В. Ломоносовы. URL http://www.ekaterina2.com/konf/konf_117.shtml Сб.: Международная конференция/Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729-1796)/ к 275-летию Академии наук. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. <http://www.ekaterina2.bnd.ru/konf/konf.shtml>
- ⁹⁰ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 261. Л. 193.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. ВКД. Раздел «Академия Наук». Опись 2/1. Д. 2. Л. 2, 3об.
- ⁹² АВПРИ. Ф. ВКД. Раздел «Академия Наук». Оп. 2/1. Д. 6. Л. 13.

- ⁹³ Ломоносова М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 9. С. 369-372. № 239.
- ⁹⁴ *Новик В.К.* Академик Франц Эпинус. Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С.15.
- ⁹⁵ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. С. 254, 682.
- ⁹⁶ Там же. С. 244, 245, 681.
- ⁹⁷ *Румовский С.Я.* Изъяснение наблюдений по случаю явления Венеры в Солнце в Селенгинске учиненных, читанное в публичном собрании Императорской Академии Наук сентября 23 дня 1762 года. СПб. 1762. С.18.
- ⁹⁸ *Половцов А.А.* Русский биографический словарь. М.: ИРИО 1896-1918 Т. 24 «Суворова-Ткачев», статья «Тауберт Иван Андреевич». С. 369.
- ⁹⁹ *Двигубский И.А.* Новый магазин естественной истории, издаваемый Иваном Двигубским. 1827. Часть III. № 1. С. 43.
- ¹⁰⁰ ОР РНБ - Фр. F IV 157 [Anecdotes et Coutumes des Russes et des peuples qui sont sous le sceptre de Russie, avec ce qu'il y a de plus remarquable dans les trois regnes de la nature et en général de l'histoire par un voyageur qui a resté quinze ans en Russie. Tome VI. PP.12об.,13].
- ¹⁰¹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1759. Т. 8. С. 772.
- ¹⁰² Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова ... С. 379, 380.
- ¹⁰³ //Москвитянин. 1855. Том V, сентябрь. Книги 1 и 2. №№ 17 и 18. Материалы для русской истории. С.14.
- ¹⁰⁴ *Кулаков И.А.* Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. 1911. С. 21.
- ¹⁰⁵ *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л.: Наука. 1975. С. 117.
- ¹⁰⁶ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова... С. 391.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 394.
- ¹⁰⁸ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10. С. 305 § 56, 727.
- ¹⁰⁹ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова ... С. 397.
- ¹¹⁰ Там же. С. 398.
- ¹¹¹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1954. Т. 5. С. 633-638.
- ¹¹² *Данилевский В.В.* Ломоносов как исследователь русских руд //Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1951. Т. 3. С. 220-222, 224, 225.
- ¹¹³ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1952. Т. 3. С. 491-501, 588-591.
- ¹¹⁴ *Перевалов В.А.* Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий. М.-Л.: Главсевморпуть. 1949. 504с.; Старков В.Ф. Новые данные об экспедиции В.Я. Чичагова. Сб.: Памятники науки и техники. М.: Наука. 1985 (вып.1986). С. 207-215; Чичагов П.В. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого, по времени, морского министра // Русская старина. 1886, июнь. Т. 50. С. 463-488; Т. 51, август. С. 247-270; сентябрь. С. 487-518; Т. 52, октябрь. С. 25-44; ноябрь С. 239-258.
- ¹¹⁵ Разныя сведения, относящиеся к экспедиции Чичагова // Записки Гидрографического департамента. СПб.1848. Часть VI. С. 100-114.
- ¹¹⁶ *Buffon G.L.L., D'Aubenton L.J.M.* Histoire/ naturelle,/ générale et particulière./ avec la description/ du Cabinet du Roi. Tome 1./À Paris./ De l'Imprimerie Royale., М. DCCXLIX, 4° . PP. 214-218; Перевод: Всеобщая и частная/ Естественная история/

графа де Бюффона;/преложенная с Французскаго языка на Российской./по/ высочайшему повелению./ Часть I./ Переведена Академиками Степаном Румовским и Иваном Лепехином./ В Санктпетербурге./ иждивением Императорской Академии Наук/ 1789 года. С. 203-208.

¹¹⁷ Ломоносов М.В. Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях. ПСС. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1952. Т. 3. С. 456, 457.

¹¹⁸ Журнал выдачи книг из библиотеки АН. ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 410. Л. 22.

¹¹⁹ *Zorgdrager, Cornelius Gisbert. C. G. Z.'s ... Grönländische Fischerei und Wallfischfang, mit einer ... Beschreibung von Grönland, Island, Spitzbergen, Nova Zembla ... u. a., ausgefertigt durch A. Moubach. Zu Ende ist ... beygefüget eine ... Nachricht von dem Bakkeljau- und Stocktischfang bei Terreneuf (aus den Schrifften des Herrn Denys gezogen) aus dem Holländischen übersetzt, etc. Leipzig. 1723. 4°.*

¹²⁰ Берх В.Н. Дополнение к жизнеописанию М.В. Ломоносова // Московский телеграф. 1828. № 11. Ч. 21. С. 290.

¹²¹ Царствование императрицы Екатерины II. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1763-1764 гг. 1764 г. С. 110.

¹²² Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова // Записки Гидрографического департамента. СПб. 1847. Ч. V. С. 247, 250.

¹²³ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т. 6. С. 469. § 63.

¹²⁴ Разные сведения, относящиеся к экспедиции Чичагова // Записки Гидрографического департамента. СПб. 1848. Ч. VI. С. 123, 124.

¹²⁵ Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий. М.-Л.: Главсевморпуть. 1949. С. 304-307, 312.

¹²⁶ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т. 6. С. 497.

¹²⁷ Макаров В.К. Художественное наследие М.В. Ломоносова. Мозаики. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1950. С. 79.

¹²⁸ Там же. С. 13.

¹²⁹ Некрасова Е.А. Ломоносов – художник. М.: Искусство. 1988. С. 106.

¹³⁰ Макаров В.К. Художественное наследие М.В. Ломоносова. Мозаики. С. 97-100.

¹³¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 566. Л. 159об.

¹³² Сочинения Императрицы Екатерины II. СПб.: изд. Акад. Наук. 1901. Т. V. Мелкия статьи из журналов. «Всякая всячина». 1769. С. 290.

¹³³ Записки императрицы Екатерины Второй С. 58, 59, 61.

¹³⁴ Порошин С.А. Семена Порошина записки, служащая С. 162

¹³⁵ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 9. С. 846, 847.

¹³⁶ Эмин Ф.А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великия и вечной достойныя памяти имп. Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая: Соч. Ф. Эммином; В 3 т. Спб.: при Имп. Акад. наук. 1767. Т. 1. С. 4, 5.

¹³⁷ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. С. 680.

¹³⁸ Там же. С. 404-411.

-
- ¹³⁹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т. 3. С. 492 № 12, 493 № 12, 494 № 28, 495 № 28, 496 № 13, 497 № 13, 500 № 5, 501 № 5.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 496 № 13, 497 № 13.
- ¹⁴¹ Там же. С. 492 № 12, 493 № 12.
- ¹⁴² Цицерон М.Т. М. Туллия Цицерона о естестве богов три книги переведены с Латинского языка Григорьем Комовым. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1779 года. С. 7.
- ¹⁴³ Карпеев Э.П. Эссе Номо ... С. 248-258.
- ¹⁴⁴ Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера. С. 194.
- ¹⁴⁵ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР 1957. Т. 10. С. 587.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 597.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 357.
- ¹⁴⁸ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 9. С. 434.
- ¹⁴⁹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10. С. 166, 354.
- ¹⁵⁰ Тихонравов Н.С. // Москвитянин, 1854. Кн. II. Отд. IV. Для биографии Ломоносова. С. 24.
- ¹⁵¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. М.: Изд-во ГБЛ СССР. 1964. Т. II «К – П». С. 162-177.
- ¹⁵² Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков. В Санктпетербурге 1772 года. С. 119-130.
- ¹⁵³ Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л.: Наук. 1975. С. 40, 41, 116.
- ¹⁵⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. М.: Изд-во ГБЛ СССР. 1962. Т. I «А – И». №№ 4736-4744.
- ¹⁵⁵ Сочинения Императрицы Екатерины II. Спб.: Изд-во Акад. Наук. 1901. Т. V. С. 317, 318, 320. Мелкия статьи из журналов. «Собеседник любителей русского слова». 1783.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 321-329.
- ¹⁵⁷ Бабкин Д.С. Биографии М.В. Ломоносова, составленные его современниками // Ломоносов, сборник статей и материалов. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1946. Т. 2. С. 7, 10.
- ¹⁵⁸ Стенник Ю.В. Вережкин. Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука. 1988. Вып. 1. С. 148-150.
- ¹⁵⁹ Штелин Я.Я. Черты и Анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным // Москвитянин. 1850. Ч. I. Отд. II. Материалы для истории русской словесности. С. 1-14.
- ¹⁶⁰ Le Clerc N.G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Paris. 1783. Т. I. P. 70-75.
- ¹⁶¹ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук с 1725 по 1803 года. Спб. 1900. Т. III. 1771 – 1785. С. 759, 760.
- ¹⁶² Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. С. 597.
- ¹⁶³ ПФА РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 342. Л.143.
- ¹⁶⁴ Сочинения Императрицы Екатерины II. СПб.: Изд-во Акад. Наук. 1901. Т. II. С. 294-297, 306..

- ¹⁶⁵ *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Спб. Изд. А.С. Суворина. 1889. Т. I. С. 56
- ¹⁶⁶ *Радищев А.Н.* Избранное. М.: Правда. 1988. С. 258-271; Путешествие из Петербурга в Москву. СПб.: б. и. 1790. 453с.
- ¹⁶⁷ //Зритель. СПб. 1792, февраль, апрель. С. 14,168, 170, 171, 173.
- ¹⁶⁸ *Мхл. Бккрв* (Михаил Баккаревич?) Нечто о Ломоносове // Приятное и полезное препровождение времени. Москва. 1794. Ч. III. С. 319, 320; Рецензия на «Нечто о Ломоносове», там же. Ч. IV. С. 338-356; Ответ на Рецензию, там же. Ч. V. С. 149.
- ¹⁶⁹ Сенатский архив. Именные указы Императора Павла I. СПб.: типография Сената, 1888. Т. I. С. 431.
- ¹⁷⁰ *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб. 1873. Т. II. С. 888.
- ¹⁷¹ Сенатский архив. Именные указы Императора Павла I С. 636.
- ¹⁷² *Муравьев М.Н.* Опыты истории, словесности и нравоучения. Сочинения Михаила Никитича Муравьева, изданные по его кончине. М. 1810. Ч. I. С. 190.
- ¹⁷³ Аониды, или собрание разных, новых стихотворений. М. 1798-1799. Книжка III. С. 38-40, 129-136.
- ¹⁷⁴ *Греч Н.И.* Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. СПб. 1812.
- ¹⁷⁵ *Львов П.Ю.* Храм славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых. СПб., при Академии наук, 1803. В конце: Из второй книги Храма славы – Памятники российских Ироев осмагонадесять века. С. 13, 14.
- ¹⁷⁶ *Шлецер А.-Л.* Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пер. с нем. В. Кеневича // Сб. Отд. рус. яз. и слов. Императорской Академии наук. Спб. 1875. Т.13. С. 198,199.
- ¹⁷⁷ *Севергин В.М.* Слово похвальное Михайлу Васильевичу Ломоносову, читанное в Императорской Российской Академии в годовом торжественном Ея собрании 1805 года членом оныя Васильем Севергиным. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук 1805 года. С. 39, 45.
- ¹⁷⁸ *Пушкин А.С.* ПСС в 10 т. Л.: Наука. 1977—1979. Т. 10. Письма. 1979. С. 114-116.
- ¹⁷⁹ *Пушкин А.С.* ПСС. М.: ОГИЗ. 1948. Т. 6. Критика, история, автобиография. <Путешествие из Москвы в Петербург>, <1833-1835> С. 227, 228.
- ¹⁸⁰ *Пушкин А.С.* ПСС. М.: ОГИЗ. 1947. Т. 5. Критика, история, публицистика. <О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова>. С. 18.
- ¹⁸¹ *Пушкин А.С.* ПСС. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 6. Критика, история, автобиография. <Путешествие из Москвы в Петербург>, <1833-1835>. С. 228.
- ¹⁸² //Московский Телеграф. 1825. № 18. С. 131-136; Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т. 10. С. 508, 514, 613.
- ¹⁸³ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т.10. 1957. С. 537, письмо № 64.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 312, § 67.
- ¹⁸⁵ *Тимковский И.Ф.* Мое определение на службу. Часть 3. Шувалов // Москвитянин. 1852. Т.5, № 20. Отд. IV. «Исторические материалы». С. 51-69.

¹⁸⁶ *Костышин Д.Н.* История Московского Университета (вторая половина XVIII–начало XIX века). Сборник документов. М.: Academia. 2006. Т. I. 1754-1755.

¹⁸⁷ *Цветаев Л.* Слово о взаимном влиянии Наук на Законы и Законов на Науки. На день торжественного Празднования Императорского Московского Университета, о благополучно совершившемся пятидесятилетии от его основания... в публичном онаго Университета Собрании, июня 30 дня 1805 года. Печатано при Императорском Московском Университете. С. 34, 45.

¹⁸⁸ Речи и стихи произнесенныя в торжественном собрании Императорского Московского Университета, июня 26 дня 1830 года. С приложением краткой годовой Истории онаго. Москва. В Университетской Типографии. 1830. С. 54, 55, 121.

¹⁸⁹ //Ежемесячныя сочинения к пользе и увеселению служащих. Февраль, 1755 года. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук». С. 98-104, 160, 161.

¹⁹⁰ //Журнал министерства народного просвещения. СПб. 1855. Часть 85. Отд. II. С. 167-196.

¹⁹¹ Акт московскаго императорскаго университета. // Московския ведомости. 1877, 13 января. № 10. С. 4.; Открытие памятника Ломоносову в Москве // Всемирная Иллюстрация. 1877. Т. 17. № 6. С. 109, 121 илл.

¹⁹² *Горбунов Н.П.* Михаил Васильевич Ломоносов и русская наука // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 1. С. 11.

¹⁹³ *Полевой К.А.* Михаил Васильевич Ломоносов. М. 1836. Т. I. 337 с.; Т. II. 342 с.

¹⁹⁴ *Белинский В.Г.* Михаил Васильевич Ломоносов (Сочинение Ксенофонта Полевого). Избранные философские сочинения. В 2 т. Т. I. Госполитиздат. 1948. С. 217-229.

¹⁹⁵ *Некрасов Н.А.* Юность Ломоносова. ПСС. В 15 т. Л.: Наука. 1983. Т. 6 «Драматические произведения. 1840-1859 гг.». С. 20.

¹⁹⁶ *Ишимова А.О.* История России в рассказах для детей. Санктпетербург. В типографии Императорской Российской Академии. 1839. Часть пятая. 8⁰. С. 84-109.

¹⁹⁷ *Фурман П.Р.* Сын рыбака, Михаил Васильевич Ломоносов. Повесть для детей. Сочинил и украсил 8 картинками П. Фурманн. Картинки печатаны во французской литографии Поля Петри. Санктпетербург. 1844. 130с.

¹⁹⁸ *Петров В.* Михайло Васильевич Ломоносов (жизнеописательный очерк). Петербургский сборник для детей, издан В. Петровым и М.М. Санктпетербург. В типографии Министерства Государственных Имуществ. 1847. С. 153-202.

¹⁹⁹ *Филонов А.* Михаил Васильевич Ломоносов. Из Народных Чтений Солянаго Городка. С 4-мя раскраш. карт. СПб. 1873.

²⁰⁰ *Грот Я.К.* Очерк академической деятельности Ломоносова // Записки Имп. Ак. Наук. 1865. Т. 7, вып. II. С. 223.

²⁰¹ *Пономарев С.И.* Материалы для библиографии литературы о Ломоносове // Сб.отд. рус. яз. и слов. Имп. АН. СПб. 1872. Т. 8. № 2. С. 87-89.

²⁰² *Мельников П.* Описание праздника, бывшаго в С.-Петербурге 6—9 апреля 1865 года, по случаю столетняго юбилея Ломоносова. СПб. 1865. 4⁰. 46 с.

²⁰³ Празднование столетней годовщины Ломоносова 4 апреля (1765—1865) Импер. Московским Университетом в торжественном собрании апреля 11 дня. М. 1865. 8⁰, 114 с.

- ²⁰⁴ Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. Лемке М.К. В 21 т. Пг.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению 1922. Т. 17. С. 294.
- ²⁰⁵ Аксаков И.С. // Газета «День». 1865. № 16. С. 361.
- ²⁰⁶ Летопись Российской Академии Наук. В 3 т. СПб.: Наука. 2003. Т. 3. / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. 1861 – 1900 гг. С. 84.
- ²⁰⁷ Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова // Записки Имп. Ак. Наук. 1865. Т. 7. Вып. II. С. 221, 222.
- ²⁰⁸ Аксаков И.С. // Газета «День». 1865. № 16. С. 361-364; № 17. С. 402, 403; № 21. С. 491- 494.
- ²⁰⁹ Там же. № 17. С. 402, 403.
- ²¹⁰ Там же. № 16. С. 370.
- ²¹¹ Там же. № 21. С. 491- 494.
- ²¹² // Домашняя беседа. 1865. №№ 17, 18, 21.
- ²¹³ Пономарев С.И. Материалы для библиографии литературы о Ломоносове. С. 79-83.
- ²¹⁴ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1865. С. 638, 639.
- ²¹⁵ Любимов Н. Ломоносов и Петербургская Академия наук // Русский вестник. 1865. Т. 56. С. 404.
- ²¹⁶ Вельтман А.Ф. Портфель служебной деятельности Ломоносова.– В кн.: "Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком". Кн. 2. М.: тип. Степанова. 1840. С. 5–85; кн. 5. С. 3-90.
- ²¹⁷ Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб. 1873. Т. 2. С. 569, 570.
- ²¹⁸ Там же. С. 570.
- ²¹⁹ Чернышевский Н.Г. ПСС. В 15 т. М.: ОГИЗ. 1947 Т. 3. С. 138.
- ²²⁰ Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем 1919. Т. 6. С. 376.
- ²²¹ Добролюбов Н.А. ПСС. В 6 т. М.: ГИХЛ. 1934. Т. I. С. 229, 230.
- ²²² Плеханов Г.В. Сочинения. В 24 т. М.-Л.: ГИЗ. 1925. Т. 21. С. 142, 151, 152.
- ²²³ Владимиров П. Ломоносов Михаил Васильевич. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. 1896. Т. 34. С. 939-945.
- ²²⁴ // Летопись историко-родословного общества в Москве. М. 1910. Вып. 1(21). С. 48; Вып. 4 (24). С. 71.
- ²²⁵ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1911. Д. 42. Л. 3.
- ²²⁶ Педашенко О. Памятники Ломоносову (1711-1911 гг.). // Газета «Московская Ведомости». 8 (21) ноября 1911 г. № 256. С. 2.
- ²²⁷ К. Р. (Константин Константинович, вел. князь). Кантата на двухсотлетие со дня рождения М. В. Ломоносова. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1911. - 4 с.
- ²²⁸ Список учреждений и обществ и их представителей, принявших участие в Торжественном Собрании Императорской Академии Наук 8 ноября 1911 года в память 200-летия со дня рождения/ М.В. Ломоносова. СПб.: Тип. Имп. Аккад. Наук. 1911. 29с.
- ²²⁹ // Газета «Русские ведомости». 9 ноября 1911. № 258. С. 2.
- ²³⁰ // Газета «Русские ведомости». 13 ноября 1911. № 262. С. 2.
- ²³¹ Соколов Л. Апостол русского просвещения (памяти М.В. Ломоносова). 1711-1911 г. Труды Киевской духовной Академии. 1912.

- ²³² *Миртов П.А.* О заветах М.В. Ломоносова великому русскому народу. Пг.: Братство трезвости. 1915. С. 13, 15. Первое издание в 1911 г.
- ²³³ Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук. Извлечения и объяснительные статьи Б.Н. Меншуткина, Н.А. Иосса, Ю.М. Шокальского, В.И. Вернадского. СПб.: Изд. имп. акад. наук. 1911. С. 102.
- ²³⁴ *Ломоносов М.В.* ПСС. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.10. С. 408-411.
- ²³⁵ *Taton R.* Histoire générale des sciences. Paris. P.U.F. 1957. Vol. 1. P. 217.
- ²³⁶ *Rey Jean.* Essais sur la recherche de la cause pour laquelle l'étain et le plomb augmentent de poids quand on les calcine. Новое издание с примечаниями М. Гобта (М. Gobet). Paris. Ruault. 1777. P. 21.
- ²³⁷ *Лебедев П.Н.* Памяти первого русского ученого (1711 – 1911 гг.) //Газета «Русския ведомости». 1911. № 257. Вторник 8 ноября. С. 3, 4.
- ²³⁸ *Пекарский П.П.* История императорской Академии наукС. 362.
- ²³⁹ *Буллич Н.Н.* Михаил Васильевич Ломоносов. В сб. «Русская поэзия» / Под ред. С.А. Венгерова СПб. 1893. С. 94.
- ²⁴⁰ *Плеханов Г.В.* Сочинения С.158.
- ²⁴¹ Труды Ломоносова в области естественно-исторических наукС. 103.
- ²⁴² *Кизеветтер А.А.* // Газета «Русския ведомости». 1915, 4 апреля. № 76. С. 5.
- ²⁴³ *Розанов В.В.* Ломоносов. Его личность и судьба // Газета «Новое время». 1915, 4 апреля. № 14031.
- ²⁴⁴ *Коваленский М.Н.* Русский ученый XVIII века. Страницы из жизни Ломоносова. К 150-летию юбилею. М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова. 1915. С. 70-72.
- ²⁴⁵ *Кунцевич Г.З.* Библиография изданий сочинений М.В. Ломоносова на русском языке. Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Пг.: тип. Росс. Акад. Наук. 1918. Т. 6. С. II.
- ²⁴⁶ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 267. Ст. 1955. С. 3176.
- ²⁴⁷ *Коваленский М.Н.* Русский ученый XVIII века. Страницы из жизни Ломоносова. Изд. 2-е. М.: Т-во «Мир». 1920 (на обложке 1922).
- ²⁴⁸ <Из воспоминаний В.Ф. Саводника>. URL <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/savodnik/univers.htm> (дата обращения: 30.07.2009)
- ²⁴⁹ *Коваленский М.Н.* ВЧЕРА и ЗАВТРА. Как и откуда взялась новая Красная Россия. М.-Пг.: Гос-е изд-во 1923. 151с.
- ²⁵⁰ *Стеклов В.А.* Профессор. Михайло Васильевич Ломоносов. Берлин – Пб.: Изд. З.И. Гржебина. 1921. 202с.; 2-е изд. *Стеклов В.А.*, академик. Михайло Васильевич Ломоносов. Берлин – Пб.- Москва: Изд. З.И. Гржебина. 1922. 202с.
- ²⁵¹ //Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). Горький и его эпоха: Материалы и исследования. Вып.3. М.: Наследие.1994. С. 33.
- ²⁵² *Матерн Э.Э.* Сын рыбака (М.В. Ломоносов). Пьеса в 1-м действии. М.: Изд. РГО. 1923.
- ²⁵³ *Сорокина М.Ю.* "Мы не нищие...": к истории 200-летнего юбилея Российской Академии наук (из дневника Е.Г. Ольденбург) // Источник. 1999. № 6. С. 28-41.
- ²⁵⁴ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1922-1952. Составитель В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН. 2000. С. 35-45.
- ²⁵⁵ //Ленинградская правда. 1925, 14 августа. N184.

-
- ²⁵⁶ //Правда. 1925, 5 сентября. № 202 (3133). С. 3.
- ²⁵⁷ //Правда. 1925, 6 сентября. № 203 (3134). С. 3.
- ²⁵⁸ *Луначарский А.В.* К 200-летию Всесоюзной Академии наук // Новый мир. 1925. № 10. С. 113.
- ²⁵⁹ М.В. Ломоносов и Академия наук //Комсомольская правда. 1925, 4 сент. № 85. С. 4.
- ²⁶⁰ //Природа. 1925. № 7–9.
- ²⁶¹ Введение в РСФСР всеобщего начального обучения //Правда. 1925, 3 сент. № 200 (3131). С. 3.
- ²⁶² Народное образование в Москве //Комсомольская правда. 1925, 3 сентября. № 84. С. 4.
- ²⁶³ *Киров С.М.* На историческом рубеже между первым и вторым пятилетним планом. Заключительное слово тов. Кирова на IV областной и II городской Ленинградской партконференции ВКП(б) 23 января 1932 года. Избранные статьи и речи 1912-1934. Л.: ОГИЗ. 1939. С. 475.
- ²⁶⁴ *Шторм Г.П.* Труды и дни Михаила Ломоносова. Обзорение в 9 главах и 6 иллюминациях. М.: Гос. изд. худ. лит.-ы. 1932. 300 с. Илл. В.А. Фаворского; Шторм Г.П. Ломоносов. М.: Журн.-газ. об-ние. // Жизнь замечательных людей. Вып. 23-24. 1933. 141 с.
- ²⁶⁵ *Mrs de Lur-Saluces.* Lomonossov. Le prodigieux moujik. Ломоносовъ. Paris. Éditions Émile-Paul-Frères. 1933. 332 p. Микрофильм РГБ РФ.
- ²⁶⁶ *Луначарский А.В.* К 200-летию Всесоюзной Академии наук С. 101.
- ²⁶⁷ *Кеткович Я.* Двухсотлетие Академии наук //Комсомольская правда. 1925, 9 сентября. № 89. С. 4.
- ²⁶⁸ *Шторм Г.П.* Ломоносов. М.: Журн.-газ. об-ние // Жизнь замечательных людей. 1933. Вып. 23-24. С. 128.
- ²⁶⁹ *Кеткович Я.* Двухсотлетие Академии наук С. 4.
- ²⁷⁰ // Правда. 1925, 6 сентября. № 203 (3134). С. 3.
- ²⁷¹ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: В 11 т. / Под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. М.: Академия пед. наук; Т. 2. 1958. С. 376, 656; Т. 5. 1958. С. 641; Т. 6. 1959. С. 400.
- ²⁷² *Кедров В.* Детство и юность Ломоносова. Радиопередача для пионеров и старших школьников. М. 1940, 21 апреля. Машинописный экземпляр РГБ РФ.
- ²⁷³ // Правда. № 317(8923). 18 ноября 1936 г.
- ²⁷⁴ // Известия. № 267(6124). 18 ноября 1936 г.
- ²⁷⁵ Вавилов С.И. Оптические воззрения и работы М.В. Ломоносова //Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 1. С. 235-242.
- ²⁷⁶ *Ломоносов М.В.* Речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти. Русский Свободный Университет в Праге. Издано под редакцией проф. М.М. Новикова. 1936. 35 с.
- ²⁷⁷ *Муратов М.* Юность Ломоносова. М.-Л.: Гос. Изд. Детской литературы Наркомпроса РСФСР. 1944. 122 с.
- ²⁷⁸ *Вавилов С.И.* Ломоносов и русская наука. Читано для учащихся средних школ 29 марта 1945 года в Москве на «Ломоносовских чтениях». М.: Изд. Молодая гвардия. 1945. С. 3.

-
- ²⁷⁹ Рассказы о науке и ее творцах. Сост. Жигарев Л.В., акад. Ферсман А.Е., проф. Яковлев А.А. М.-Л.: Детгиз. 1946. 326 с; Изд. второе исп. и доп. Сост. проф. Яковлев А.А., Жигарев Л.В. М.: Трудрезервиздат. 1949. 344 с.
- ²⁸⁰ *Елисеев А.А.* Издание полного собрания сочинений М.В. Ломоносова // УФН. 1950 (сентябрь). Т. 42. Вып.1. С. 54.
- ²⁸¹ *Кузнецов И.В.* Сокровища русской науки (К выходу в свет первого тома Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова) //УФН. 1950 (сентябрь).Т.42. Вып.1. С.57,63, 64.
- ²⁸² Архив АН СССР. Фонд 596 «Вавилов С.И.». Оп. 1. Д. № 293. Л. 2, 3. 1947, 12 сентября. URL http://www.ras.ru/sivavilovarchive/1_actview.aspx?id=635&print=1 (дата обращения: 20.08.2009)
- ²⁸³ *Топчиев А.* Бессмертие // Правда. 1961,19 ноября. № 324 (15814). С. 4; //Известия.1961,18 ноября № 274 (13820). С. 1, 3.
- ²⁸⁴ *Кароль Б.П.* М.В. Ломоносов и метеорология. Л.: Гидрометеоздат. 1961. 52 с.
- ²⁸⁵ *Китайцев В.А.* Работы М.В. Ломоносова в области печной теплотехники. М.: Изд. МИСИ им. В.В. Куйбышева. 1962. 15 с.
- ²⁸⁶ *Мартысевич И.М.* Вопросы государства и права в трудах М.В. Ломоносова. [К 250-летию со дня рождения. 1711-1961]. М.: Изд. МГУ. 1961. 88 с.
- ²⁸⁷ *Куликовский П.Г.* М.В. Ломоносов – астроном и астрофизик. М. Физматгиз. 1961.103 с.
- ²⁸⁸ *Лысцов В.П.* Жизнь и деятельность М.В. Ломоносова в освещении П.П.. Пекарского. Воронеж: Изд. ВГУ. 1993. 112 с.
- ²⁸⁹ //Правда. 1986, 17 ноября. № 321 (224943). С. 7; 1986, 20 ноября. № 324 (24946). С. 1, 6.
- ²⁹⁰ //Известия. 1986, 16 ноября. № 321 (21763). С. 3; 1986, 20 ноября. № 324 (21766). С.1,7.
- ²⁹¹ *Карнеев Э.П.* Михаил Васильевич Ломоносов. М.: Просвещение. 1987. 94 с. Тираж 180000 экз.; Ишлинский А.Ю., Павлова Г.Е.. М.В. Ломоносов – великий русский ученый. М.: Педагогика. 1986. 126 с. Тираж 290000 экз.
- ²⁹² Михаил Васильевич Ломоносов. Рекомендательный список литературы (2005–2009 гг.). Научная библиотека Поморского гос. университета им. М.В. Ломоносова. URL <http://lib.pomorsu.ru/Bibkop/lom2.html> (дата обращения: 20.08.2009)
- ²⁹³ *Шубинский В.И.* Михаил Ломоносов. Всероссийский человек. Спб.: Изд. Вита Нова. 2006. 606 с.
- ²⁹⁴ *Карнеев Е.П.* М.В. Ломоносов. Серия: «Имя Россия. Исторический выбор». М.: Изд. АСТ-АСТРЕЛЬ. 2008. 188 с.

Благодарности

Автор считает своим приятным долгом выразить признательность **Альбине Крымской** за предложение темы, **Д.Н. Костышину** — за ценнейшую, ранее не известную информацию о М.В. Ломоносове, директору Музея М.В. Ломоносова РАН **Э.П. Карпееву** и директору Музея истории МГУ им. М.В. Ломоносова **А.С. Орлову** — за обстоятельные и полезные дискуссии, главному редактору газеты «Советский физик» Физического ф-та МГУ проф. **К.В. Показееву** — за представление статьи вниманию коллектива факультета в 2010–2011 годах.

ISBN 978-5-8279-0100-6

9 785827 901006